

ВСТРЕЧА

Колонка редактора

Ежеквартальный
студенческий православный
журнал Московской
Духовной Академии и
Семинарии.
Издается по благословению
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.
1996 · 3

Попечитель журнала

Фонд единства
православных народов

Главный редактор:
Даниил Еремеев
Выпускающий редактор:
Илья Шугаев
Редакционный совет:
иеромонах Андрей (Мороз),
монах Алексей (Трегубенко),
Сергей Елисеев,
Сергей Ефимов,
Сергей Зрянин,
Виктор Костюк,
Дмитрий Моисеев,
Сергей Пантелеев,
Евгений Сиротенко
Корректоры:
Д. Моисеев, Д. Морнев
Верстка: И. Шугаев
Фото: А. Максимов, С. Пантелеев

Адрес редакции:
141300, Московская обл.,
Сергиев Посад,
Свято-Троице-Сергиева Лавра,
МДА и С
факс: (095) 973-08-23

ЛР № 040173 от 28.11.91
Подписано в печать 26.11.96
Формат 60 x 90 1/8. Усл. печ. л. 8
Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 8,2
Тир. 1500 экз. Зак. 1606
Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала "Встреча"
Отпечатано в типографии
издательства "Дом печати"
432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Содержание

- Юбилей храма
Георгий Роуцин.....2
- Единоверцы — кто они?
посл. Олег Добронравов.....3
- Творчество или пассивизм
Сергей Ефимов.....6
- Зерцало смирения
Евгений Сиротенко.....11
- Архимандрит Киприан
(Керн) и его книга о
святителе Григории Паламе
Н.К. Гаврюшин.....13
- Мысли вслух.....20
- Российская классическая
гимназия и задачи
православной педагогики
Ю.А. Шичалин.....22
- Летопись.....31
- О современном
богослужении.....36
- Возвращение к Богу
от земли на Небо.....42
- Святитель — исповедник
земли Крымской
Андрей Ельников.....48
- Воспомявая
о старце-архипастыре
иерод. Симеон (Гаврильчик).....52
- В стране восходящего солнца
Василий Буш.....54
- Христианский детский
лагерь не Кипре
Александр Болонников.....55
- Обзор прессы
Сергей Зрянин.....57
- Секта "чайников"
Игорь Выжханов.....60
- Наследники Ассирии
в XX веке
Владимир Голубцов.....61
- Канон святителю Григорию
Паламе.....63

На 1-й стр. обложки: Традиционное шествие на молебен в Троицкий собор в начале учебного года

Когда мы слышим слово *студент*, то мысленно представляем образ некоего искателя, всегда спешащего что-то открыть и доказать.

Студенческие годы... Безусловно, важна каждая минута человеческой жизни, когда бы она ни была прожита. Но именно это мгновение, когда все представляется доступным и по силам, кажется особенно дорогим. Коли так, то не должны ли быть на вес золота каждая мысль, каждый поступок: ведь слишком мало времени, чтобы тратить его понапрасну. Может, действительно, нам, студентам, стоит рассудить, в чем состоит истинное предназначение нашего теперешнего состояния, и к чему вообще призвана современная православная молодежь.

Мы живем в очень трудное, но решающее для всего мира время. Прогресс науки и техники, задающий новый ритм жизни, коренным образом меняет человека, предлагает ему встраиваться в доселе неизвестные формы существования. Цивилизация приближается к тому моменту, когда веками бытовавшие принципы и нормы жизни совершенно будут вытеснены иными, весьма интенсивно внедряемыми уже сейчас. Мир меняется и требует живого к себе отношения. Теперь или позже христианство должно будет оценить те процессы, которые реорганизуют личность и общество.

В некотором смысле большая часть трудов по решению этой задачи ложится именно на студенчество. И не только в будущем, но уже и сейчас: ведь студент, собственно, тогда и студент, когда он приобретает новое ведение. В том-то как раз и ценность, превосходство ученичества, что оно побуждает нас искать и испытывать смысл всякой вещи.

Если мы православные люди, то наш долг, независимо от специфики получаемого нами образования, применить все наши силы и молодость по зову совести и веры. И нам нельзя ограничиваться простым приобретением знаний и умением пользоваться святоотеческими цитатами. Мир меняется очень быстро и ставит перед нами совершенно новые проблемы, на которые ответить лишь цитатой невозможно. Все чаще и чаще от Церкви, а значит, и от нас, требуют ответы на вопросы, которые не могут быть решены без новых идей, новых мыслей. Единственный путь к их приобретению — стяжание ума Святых Отцов, того духовного и душевного состояния, в котором возможно правильное рассуждение.

Сейчас то время, когда, изменив известное выражение, следует сказать: "Вперед! К Отцам!" Вперед, следуя их духу, обретая их разум и силу, чтобы каждое наше слово происходило из единого с ними ума.

Главный редактор Даниил Еремеев.

ЮБИЛЕЙ ХРАМА

В этом году, 23(10) ноября, семинарскому храму преподобного Иоанна Лествичника исполнилось 100 лет. Конечно, в стране с тысячелетней историей христианства это не большой возраст для храма, но за век своего существования ему довелось пережить не только радостные дни ежедневных богослужений, но и претерпеть настоящие мучения в период воинствующего безбожия. Нет ничего страшнее для церкви, как лишиться молитвы и богослужения.

Храм преподобного Иоанна Лествичника является домовым и задумывался он как церковь, в которой могли бы возносить свои молитвы немощные старцы-монахи из братии Троице-Сергиевой Лавры, которые жили на территории монастыря и, порой, не могли присутствовать из-за болезней на богослужении. Поэтому о постройке просторного здания, в котором могли бы разместиться больница, богадельня, а также храм начал помышлять еще в середине XIX века наместник Лавры архимандрит Леонид (Кавелин), питомец знаменитой Оптиной пустыни. Однако ему не удалось воплотить этот замысел. Осуществить его смог только следующий наместник архимандрит Павел (Глебов). Проект постройки здания и храма утвердил и благословил бывший в конце XIX века Управляющим Московской Митрополией епископ Дмитровский Александр (Светлаков), после чего наместником Лавры 13 июня 1893 года и была совершена закладка здания. Строение по тем временам задумывалось громадным. Южную часть планировалось оборудовать под больницу на 50 коек, северную — под богадельню, также на 50 иноков, а в центральной части разместить на 2 и 3 этажах храм во имя преподобного Иоанна Лествичника. Под храмом предполагалось оборудовать

аптеку, а под аптекой устроить еще один храм в честь святых великомучениц Варвары, Анастасии и Акилины, где можно было бы читать над усопшими Евангелие и Псалтирь, а также совершать отпевание.

К концу 1896 года строительство было закончено, и 10 ноября (ст.ст.) того же года, в воскресенье, наместником Лавры архимандритом Павлом торжественно было совершено освящение храма. С этого времени началась его благодатная жизнь. Церковь была благообразно украшена. Был воздвигнут одноярусный иконостас, повешено чудное паникадило в виде креста из виноградных лоз с 33 лампадами по числу лет земной жизни Спасителя. Стены были расписаны палехским иконописцем Сафоновым. Были в храме и чудотворные святыни. За правым клиросом в богатом киоте находилась больших размеров Владимирская икона Божией Матери, по обеим сторонам которой находились изображения святых, прославившихся в пределах Владимирской епархии. Икона была украшена серебряной вызолоченной ризой с камнями и была прислана в дар Троице-Сергиевой Лавре Высокопреосвященным Феогностом, архиепископом Новгородским. За левым клиросом в серебрянном позлащенном складне-ковчеге помещалась довольно большая часть святых мощей великомученика Пантелеимона и его икона, присланная со святой Афонской горы. В икону святителя Феодосия Черниговского, висевшую за правым клиросом, была врезана часть одежды, лежавшей на его святых мощах. Для храма также были написаны две большие иконы преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. В таком виде храм просуществовал до 1923 года, его любили и монахи, и прихожане. Сам наместник нередко совершал там богослужения и навещал недужную братию.

Но настали тяжелые годы гонений. Власти начали закрывать и разрушать православные монастыри и храмы, не минула чаша испытаний и Троице-Сергиеву Лавру, а вместе с ней и больничный храм. Первоначально в 1919 году в силу специфики здания в нем был устроен сыпнотифозный госпиталь на 250 коек, в 1921 году переоборудованный уже под районную лечебницу. Но в это время храм еще действовал. Окончательное закрытие его произошло в 1923 году, когда при больнице было организовано хирургическое отделение. Тогда же алтарь храма был переоборудован под операционную. И долгих 68 лет храм безмолвствовал.

Лишь в 1986 году было принято решение о его возвращении Московской Патриархии. До 1991 года здесь проводились ремонтно-реставрационные работы, во время которых рабочие обнаружили две большие иконы (преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского), принадлежавшие старому храму. Они явились той благодатной нитью, которая соединила дореволюционную и нынешнюю историю храма. И верится, что не без предательства именно этих двух великих святых храм вновь обрел жизнь. После же окончания работ 5 декабря 1991 года ректором МДА архиепископом Александром (Тимофеевым) было совершено малое освящение храма преподобного Иоанна Лествичника. С этого момента здесь возродилась литургическая жизнь. Вновь начала возноситься ко Престолу Божию молитва и приноситься бескровная Жертва. Днем же окончательного возрождения храма можно считать 18 февраля 1994 года, когда освящение по полному чину совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении ректора МДАиС епископа Филарета (Карагодина) и многочисленного духовенства.

Хочется надеяться, что нашего святого храма не коснется впредь рука нечестивого осквернителя и не перестанет совершаться на этом благодатном месте Божественная Евхаристия.

Георгий Роцин, 4 класс МДС.

Единоверцы — кто они ?

В этом году старообрядцы Белокриницкого согласия отмечают 150-летие восстановления своей иерархии.

Напомним, что в 1846 году в Белой Кринице (в то время Австро-Венгрия, а ныне Украина) к старообрядчеству был присоединен митрополит Босно-Сараевский Амвросий, бывший в то время за штатом. Законность этой иерархии всегда вызывала много вопросов со стороны специалистов по церковному праву. Непонятно, например, как и каким чином группа священников может присоединить (из "ереси" с точки зрения старообрядцев) епископа, если это может быть осуществлено только другим епископом? Или по каким правилам один епископ может рукоположить единолично другого? 1-е правило Святых Апостолов говорит: "Епископа да поставляют два или три епископа". Даже епископ Павел, несогласившийся с реформами Патриарха Никона и оставшийся строгим последователем старых обрядов, не считал себя вправе единолично совершать хиротонии. После его смерти и смерти священников дониконовского поставления начались десятилетия мучительных исканий старообрядцами законного священства. Очевидно, где-нибудь, полагали они, и сияет истинное благочестие, и есть епископы, крестящиеся двуперстно, сугубящие Аллилуйя и вообще соблюдающие старые обряды. Насколько сильно было желание приобрести своего епископа, видно уже из того обстоятельства, что старообрядцы без разбора хватались за всякого человека, сулившего им иерархию. Вспомним хотя бы пример лжеепископов Епифания, Афиногена и Анфима.

В конце XVIII — начале XIX вв. благомыслящая часть старообрядцев, искавшая законного священства, пришла к идее единоверия. Мысль о возможности воссоединения на началах единоверия была обсуждаема Святейшим Синодом задолго до своего практического осуществления, еще в начале царствования Императрицы Екатерины II. Члены Синода митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов) и епископ Псковский Гедеон (Криновский) одобрили эту мысль. Но впервые она была осуществлена архиепископом Словенским Никифором (Феотокием) в 1780 году, когда он принял под свое попечение старообрядцев села Знаменки Елисаветградского уезда.

В 1783 году под влиянием Стародубского инока Никодима и при содействии наместника Малороссии графа Румянцева и князя Потемкина в Святейший Синод было подано от 1500 Стародубских старообрядцев прошение о воссоединении их с Православной Церковью на основе единоверия. 11 марта 1784 года архиепископам Могилевскому и Словенскому было разрешено поставлять старообрядцам священников согласно их просьбам.

Инок Никодим скончался 12 мая 1784 года, но дело его не погибло: ревностными продолжателями его

в Стародубье явились казначей Виталий, иноки Иоасаф и Евдоким, белец Иван Кузнецов и священник Андрей Журавлев. Мысль Никодима о согласии на основах единой веры с Православной Церковью получила распространение и в других центрах старообрядчества: Иргизе, Казани, Нижнем Новгороде и др. В 1799 году московскими старообрядцами было составлено 16 пунктов условий, на которых они желали бы и были согласны принимать священников. Эти условия были рассмотрены митрополитом Платоном (Левшиным) и с его замечаниями утверждены Императором Павлом 27 октября 1800 года.

Эту дату можно считать началом воссоединения старообрядцев с Православной Церковью, по слову митрополита Платона: "Церковь... яко мать сердобольная, рассудила за благо учинить некоторое снисхождение, следуя примеру апостольскому, иже немощным быть аки немощен, но с тем, да немощных приобретает. Сие почитается нужным, дабы всем ведомо было, по какой вине Церковь ныне таковое им творит снисхождение, и дабы развратные не истолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрешение, а их истину, познала, как то некоторые дерзают и мыслить, и говорить".¹

К 20-м годам XIX столетия возникла уже потребность в учреждении особой единоверческой типографии для печатания богослужебных книг. На конец 50-х годов XIX столетия по России было около 150, а в 1864 уже 223 единоверческих храма и монастыря. С 1840 по 1860 гг. в Церковь на основах единоверия вошло 107 тыс. человек. В 1902 году в России была 371 единоверческая церковь.

VI Отдел Предсоборного Присутствия 1906 года вынес постановление — ходатайствовать перед будущим Поместным Собором Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды, наложенных Соборами 1656, 1666 и 1667 гг. Об этом же говорило постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917-18 гг. На этом соборе, кстати, было принято решение об учреждении особых викарных единоверческих епископов, первым из которых был епископ Симон (в мире Симеон Иванович Шлеев). Он родился 20 апреля 1873 года в нижегородской губернии, в 1895 г. закончил Нижегородскую Духовную Семинарию и в 1899 г. Казанскую Духовную Академию, был настоятелем Никольского единоверческого собора и директором реального училища в Петербурге. В 1918 году принял монашество и 3 (16) июня 1918 года был хиротонисан Патриархом Тихоном во единоверческого епископа Охтенского с подчинением митрополиту Петроградскому. В 1918-20 гг. он — еди-

¹ Платон (Левшин), митр. Собрание постановлений по части раскола. М., 1889. С. 7—16.

новерческий епископ в Уфе, а затем управляющий и всей Уфимской епархией. 12 сентября 1921 года был убит большевиками.

В интервью с заведующим историческим архивом старообрядческой Московской митрополии Александром Панкратовым, озаглавленном "Староверы" напечатанном в "Московском комсомольце" 30 мая 1996 года, о единоверцах говорится следующее: "С нашей точки зрения, это согласие представляет собой не что иное, как подобие унии на Украине. Правда, в отличие от униатов, сильно укрепивших свои позиции в наши дни, единоверцы практически не пережили рубежа 1918 года и полностью влились в новообрядческую церковь. В настоящее время есть попытки возрождения единоверия, но все это на уровне увлечения в среде молодых священников стариной, древними обычаями, знаменным пением, церковными уставами..." К сожалению, автор, очевидно, не захотел сказать о том, что единоверческие епископы, священники и миряне, будучи частью единой Русской Православной Церкви, перенесли вместе с ней весь ужас коммунистического террора и разделили ее трагическую участь.

Но единоверие живо! До 1988 года на территории России была только одна единоверческая церковь — Св. Николы на Рогожском кладбище, где служил племянник убитого большевиками епископа Симона (Шлеева). Ядро общины составляли монахини Всехсвятского единоверческого монастыря, и этот храм был духовным центром всех, кто, сохраняя старые обряды, был членом единой Русской Православной Церкви. С получением Церковью свободы один за другим стали открываться в разных епархиях единоверческие приходы, первым из которых в 1989 году был Михаило-Архангельский храм в Михайловой слободе Московской области. Настоятелем его стал священноинок Ирinarх (Денисов). Родом он из потомственной единоверческой семьи, происходящей из Киржачского района Владимирской области, но перебравшейся позже в Москву, где и родился о.Ирinarх. Он с детства ходил в Никольский единоверческий храм, что на Рогожском кладбище, где, по его словам, на него огромное влияние оказали монахини единоверческого Всехсвятского монастыря. 26 апреля 1989 года митрополит Коломенский Ювеналий постриг его в иночество старым чином (по Требнику 1637 года), рукоположил во диакона, а позже в священноиноки для открывшегося единоверческого Михаило-

Архангельского храма. Интересно, что название "единоверцы" было распространено только в Москве, в Московской области их называли "церковные старообрядцы" (в стилизации от "старообрядцев раскольников"), а на юге России было еще более интересное название: "новоблагословенная старообрядческая Церковь". Ныне открылись храмы в селе Мурашкино Нижегородской области, в селе Осташево Воскресенского района Московской области, а также на станции Куровской, где служит отец Димитрий Кузнецов, община которого собирает средства для строительства нового храма. Были открыты также два прихода в Прибалтике.

Вновь начался процесс воссоединения старообрядцев с единой Русской Православной Церковью. И напрасно уверяет Александр Панкратов, что это есть "подобие унии", ибо нет сейчас причин для продолжения раскола, так как Русская Церковь на Соборе 1971 года сняла все клятвы со старых обрядов и постановила:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им, (подтверждена также православность богослужебных книг, напечатанный при первых пяти Российских Патриархах).

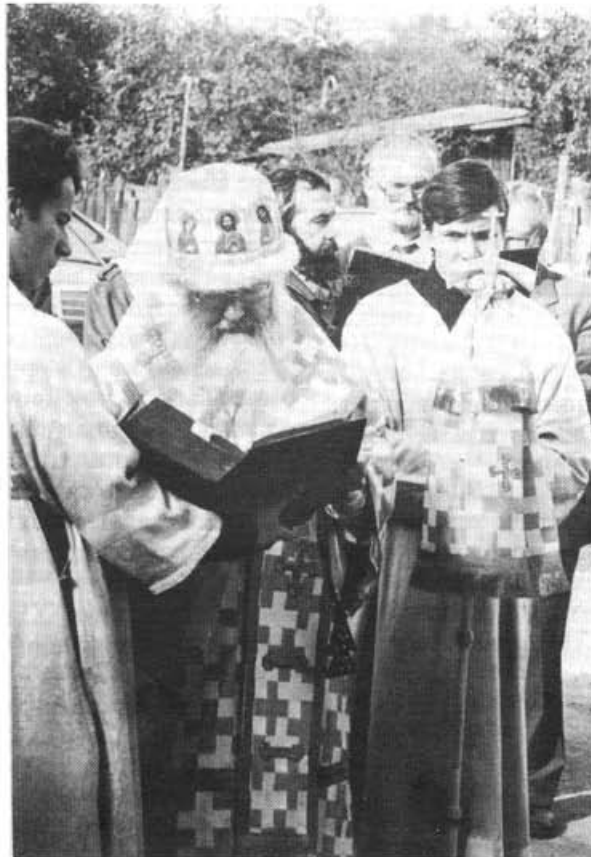
2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших, порица-

тельных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они ни встречались и кем бы ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православных христиан, и считать эти клятвы яко не бывшими.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовию объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви свидетельствует, что спасительному значению обрядов не противоречит многообразие их внешнего выражения, которое всегда было присуще

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий за совершением богослужения в единоверческом приходе

древней неразделенной Христовой Церкви и которое не являлось в ней камнем преткновения и источником разделения".²

Знаменательным событием уходящего года явилось также воссоединение общины старообрядцев-безпоповцев так называемого Спасовского толка из Нижнего Тагила с Русской Церковью. Изучая святоотеческие творения, большая часть общины вместе со своим наставником Леонтием Александровичем Колногоровым пришла к убеждению, что спастись без Святых Христовых Таин, а следовательно, и без законного канонического священства невозможно. Начался длинный период исканий истинного священства с непрерывной апостольской преемственностью. Не без промысла Божия устроилась поездка во Святой град Иерусалим. Часть же несогласных с "искавшими истины" наложила на себя пост и просила Бога, чтобы "искатели были наказаны", но Господь посрамил противящихся Истине, — те, кто ездил в Иерусалим, увидели подлинные чудеса, которые Господь являет всем верным чадам единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. По приезде община во главе с наставником обратилась к епископу Екатеринбургскому Никону с просьбой о воссоединении с Православием на основах единоверия, на что получила согласие и разрешение восстанавливать один из храмов. Наставник общины по принятии его в Русскую Православную Церковь был рукоположен во диакона, а в Лазареву Субботу — во священноереи и проходил свое служение сначала в Михаило-Архангельском храме Московской области под руководством священноинока Иринарха. Отец Леонтий рассказал множество удивительных свидетельств промысла Божия о себе и своих прихожанах, которые, возможно, мы опубликуем в следующих номерах нашего журнала.

Итак, близится 200-летие того события, когда любвеобильная Матерь — Церковь Православная, обратясь к чадам своим, уклонившимся на распутья раскола, снова приняла их в свои объятия, дозволит к употреблению старые русские обряды. Памятуя Слово своего Верховного Пастыреначальника: и будет едино стадо и един Пастырь (Ин. 10,16), Церковь не переставала и не перестанет призывать заблуждающихся и в

третий час, и в шестой, и в девятый и даже одиннадцатый (Мф. 20,1—6) с распутий (Мф. 22,9) и стоги (Лк. 14,21) во дворы Господни.

Но, к несчастью, немногие слушают голос ее. Непроходимые преграды поставляют старообрядцы всех толков и согласий ко всякому общению с Единой Православной Церковью. Вражда, ненависть, проклятие, хула, насмешки, преследование и страдание антихристом — вот средства к достижению цели. Единоверие — этот верный путь для всех держащихся старых русских обрядов — не мог не остановить на себе внимания вождей старообрядчества и не вызвать целого похода против него. Идущим на путь единой веры стали внушать, что Церковь, учредив единоверие и сняв клятвы со старых обрядов, засвидетельствовала свое заблуждение и неправоту. В ответ на это Церковь заявила, что признавая старые русские обряды спасительными, она тем самым оказывает снисхождение к немощным, в том убеждении, что обряд сам по себе не составляет догмата веры, а получает значение от соединяемого с ним правого вероучения. Против Церкви выдвинуто было обвинение в том, что она допустила противоречие, возложив некогда на старые обряды клятвы и хулы, а ныне сняв их. Но Церковь провозгласила, что клятвы положены не на обряды, а на лиц, содержащих их в противление Церкви. Наконец, стали распространять взгляды на единоверие как на особое, отличное от Православия исповедание. В опровержение такого воззрения Церковь позволила православным обращаться для совершения треб к единоверческим священникам и, провозгласив, что православные и единоверцы составляют одну Церковь, разрешила православным священникам отправлять требы по старопечатным книгам.

Всесвятая и Живоначная Троица — Отец, Сын и Святой Дух — да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные старые и новые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа, Который умер за всех нас, дабы мы примирившись с Богом наследовали жизнь вечную.

Михаило-Архангельский единоверческий храм в Михайловской слободе

² Поместный собор РПЦ. Документы. М., 1972. С.130—131.

Творчество или пассивизм?

— Ты знаешь, творчество — (понятие) широкое. Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их — творцами.

— Совершенно верно, — согласился я.

— Однако, — продолжала она, — ты знаешь, что они не называются творцами, а именуются иначе.

Платон. Софист.¹

Проблема творчества очень остро стоит в сознании философски мыслящих людей. Я имею в виду прежде всего религиозных мыслителей. В обывательском понимании творчество есть ни что иное, как феноменология человеческого духа, который актуализирует, выявляет себя в материальном, эмпирическом плане. Иными словами творчество — это индивидуальное самовыражение личности. "Творческий процесс имеет субъективный корень и заключается в выявлении личности художника, и в этом всестороннем и полном ее раскрытии имеет и свою органическую цель".² На наш взгляд такое определение очень бледно и размыто, хотя в нем и есть отблески правды.

При таком определении среди прочих проблем мы сталкиваемся с проблемой субъективности, психологизма в творчестве, что обычно приводит к произволу. Отсюда возникает следующий вопрос: является ли любая произвольная деятельность человека творчеством? Если нет, то, что можно назвать подлинным творчеством в онтологическом смысле этого понятия? Вопросов связанных с творчеством возникает очень много, поэтому мы ограничимся постановкой некоторых из них, которые отчасти попробуем и разрешить.

Вот они. Есть ли у нас право творчески относиться к действительности? Нам необходимо также выяснить: автономно ли творческое самовыражение личности или оно должно разворачиваться в синергичном плане? Должно ли оно ориентироваться на главное, т.е. иметь ценностный ориентир? Необходимо ли для него быть метафизичным, или оно не должно выходить за рамки позитивизма (иначе объективно данной в чувственном опыте действительности)? Есть ли творчество преодоление данности и выход в идеальную сферу бытия? Паралельны ли творчество эстетическое с этическим, или они должны как-то соотноситься друг с другом т.е. иметь некую иерархическую соподчиненность? Каково соотношение творчества со свободой? Творчество — внушение или самополагание? Религия и творчество. И наконец, творчество или пассивизм? Это далеко не полный перечень тех вопросов, которые встают перед сознанием, когда оно сталкивается с проблемой творчества, его цели и границы. Мы не претендуем на то, чтобы оригинально ответить на эти вопросы или в полноте раскрыть их. Наша работа носит скорее вид вводного размышления.

В этой работе мы ставим своей задачей оправдать творчество, и тем самым посылить одну из про-

блем антропологии. На наш взгляд бытие человека имеет творческие задачи. "Ряд писателей Церкви усматривали образ Божий (в человеке — Е.С.) в способности творить и производить в разных областях духовной и мирской жизни. Бог-Творец отпечатлел на Своем творении и богоподобную способность творчества. Так думал среди прочих: блаж. Феодорит Кирский, Василий Селевкийский, св. Анастасий Синаит, св. Иоанн Дамаскин, и св. Фотий, патриарх Константинопольский.³ Также и "свт. Григорий Палама, синтезируя выше приведенных отцов и писателей Церкви, поставил вопрос о богоподобии в связи с темой о творческом даре у человека, то образ Божий принял значения порыва человека куда-то ввысь из рамок детерминированных законов природы, стремление к Творцу, давшему и ему быть творцом. В человеке, в его духовной сущности открываются те черты, которые его наиболее роднят с Творцом, то есть творческие способности и дарования. Человеку дано творить, правда не из ничего, как творит Сам Создатель, но все же творить нечто до него не бывшее. И когда последние философы будут особенно ценить эти творческие дарования и задания человеку, то они будут только развивать мысль давно живших отцов Церкви".⁴

В связи с этим мы считаем совершенно голословным утверждение Н.Бердяева, "что человек творец, подобный Богу Творцу, об этом ничего не раскрыто в сознании отцов и учителей Церкви".⁵ Или: "вопрос о положительном творческом призвании человека в мире даже никогда не поднимался святыми отцами и учителями Церкви".⁶ Такие утверждения Н.Бердяева очевидно свидетельствуют о его некомпетентности в патристике. Невозможно говорить о том, что у Отцов совершенно ничего не сказано о творческом призвании человека.

В первую очередь, чтобы не было каких-либо недомумений необходимо дать само определение понятию "творчество", раскрыть то, какой смысл мы вкладываем в данное понятие. Прежде всего становится очевидным то, что творчество самым теснейшим образом должно соотноситься со свободой. Осуществление в свободе и есть творчество. Но всякое ли осуществление? Свобода предполагает некий выбор, выбор между несколькими возможностями. Однако этого мало, так как если на этом остановиться, то придется признать за факт то, что свобода становится рабой этих возможностей. Свобода осуществляется не только в свободном выборе между данным, но в большей степени в том, что она сама творит новые пути и возможности, хотя и не отри-

цает выбора. "Сама предпосылка об априорном наличии "готовых" путей, между которыми нам нужно выбирать, превращает свободу в принуждение выбора, что психологически говоря, делает нас рабами выбора".⁷ Мы совершенно не согласны с теми, кто детерминирует свободу, кто сводит свободу к причинно-следственным отношениям субъекта и объекта. Люди, утверждающие такое положение, не видят жизнь человеческого духа в его полноте, а созерцают и осмысливают лишь его малую толику, представляющую собой вершину необъятного айсберга психической жизни. Следствие содержится в причине лишь как возможность, но возможность не есть абсолютная гетерономность от причины, а именно возможность, но не необходимость. Потенция может не осуществиться. Действительно, когда мы живем в мире привычек и страстей, то в таком состоянии нам очень тяжело почувствовать себя свободными, творчески свободными. Однако даже тогда, когда воля пассивно "плывет по течению" мы остаемся свободными именно в своем соизволении на пассивность по отношению к той ситуации, в которой мы находимся в тот момент. "Свободой называется отношение конкретного "я" к совершаемым им актам. Это отношение неопределенно именно потому, что мы свободны".⁸ Творческая свобода есть выход из круговорота данностей, это открытие новых путей в бытии, есть реализация новых ценностей, приход к заданности и раскрытие ее в плоскости земного, тварного бытия.

Творческий акт должен быть ориентирован на определенную ценность, ценность ноуменальную. Свобода человека и его воображение не должны носить спонтанный, анархический характер. Они должны быть взаимосвязаны с определенной ценностью, которая выступает для них как некий ориентир. "Всем известно, что ценности могут быть: абсолютными, относительными, объективными и субъективными. К сожалению, в мире мы наблюдаем ценности относительные и субъективные, но это не дает нам право утверждать, что все ценности относительны и субъективны. Причина этого в грехе, который внес раздробленность в бытие. Пристальный взор обнаружит и в мире, который хочет жить по законам относительности, непреодолимую тягу к абсолютному, тоску по нему. Ценностное равносильно должностному и истинному. Творчество должно быть ценностным".⁹ Безориентационное "творчество" есть дурная бесконечность. Это — трагедия творчества, а не его полагание. Бесконечный круговорот в субъективных построениях человеческого духа может привести только к отчаянию и бессмыслице. Отсюда видно, что свобода должна быть ориентирована на объективные ценности, которые мы назовем логосными ценностями (вечными ценностями). "Наличие идеи в основе всякого действия, осуществляющего реальное бытие, не только не стесняет творчества, но есть, наоборот, условие возможности творчества".¹⁰ Эта идея в свободном творческом порыве переживается и воплощается также в свободе, но так, что форма воплощенного должна адекватно выражать ценностную идею. "Соединение долженствования с той или иной даностью рождает ценность. Но акт соединения, почин — лежит в свободной воле личности".¹¹

Эта ценность переживается в творческом созерцании-воображении.

В творческом акте, как необходимое его составное наличествует воображение (творческое созерцание). "Воображение царит над всеми видами творчества: существует воображение научное, технически-изобретающее, социально-политическое, этическое, эстетическое и религиозное". Сказать "во-ображение" — значит сказать "творчество".¹² Но оно здесь должно выступать не как произвольная мечтательность, а как *θεορία*, т. е. созерцательное восприятие образов ноуменального (логосного) бытия. Однако творчество этим не ограничивается. Субъектом творчества эта ноуменальная реальность переживается (это тоже своего рода мистический опыт) и воплощается в образе новых сущностей в бытии. Эти новые сущностные образы безусловно должны адекватно (насколько это возможно) отражать первореалии. Техническая же проблема их воплощения — дело творца. *Θεορία* — это пассивное созерцание мира логосов, а творческое воображение предполагает не просто созерцание, но и воплощение этих логосов в чувственном мире субъектом. В данном случае воображение имеет значение творческого созерцания. Творческое воображение предполагает субъект-объектное взаимодействие. Личность переживает ноуменальные ценности и воплощает их. Здесь не пассивность, а кипучая душевная работа. Однако воображение имеет дело не со ставшим бытием, а только могущим стать, т. е. могущим реально осуществиться в чувственно данном бытии.

"Творческое воображение освобождает нас от мира "данностей", освобождает от кошмара железной необходимости, оно прорывает роковой круг данного бытия вознесением к никогда еще в мире не бывшему. Но и никогда в мире не бывшее укоренено в "сущем, как потенциальной мочи бытия".¹³ Ноуменальное бытие, для бытия феноменального объективно, но и потенциально т. е. своего рода субъективно.* Субъективно здесь само творческое осуществление ноуменального в данном, реальном бытии. "Существует рационалистический предрассудок, что всякое воображение, фантазия, миф — всегда иллюзорны и обманчивы. Все это "mundus fabulosus" (мир сказки, вымысла), мир, реально не существующий. Если в образе воображений есть выражение ценности, тогда мы имеем правду воображения, но воображение может быть правдивым и ложным".¹⁴

Вряд ли у кого вызовет возражение тот факт, что в области воображения возможны искажения. В этом случае воображение носит негативный и разрушительный

* Ноуменальное бытие для нашего мира как метафизическая реальность объективно (в свете православной метафизики), но и потенциально, потому что реальное бытие не претворилось в идеальное, хотя возможность этого есть. А так как ноуменального бытия в чувственном наличии, как бытия феноменального нет, и таковым оно сначала становится в субъекте, и лишь потом посредством его объективируется, то мы и говорим, что оно субъективно. Другими словами, оно не объективно с феноменологической очевидностью, как чувственная реальность.

характер. Такое воображение в корне своем есть заблуждение и нередко приводит к помрачению душевных способностей у своего носителя. Именно с ним всячески бороться рекомендуют Св. Отцы. В указанном случае оно имеет прелестный характер. "Хотя воображение собственно не "создает", а открывает, но и в нем есть собственно созидательный элемент: это облечение восхищенных образов в художественную плоть... Любый творец пользуется при этом своими субъективными психическими ассоциациями, когда хочет "запечатлеть" "увиденный" им образ в красках, в звуках, в слове".¹⁵

Как красочно, даже поэтично об этом говорит один из церковных писателей: "Откуда-то в полном молчании и из какой-то бездны ночного мрака, из небытия вдруг сверкнет какая-то яркая искра. Наш мир пронизан невидимыми лучами божественного света, исходящего из Первоисточника всякой жизни и света... Как будто бы осколки или брызги Логоса Божия сверкнут своим сиянием в логосе нашем, в уме человеческом. В молчащем и спящем вдруг что-то мелькнуло и засияло. Но что это? Ведь это еще не слово, сказанное или написанное; это еще не звук, зазвеневший своей мелодией, это еще не линия и не окраска какой-нибудь картины и не загнущаяся волна, ожившего под резцом художника мрамора... Эту искру надо выносить в себе... Это "что-то", совершающееся в сокровенных тайниках души, этот несказанный процесс становления навсегда скрыт от анализирующего рассудка, ему не подвластен.

В этом "что-то" нет еще облика человеческой речи, еще нет одетого в формы произнесенного слова. Это еще не звуки волшебного смычка или поющего голоса. Но творец-человек видит уже и слышит своим внутренним зрением и слухом этот никому еще не доступный, умопостижимый мир образов. Но вот в таинственном процессе внутреннего вынашивания творец находит в сокровенной глубине своей и слова, и звуки, и краски, и линии, и тогда этот умопостижимый мир образов облекается в формы, доступные уже не только ему одному. Таинственное рождение этих умопостижимых ценностей "воззвание глагола творческою силою" новых идей, новых словесных созвучий, новых, дотоле не бывших красочных образов и музыкальных звучаний... Творчество есть тайна, как тайна есть жизнь".¹⁶

В связи с этим мы совершенно не согласны с Ф.Степуном, когда он пытается, соотнося творчество и жизнь, провести субъект-объектный дуализм.¹⁷ На наш взгляд Ф.Степун впадает в недопустимую схематизацию при разрешении проблемы жизни и творчества. Жизнь и творчество неотделимы, они имманентны друг другу, они не слитно и нераздельно соприсутствуют друг в друге. В личности этот кажущийся дуализм преодолевается. Наше рассуждение, как можно видеть, касается общего учения о творчестве. Мы не касаемся мелких деталей и не занимаемся классификацией творческих актов. Скажем только, что жизнь творчески определяется как в образах науки и философии, так и в образах искусства и религии. Творчество — это переживание трагичности мирового бытия и попытка выхода из этой трагичности, в преодолении греха, преобразении мира.

Подлинное творчество — это новизна. Мало уловить "музыку небесных сфер", необходимо её переложить на

ноты земного бытия, тем самым вознося его через преодоление данности, которая еще и надломлена грехом к миру иному, лишь воспоминание о котором волнует сердце.

Падший человек не может творить во всей полноте, грех искажает его творчество. Поэтому мы настаиваем на том, что творчество должно базироваться на этических принципах. Тему катарсиса (καθάρσις) обойти невозможно. Творчество — это преодоление данности и выход его за свои пределы к Благу и источнику своего бытия. Но, чтобы творчество было таковым, необходим предварительно собственный катарсис творца. "Творчество есть кремнистый путь восхождения, где Симону Кириинянину возлагается на плечи тяжелый крест (Мф. 27,32). Можно отвергнуть крест Господень, который заключается в творческом даре, но это значит отвергнуть свою свободу, что равнозначно отвержению самого себя. Здесь намечается сначала путь к Голгофе, а лишь затем вознесение и второе пришествие на землю уже в качестве носителя бытия подлинного. Это ни что иное, как повторение пути Христа Спасителя. По пути Христа идет человек-творец и в Нем черпает силы для творчества. Иного пути нет. Это-то и значит сказанное Спасителем: *без Меня не можете творить ничего* (Ин. 15,5). Спаситель является Творцом в собственном смысле этого слова и рассмотрение проблемы творчества вне учета этого фактора на наш взгляд неверно. Мы убеждены, что в любой антропологической проблеме необходимо должна учитываться христология. Такая позиция для христианина принципиальна.

Хотя мир и поражен грехом, однако, он не отменяется за ненужностью, а напротив, призывается к синергичному существованию. Творчество по преимуществу — дело богочеловеческое, потому что для творчества необходимо основание прежде всего метафизическое. Если этого основания нет, то творчество в подлинном смысле невозможно. Это ясно из всего вышесказанного нами. Творчество не теургия*, но оно не должно сводиться и к антропоургии, оно — соработничество, то есть энергичное взаимодействие обоих планов.

Не надо забывать о том, что "процесс всемирного совершенствования, будучи богочеловеческим, необходимо есть и богоматериальный".¹⁸ Если так, то творчество ни коем образом не должно превратиться в теургию.¹⁹ В таком взгляде подспудно скрывается своего рода монофизитство.

"Творческая природа человека обессилена грехом, она попала в рабство к необходимости"²⁰, и выход из этой необходимости возможен лишь в синергичном плане, автономно для человека это невозможно. Это напоминало бы барона Мюнхаузена, который вытянул

* Теургия есть божественное снисхождение, антропоургия — человеческое восхождение, одно идет с неба на землю, другое от земли устремляется к небу. Теургия есть действие Бога, изливание Его милующей и спасающей благодати на человека (Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. С.320)

себя за волосы из болота. Такое решение возможно в мифологеме, но не в реальном бытии. Во Христе мы обретаем образец синергичного творчества. Если соработничество было бы невозможно, то мир не имел бы смысла, кроме как борьбы за существование.

То верно, что через искупление человеку возвращена его творческая свобода, но недостаточно это просто осознать. Это в конечном счете ничего не меняет, необходим свободный выход навстречу этому дару, но чтобы его воспринять необходимо много предварительной духовной работы. Святые отцы об этой работе и говорят. Искупительный дар объективен и реален для человечества, но эта реальность принадлежит человечеству в потенции. Этот дар может быть не востребован и тогда остаться бесполезным. От человека необходим выход навстречу этому дару. С ним необходимо "сраститься", что возможно лишь через любовь. Это положение полностью приемлемо и по отношению к миру. "Так познание мира должно быть согрето любовью к нему, так как тайны бытия открывают себя лишь любящему взору, художественное творчество, если оно мечтает не о внешних прекрасных формах, а о реальном воплощении прекрасного, если оно хочет не прекрасной внешности, а нового прекрасного бытия, должно быть согрето любовью".²¹

Творческое отношение к действительности, как мы неоднократно повторяли, предполагает некое претворение здешнего бытия в более высокие формы. Творчество — это всегда подъем, сублимация. Порой даже выход за пределы имманентного, здешнего бытия. Но спрашивается: насколько человек способен осуществить такую задачу, есть ли у него силы преодолеть "ненавистную раздельность мира", т.е. грех, и возвести творение к единству и к своему Творцу?

Может ли человек быть врачом мира, как некогда стал причиной космической болезни (т.е. греха)? Должен ли человек бороться и преодолевать греховную данность или его роль более пассивна и заключается лишь в смиренном приятии того, что уже есть? Иными словами — "тварь я дрожащая, или право имею?", как вопрошал один из героев Ф. М. Достоевского. Христианская антропология говорит, что Богом данная задача человеку — творчески преображать мир, начиная с себя. Силы для этого даны человеку благодаря акту Боговоплощения и Пятидесятницы. Эта задача безусловно должна выполняться в синергичном плане. Возможность соработничества Бога и человека была явлена в Боговоплощении. Условие синергии есть любовь. Любовь дает возможность эту задачу выполнять. Творчество возводит нас к вечности (земное бытие есть только начало), оно выводит нас из тварного падшего мира, преображает, тем самым предуготовляя преодоление смерти. Вне любви творчество невозможно. Только любовь созидает. Где любовь, там и свобода (вряд ли кто будет против этого возражать), подлинная свобода. Любовь невозможна вне свободы, а где свобода, там и творчество. "Любовь сжигает всякую необходимость и дает свободу. Любовь есть содержание свободы".²² Человек призван творить свою духовную жизнь, призван ее объ-

ективно изливать в любви на весь мир. "Этим путем он служит не только своему обожению, но и обожению всего человечества."²³ Если верно то, что творение мира есть раскрытие божественного Эроса, то не напрашивается ли и обратная аналогия. Сам мир во главе с человеком в своем стремлении преодоления тварного, не стремится ли тоже в Эросе, только в эросе человеческом на встречу с Богом? И не есть ли этот путь на встречу с Богом именно творчество? Творчество — это ответ человека на призыв Божий. Но этот ответ (творчество) развертывается в историческом плане. Тема творчества и истории ставит перед нами также ряд вопросов. Возможно, что основной из них связан с эсхатологией.

Творчество возникло вместе с историей, при наличии сопротивляющегося материала, что стало возможно после грехопадения и неразрывно связано с ним. До грехопадения не было никакого творчества, а была подлинная жизнь. Творчество — это отпадение от жизни. Таково мнение Ф. Степуна.²⁴ "В творческом акте Творец замкнул и завершил творение и потребовал от творения лишь абсолютного покоя и покорности. Динамика в творении началась лишь от грехопадения, грех породил движение. Победа над грехом должна вернуть тварность к покою и прекратить всякую динамику. Творчество от лукавого. Такое сознание есть отражение инертности, пассивности и статичности человека".²⁵ Принять такую позицию, это значит подставить свою выю под крепкую руку лукавого, это значит отдать себя ему в безвозвратный плен и смириться с грехом, и признать, что творчество в корне греховно. "Жизнь есть творчество, а поэтому и история есть творчество. Это ее (т.е. жизни — Е.С.) свойство по существу также не связано с теперешним греховным состоянием человечества, ибо и в райском своем состоянии человечество имело ту же основу бытия в творческой свободе своей (благодаря чему и явилась возможность грехопадения)".²⁶ Другими словами, грехопадение связано со свободой, которая предполагает творчество. Отсюда вывод о наличии творчества до грехопадения, так как человек был свободен. Творчество также свойственно человеку, как и жизнь. "Человеческая история, как рождение и вместе творческое саморождение человечества, как некий завершённый эон, протекало бы в раю, и в жизни прародителей до грехопадения мы имеем уже это райское начало истории. Грехопадение же только внесло в историю как творчество трагический и антиномический оттенок, лишило ее той гармоничности, с какой совершился рост человечества, не отравленного грехом, история после грехопадения — это трагедия. Такова она в корне своем, и любые мечты о прогрессе и о торжествующей гармонии (на земле — Е.С.) — это блажь".²⁷ Творчество присуще человеку, и не творить он не может. "Человеку дано и задано быть творцом. Он творит с жадностью того, что плод его творчества избежит тления, но всю окружающую действительность он убеждается в том, что все, созданное человеком, гибнет и исчезает. Дух зовет обессмертить и увековечить себя, а зуб времени и самый ритм жизни, железная поступь истории уничтожает все созданное... Творчество исходит от Вечного Начала и стремится к Вечному; а эта жизнь разбивает сотворенное и сама разбивается у врат смерти".²⁸

Творчество присуще человеку, но как будто плоды его уходят в века. Забвение и тление неумолимо поглощают все дела человеческие, поэтому здесь уместен вопрос о необходимости творчества, ведь *земля и все дела на ней сгорят* (2 Петр 3,10). Не есть ли творчество трагический дар, или не стал ли он таковым после грехопадения? То, что творческий акт не связан с грехопадением, мы выше показали. Только до грехопадения этот дар носил положительный характер и служил для раскрытия потенциала человека, как подобия Божия. После грехопадения это подобие помрачилось и творчество стало носить характер преодоления греховной данности.

В свете истории мы не наблюдаем глобального прогресса в этой творческой работе, а напротив — господство греха. В этом факторе сказывается пассивность человечества и невидение своей творческой задачи. "Земля и все дела на ней сгорят", поэтому будем есть и пить, потому что завтра умрем — такова позиция человека. Эти люди говорят, что христианская эсхатология не оставляет никакой надежды и никакого смысла для творчества. Мы с этим не согласны. То верно, что Истина не присмлет данный мир и чаёт его преображения. Однако, христианство никогда не учило о пассивном отношении к жизни и к миру. Напротив, оно призывает творчески относиться к нему. Об этом было уже достаточно сказано. "Сознание неизбежности конца вообще и христианская эсхатология, в частности, принуждает ли человека бросить все и ждать своего личного и этого общего конца?.. "Нет" — отвечает афонский исихаст (Свт. Григорий Палама — *Е.С.*), глава и учитель всех высочайших подвижников XIV века: "человек, созданный по образу Творца, призван творить и тем возвыситься над миром ангелов, которые сами не создают ничего, а служат лишь созданиям Божиим и охраняют человека-творца".²⁹ Смысл творчества безусловно есть. Тем более, что его задача — более в одухотворении, очищении, уподоблении Богу человека, а не просто в вещественных ценностях, им созданных. Преобразившись человек преображает и весь мир. Подлинное творчество не сгорит, оно перейдет в новую жизнь, сгорит то, что не способно войти в вечность. В подлинном творчестве "энергии Духа, сияние Несозданного Фаворского света действуют в нашей малом мире, проникают из таинственного иного мира, пронизывают ум, логос человека, вдохновляют его, и эти энергии Духа, этот несозданный свет не могут исчезнуть бесследно".³⁰ Дух запечатлевает дух человека, и тот творит, творит в Духе, а если так, то как могут бесследно кануть в лету такие творения? Если кто говорит, что творить в Духе принципиально невозможно, это лишний раз свидетельствует о том, что такой человек стоит вне христианского миропонимания. "Творцу хочется, чтобы тот свет Фаворский, рассеянные лучи которого он уловляет в фокусе своего творчества, просияли во всем мире и явили свою космоургическую силу в спасения мира от "мира сего" с его безобразиями и злом".³¹

Но на наш взгляд творчество имеет большее значение в плане претворения здешнего бытия и восхождения его на новую ступень. Бытие же больше сводимо к жиз-

ни субъекта, чем к созиданию культуры, к явлению внешнего и, тем самым, наиболее трудно достижимому. Точнее, это — две составные одного и того же процесса, процесса обожения, который сначала совершается в самом человеке, а через него и во вне.

Высокий внутренний строй жизни порождает высокий культурный фон для своего бытия и здесь нет антагонизма. Он неизбежен там, где носители культуры не соответствуют ее высоте. Где таковое случается, там культуру ждет трагедия и разложение, и история нам больше свидетельствует о наличии именно таких примеров. В истории мы видим трагедию культуры. Но это отдельный вопрос.

В конце истории все сгорит в огне, однако человек призван к творчеству. Это противоречие, этот конфликт, обрекающий человеческую культуру на гибель, ни в коем образе не должен смущать нас и ввергать в отчаяние. Мы призваны строить в вечность. Вера в Горний Иерусалим, состоящий как из неба, так и из земли, дает нам надежду, что то, на чем стоит печать Духа, преобразившись, найдет место и там, что мы възыскуем.

Творчество в истории ведет в метаисторию. В творчестве история получает оправдание, получает в нем оправдание и сам человек. "Творчество есть религиозное оправдание человека пред Богом, антроподицея".³² Поэтому творчество должно стать религиозным в своей сути.

В истории мы часто наблюдаем выдумки людей и лукавого. То, что выдумано ими от себя, это есть "мифологема — псевдоистины и псевдоценности. Творчество связано со свободой и куда склоняется последняя. Если в произвол, ведущий в дурную бесконечность, к темной духовности, то творчество ускользает от такого "творца", если в истину, то оно преображает эмпирию и в объективном плане, явно является миру".³³ Нас не должно пугать подавляющее наличие псевдотворцов и тем более ввергать нас в пассивизм. В таком случае мы предаем Бога, глумясь над своим подобием Ему и пассивно приемлем зло. "Дьявол лжет, что творит, он крадет у Бога и карикатирует"³⁴, поэтому не должно пасовать пред греховной данностью, а бороться с ней во всеоружии Божиим.

Творчество должно иметь богослужебный характер, не в узком смысле, а в широком, как некий камертон тварного бытия. Оно должно претвориться в единомножественное славословие Богу, в чудную симфонию, в которой каждый будет иметь свою партию в созвучии с партиями других. Это откровение и было дано в Рождестве Христовом пастухам, в явлении ангелов и воспевании ими "Слава в вышних Богу...". При этом не надо забывать, что "богослужение — не представление на сцене, а выявление в нашей сфере иного слоя бытия".³⁵ Творчество призвано пересоздать, то есть обожить этот мир и человека. Антропный принцип в этом пересоздании играет важную роль, ибо человек — посредник. Если творчество зачастую носит эмбриональный характер, то в этом виноват сам человек.

Примечания

- 1) Платон. Собрание соч. в 4 т. Т.2. М., 1993. С.113.
- 2) Русов Н.Н. О нищем, безумном и богодохновенном искусстве. М., 1910. С. 11.
- 3) Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С.354-355.
- 4) Там же. С. 114.
- 5) Бердяев Н.А. Смысл творчества. Собр. соч. Париж, 1989.Т.2. С.113.
- 6) Там же. С.114.
- 7) Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 1995. Т. 1. С.142.
- 8) Бергсон А. Собр. соч. в 4 т. М., 1992. Т. 1. С.149.
- 9) см. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.271
- 10) Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С.240.
- 11) Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1995. С.115.
- 12) Вышеславец Б.П. Этика Преображенного Эроса. М., 1994. С. 56-57
- 13) Левицкий С.А. Трагедия свободы. С. 139.
- 14) Вышеславец Б.П. Этика... С. 58-59.
- 15) Левицкий С.А. Трагедия свободы. С. 162.
- 16) Василий (Кривошеин), архим. Антропология святого Григория Паламы. М., 1996. С. 373, 374.
- 17) Степун Ф. Жизнь и творчество // Логос. 1913
- 18) Соловьев В.С. Оправдание Добра. Собр. соч. СПб., 1984-1898. Т.VII.С. 196.
- 19) см. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 392.
- 20) Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 148.
- 21) Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1993. С. 144.
- 22) Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 184.
- 23) Василий (Кривошеин), архим. Антропология... С. 370.
- 24) Степун Ф. Жизнь и творчество. С.116.
- 25) Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 189.
- 26) Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994. С.303.
- 27) Там же.
- 28) Василий (Кривошеин), архим. Антропология... С.376.
- 29) Там же. С. 378.
- 30) Там же. С.379.
- 31) Булгаков С.Н. Свет Невечерний. С.333
- 32) Бердяев Н.А. Смысл творчества. С.143.
- 33) Вышеславец. Этика Преображенного Эроса. С. 84.
- 34) Бердяев Н.А. Смысл творчества. С.198.
- 35) Флоренский П., свящ. Соч. в 3 тт. М., 1990. Т. 2.С. 323.

Зерцало смирения

Иконография рая в русской иконописи

Благоразумный разбойник. Икона XVII века

Уникальное собрание Церковно-археологического кабинета Московской Духовной Академии оказывает на приходящего сюда человека совершенно особое воздействие. Все здесь подчинено единой идее церковности; каждый зал раскрывает перед нами ту или иную сторону красоты и богатства церковного искусства. Мы чувствуем это отчетливее всего там, где представлена древняя иконопись. "Входя в эти залы, — писал один из основателей ЦАКа, профессор протоиерей Алексей Остапов, — испытываешь радость общения с миром прекрасного и мудрого. Здесь особый воздух и свет. Четкие и плавные линии красноречивее слов, а глубокие глаза ликов льют в сердце радостное утешение надежды, кротость и правду о тебе самом..."¹

Один из этих залов, который является вторым по порядку в экспозиции, особенно замечателен тем, что здесь, в основном, собраны иконы из дренирусских иконостасов XVI-XVII вв. Этот зал передает нам саму внутреннюю атмосферу право-

славного храма. Каждая икона здесь, взята ли она из праотеческого, пророческого или деисусного чинов, несет на себе отпечаток той несравненной радости победы над грехом и смертью, того состояния "пакибытия", в котором, как верит Церковь, ныне уже безо всякого изменения пребывают святые. Здесь становится совершенно очевидным, что икона ни в коем случае не портрет когда-то жившего человека, а именно наглядное изображение того состояния, в котором святые находятся сейчас, в то самое время, когда мы обращаемся к ним в молитве. "Древняя икона, — писала замечательный иконописец нашего времени монахиня Иулиания (Соколова), — как некое Богооткровение, как предание и творение Отцов Церкви, как их свидетельство вечности несет в себе все черты небесного... она высится над всем в ином плане бытия..."² О "небесных чертах" иконы уже в наше время было написано и сказано много... Нам знакомы сейчас такие понятия, как "умозрение в красках", "окно в горный мир"; мы задумываемся над "богословием образа", над тем сокровенным смыслом, который икона возвещает миру, но тема эта неисчерпаема.

Примером удивительного многообразия и в то же самое время продуманности изобразительного языка древних иконописцев служит, как нам кажется, иконография двух икон из второго зала ЦАКа, о которых сейчас пойдет речь. Из этих икон первая — образ довольно редкой иконографии "Благоразумный разбойник Рах в раю". Эта икона, служившая когда-то боковой алтарной дверью, являет нам изображение бывшего разбойника в трехчастной арке, на светлом, заполненном ветвями деревьев фоне. В его руках крест, голова слегка наклонена влево. Смысловый центр образа — лик святого, не выражает никаких земных переживаний. Мы не увидим и следа человеческих чувств, нет даже радости — лишь глубокая задумчи-

вость, умиротворение обретшей покой души, кротость и смирение перед неизреченными благостью и милосердием Божиим. Крест в руках разбойника уже не орудие его собственной казни, а скорее символ искупительных страданий Спасителя мира.

Особенность иконы — буквальное изображение рая как дивного сада, украшенного причудливыми золотистыми цветами. Подобная традиция появляется в русских иконах с XV века, но, как правило, лишь фрагментарно в таких композиционно сложных сюжетах, как "Страшный Суд", "О Тебе радуется...", "Всякое дыхание..."

Здесь же райский сад занимает всю плоскость иконы, получая своеобразное историческое значение. Благоразумный разбойник изображен только что вошедшим в рай, он первый человек, перед которым после грехопадения прародителей были открыты двери Царствия Небесного. Основания для подобной традиции мы находим в Священном Писании. На последних страницах Откровения Св. апостола Иоанна Богослова говорится о *древе жизни, двенадцать раз приносящем плоды* (Откр. 22,2) в Небесном Иерусалиме. Также в житиях святых мы часто можем встретить описание рая как дивного сада. Вот как, например, говорит о своем небесном видении блаженный Андрей, Христа ради юродивый: "Я видел себя в прекрасном и дивном рае... умом и сердцем удивлялся я несказанной красоте его и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из тех деревьев непрестанно цвели, другие были украшены златовидной листвою..."³

Но есть и иная, более распространенная и знакомая нам традиция изображения рая. Блаженное состояние праведников передается на иконах особым присутствием света. Примером может служить для нас удивительный образ св. апостола Павла, начала XVI века. Сама по себе эта икона — образец иконографической ясности и простоты. Иконописец использовал лишь

несколько цветов: синий и красный — для одежд апостола, темно-золотую охру — для фона. Лик святого молитвенно сосредоточен, на щеке едва заметная складка — след некогда приснотекущих слез...

"Мы находились уже выше второй тверди... — продолжает описы-

Св. апостол Павел. Икона нач. XVI века.

вать свое видение св. Андрей, — после сего мы вошли в какой-то дивный пламень, который не опалил нас, а только осиявал..."⁴ Не это ли "третье небо", куда св.апостол был восхищен еще во время своей земной жизни (2 Кор. 12,2), символически обозначает всепроникающее сияние золотого фона иконы? "В иконе нет единого источника света, — писал один из современных иконоведов, здесь все пронизано светом... свет и есть главное смысловое содержание иконы."⁵

И неслучайно свт. Филарет (Дроздов), говоря об иконе, приводил следующие слова апостольского послания: *Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ, от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3,18). "Приметьте, — поясняет свт. Филарет, — что он говорит не о себе самом, а о действии и состоянии, которое доступно многим... Мы вси...

взираем не просто на лице Христово (святитель говорит здесь об иконе Спасителя), но на славу Его, на свет Его Божественной истины не как зрители бездейственные, но представляем светоносному лицу Христову душу нашу, как зеркало для принятия света Его; приемля же и усвая сей благодатный свет, и сами в "тойжде образ преобразуемся..."⁶

Примечательно, что Святые Отцы и саму икону называли "зерцалом" горнего мира, применяя это сравнение для того, чтобы описать то, как икона становится посредницей нашей молитвы. Но если икона обладает свойством отображать лучи Божественного Света, то для того, чтобы воспринять их, самому человеку нужно преклониться, нужно иметь смиренно согбенную душу.

"Однажды, — пишет Симеон Новый Богослов, — когда я пошел поклониться пречистой иконе Рождающей Тебя и когда я положил перед нею земной поклон, то еще прежде, чем я поднялся, Ты Сам явился мне в моем убогом сердце, как-бы видоизменив его в свет. Тогда я познал, что сознательно имею Тебя в себе"⁷.

Если же говорить о художественном исполнении, то икона, как это ясно для верующего человека, не может быть просто плодом творческого вдохновения иконописца... Должно быть, за его веру и смирение благодать Божия почилла на творении его рук. Такое сочетание простоты и глубочайшего смысла, который мы постарались приоткрыть, остается для нас до конца непостижимым. Это тайна духовного зрения иконописца, тайна его богопросвещенного сердца.

Евгений Сиротенко, 2 класс МДС

Примечания.

- 1 Отзвуки. Сборник к 20-летию ЦАК МДА. Машинопись. С. 265.
- 2 Иулиана (Соколова), монахиня. Труд иконописца. Сергиев Посад, 1993. С. 157.
- 3 Четьи-Минеи свт. Димитрия Ростовского. 2 октября.
- 4 Там же.
- 5 Успенский Л. А. Богословие иконы православной Церкви. М., 1994. С.423.
- 6 Филарет (Дроздов), святитель, митрополит Московский. Слова и речи, т. 5, с.340, М. 1994.
- 7 Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения. М., 1892. Т. 1. С. 500.

В минувшем году исполнилось 50 лет со дня защиты архим. Киприаном (Керном) докторской диссертации "Антропология св. Григория Паламы". Для русской православной учености это было немаловажным событием, ибо в самой России еще не возобновилась деятельность духовных школ, а промоции в парижской корпорации происходили не слишком часто. И за истекшие десятилетия качественных сдвигов практически не произошло. Для многих студентов-богословов 70-х годов имя о. Киприана, овеянное пушкинскими реминисценциями, символизировало вершину богословской мысли нашего века, и ксерокопии его книг с благоговением переходили из рук в руки. Публикуемая статья посвящена юбилею докторского диспута о. Киприана.

С момента ее написания (август 1995 года, в качестве предисловия к репринтному воспроизведению труда о. Киприана) появились новые работы о паламизме В.В.Бибихина, С.С.Хоружего, А.И.Сидорова и др., требующие специального обсуждения. Самые первые впечатления автор счел необходимым отразить в кратком послесловии.

Архимандрит Киприан и его книга о святителе Григории Паламе

С журнальной фотографии, опубликованной вскоре после кончины о. Киприана, смотрит на "людей грядущих" грустное, изможденное, трагическое лицо. Все словесные портреты сходятся в том, что радости бытия, "веселия сердца" он почти не знал. "жилоь ему на свете тяжело" (В.Вейдле). "В жизни он был настроен почти всегда горестно" (Б.Зайцев). "Многие не понимали, что перед ними был человек смертельно раненный — не каким-то одним обстоятельством — личной трагедией, несчастьем, — а самой жизнью. Ему было трудно жить, как другим бывает трудно всходить по лестнице" (А.Шмеман).¹

Константин Эдуардович Керн принадлежал ко второму поколению русских богословов в эмиграции. Он родился в Туле 11 мая 1899 г., в 1922 г. окончил юридический, а в 1925 богословский факультет Белградского университета.² К этому времени на религиозно-философском горизонте не только светили такие звезды как о. С.Н.Булгаков, Б.П.Выпеславцев, В.В.Зеньковский, И.А.Ильин, Л.П.Карсавин, о. П.А.Флоренский, С.Л.Франк, но уже успели заявить о себе и более молодые — о. Г.В.Флоровский (р. 1893), еп. Кассиан (Безобразов; р. 1892).

Атмосферой "русского религиозного ренессанса" с ее утонченным эстетством о. Киприан не мог не быть затронут, ибо он в ней вырос, и хотя, по свидетельству А.Шмемана, в последние годы жизни он отрекался от всей этой "интеллигентщины" и поносил ее, "тональностью этой, особым строем сознания — отмечен он остался навсегда". В религиозно чуткой душе

благоговейное отношение к старшему поколению неизбежно предшествует мировоззренческой самостоятельности, и потому надо ясно понять и почувствовать, что Вл.Соловьев и А.Блок были для Константина Керна "отцами", что любовь к К.Н.Леонтьеву и Д.С.Мережковскому совпала с вызреванием его собственных жизненных идеалов, а усомниться в церковной чуткости и богословской прозорливости о. П.А.Флоренского было для него равнозначно измене любимому человеку...

Монашеский постриг Константин Керн принял в 1927 году. Трудно судить, насколько сознательным, внутренне подготовленным, духовно выверенным был этот шаг, не сыграли ли здесь решающую роль мотивы эстетические, пример того же К.Н.Леонтьева. Ближе к делу касаются этого вопроса весьма деликатно, но вполне определенно. "Монашеский путь, — пишет Б.Зайцев, — с отсечением воли, удалением от стихии, всеми нами владеющей, ткущей земную ткань, путь собственно "ангельский", не труднейшим ли оказался для него?" А о. Александр Шмеман говорит с большой убежденностью: "В о. Киприане были огромный нерастраченный запас личной любви, нежности, привязанности и, вместе с тем, неспособность, неумение раскрыть их. Он свободно выбрал одиночество, но им же и мучился. Он был замечательным другом, интересным собеседником, желанным гостем везде и всюду; но как скоро, помнится, — в беседе, в гостях, за столом — начинало чувствоваться нарастание в нем тревоги, стремления уйти, какого-то беспредметного беспо-

койства. Он точно вдруг осознал, что все это все же "не то", что он только *гость*, а гость не должен засиживаться, гость не "принадлежит" дому, должен уйти... И вот, он уходил опять в свое одиночество, с той же неутоленной любовью, нераскрытой, неосуществившейся..."

Как бы там ни было, свои иноческие послушания о. Киприан исполнял с высокой ответственностью и требовательностью к себе. С 1925 по 1928 год он был преподавателем в Битольской семинарии в Македонии, вскоре по пострижении приняв священный сан. В это время он завершает работу над своей первой книжкой "Крины молитвенные", которая вышла в Белграде в 1928 г. Она отражает "его восприятие богослужения в определенный период его жизни" (А.Шмеман). Осенью того же года о. Киприан встретился на проходившем в сербской столице съезде литераторов с уже широко известным тогда писателем Б.Зайцевым и подарил ему свой опус. Это событие послужило началом их знакомства и многолетней дружбы.

Б.К.Зайцев в следующих словах передает свое первое впечатление от встречи с о. Киприаном: "не только архимандрит, но и любитель литературы и вообще искусств. Все это вполне вяжется с обликом его, прекрасными глазами, длинными изящными пальцами. Явно было из разговора, что ему хочется в Париж, в Богословский Институт, к источнику русского богословствования (тогда жив был еще о. Сергей Булгаков)".³

В самом деле, полуполюденная личность о. Сергия несомненно притягивала молодого богослова, знавшего не понаслышке "Свет Невечерний" и "Тихие думы" и выверявшего по ним свои ориентиры и симпатии. Но это вовсе не означает, что все богословские идеи Булгакова приняты были им с безоглядным доверием, без внутренней критической работы. Вот что писал о. Киприан о своем старшем товарище в год 25-летнего юбилея Богословского Института: "Весь путь от марксистской лжи к церковной правде, левитский традиционизм в одном и смелая широта в другом, редкое философское чутье, культурность, горячее пастырское сердце и исключительная молитвенность, — все это носил в себе наш покойный декан. Значение о. Сергия совсем, может быть, и не в том, в чем его так хотят видеть и его редкие ученики, и многочисленные недоброжелатели. Все мы, его коллеги и друзья, вполне оправдывая свободу его дерзаний и со всем соглашаясь в постановке именно этих проблем, вовсе вместе с тем не разделяли

его богословских утверждений целиком. Надо прямо и решительно заявить во всеуслышание: Богословский Институт никогда не считал домыслов о. Сергия своим официальным богословием. Никакой своей школы о. Сергий у нас так и не смог создать. Больше того: он не оставил в среде своих бывших слушателей, а теперь и преподавателей, ни одного ученика. Никакого "парижского богословия" нет! Да для настоящего церковного слуха и богословского

вкуса это выражение звучит нестерпимой фальшью и провинциализмом. Оно может существовать только в воображении подозрительных ко всему обскурантов".⁴

В Париж, однако, архим. Киприан попал далеко не сразу. В 1928—30 гг. он был начальником русской миссии в Иерусалиме, с 1931 по 1936 вновь преподавал в Битольской семинарии. Впрочем, связи с центром русского богословия постепенно налаживались: в 1932 г. в 32 номере журнала "Путь" появилась статья "Идеалы англиканской Церкви" за подписью "К.Керн".⁵

Наконец, в 1936 г. митрополит Евлогий вызвал о. Киприана в Париж, и он начал преподавать в Богословском Институте греческий язык, пастырское богословие и литургику. Приход получил на улице Лурмель, где сблизился с Борисом Зайцевым и вскоре стал духовником его семьи. Служил он здесь недолго. По воспоминаниям Б.Зайцева, о. Киприан довольно скоро пере-

селся от матери Марии, которая была "полной ему противоположностью", в Сергиево Подворье, а приход получил в 12-ти верстах в Кламаре. Здесь в течение пяти лет с ним служил о. Александр Шмеман, сначала студент, а затем преподаватель Богословского Института.

В оценке церковно-литургического служения о. Киприана его близкие друзья совершенно единодушны: "Я абсолютно убежден, — писал о. А.Шмеман, — и убеждение это основано на пятилетнем постоянном сослужении с о. Киприаном у одного престола, что *единственной* подлинной радостью было в его жизни богослужение, совершение Евхаристии, мистические глубины Страстной Недели, Пасхи, праздников. Тут жила вся его — никогда не дрогнувшая — любовь к Церкви, совершенная отданность ей". Борис Зайцев говорит почти теми же словами: "Думаю, главная радость и утешение его было Богослужение". И В.Вейдле восхищается литургическим образом о. Киприана: "Как хорош он был в церкви, когда служил..."

В повседневной жизни, житейских ситуациях этот образ нередко искажался. "Характер трудный, противо-

Архимандрит Киприан (Керн)
11.5.1899 — 11.2.1960

речивый, с неожиданными вспышками. Колебания от высокого подъема к меланхолии и тоске, непримиримость, иногда нетерпимость" (Б.Зайцев). Где о. Киприан свободно раскрывал лучшие стороны своей натуры, так это в имении проф. Ельяшевича в Бюсси. Как вспоминает Б.Зайцев, тут "он чувствовал себя среди друзей, был прост, ласков и откровенен". Именно здесь ярко проявилось его художественно-артистическое дарование. Рассказчик о. Киприан был "замечательный, отлично изображал разных лиц, от простецких до архиереев. В нем вообще сидел артист, художник. Он вполне мог бы играть в театре у Станиславского" (Б.Зайцев).

По-видимому, это так. Но не всякая роль пришлось бы о. Киприану по вкусу. Не любил он ухарства, купеческого размаха, русской беспашажности. Герои Достоевского, Гоголя, Островского были ему не по нутру. При всей приверженности о. Киприана византийско-русскому церковному обряду, эстетические симпатии его скорее клонились к Западу. Тому есть немало свидетельств. По словам Б.Зайцева, он "терпеть не мог, когда протоиерей выкликал Евангелие так, чтобы стекла дрожали. "Замоскворецкий стиль, для людей Островского". А о. Александр Шмеман заметил, что в Керне "не было ничего от "русского батюшки" — будь то в его "кенотическом" сельском воплощении или же столично-синодальном облике." Для Шмемана архим. Киприан являл собой воплощение византийской "царственности" Православия, не усвоенной русской традицией несмотря на многие черты внешнего сходства. В то же время Борису Зайцеву он казался "православным бенедиктинцем"... Так что отнюдь не случайна и психологически весьма показательна такая, например, деталь: о. Сергей Булгаков вспоминается Керну в образе "какого-то флорентийца Кватроченто..."⁶

А что сказать о загадочном увлечении о. Киприана французским писателем Леоном Блуа? Реми де Гурмон так определил публицистический талант этого автора: "Его книги кажутся редактированными св. Фомой Аквинским в сотрудничестве с Гаргантюа... Ни один христианин не может их принять, но ни один атеист не может ими наслаждаться... Эти книги суть зеркало души неистовой, несправедливой, горделивой — и, возможно, чистосердечной".⁷ А вот впечатление Жюль Ренара: "Человек может быть подлым, но то, что он говорит, заставляет задуматься... писатель ожесточенный, циничный, менее великий писатель, менее художник и меньшей гордости, чем его учитель Барбэ д'Оревельи".⁸ Что-то роднило, по-видимому, Леона Блуа и с К.Н.Леонтьевым, и с В.В.Розановым, и это "что-то" находило живой отклик в "царственном" строе души архимандрита Киприана...

Научные интересы о. Киприана были тесно связаны с его педагогической деятельностью и в значительной мере определялись ею. Главным образом они сосредотачивались на пастырском богословии, литургике и патристологии.

По пастырскому богословию он начал писать еще в тридцатые годы — тогда вышла уже упомянутая статья "Пастырская проблематика" и "Левитство и пророче-

ство как типы пастырствования" ("Живое Предание", 1937, № 3. С.140-152), а итоговой работой явилась книга "Православное пастырское служение" (Париж, 1957.).⁹

Однако, по мнению А.Шмемана, прямой связи между этими работами нет и даже "трудно поверить", что они принадлежат перу одного человека: "они не были связаны медленным созреванием и вынашиванием одной центральной темы", отражали скорее "движение сердца", чем умозрительные искания. То же самое относится и к другим трудам о. Киприана. "...Своей темы, — считает о. А.Шмеман, — которой он был бы одержим всю жизнь, своих вопросов, ответу на которые он посвятил бы всего себя, у него не было... Отец Киприан был человеком не интеллектуального, а эмоционального склада, он не чувствовал потребности в интеллектуальном "выверивании" своих эмоций". Этот вывод вполне согласуется с суждениями об артистической натуре о. Киприана, но неизбежно возбуждает сомнения относительно научной ценности его работ... Поэтому надо подчеркнуть: научная добросовестность о. Киприана всегда была вне подозрений. Дело просто в том, что проблемы, которые он решал, часто не были его выстраданными проблемами, он подходил к ним как бы извне, "за послушание". Именно это имеет в виду о. А.Шмеман, когда говорит, что "богословом в точном смысле этого слова он не был".

Главным трудом о. Киприана по литургике явилась "Евхаристия" (Париж, 1957.). В предисловии к ней о. Киприан вполне точно указал, что она "не есть исследование", а "компилятивный труд". Историческая часть этой книги существенно содержательнее раздела с "практическими указаниями" и "богословскими толкованиями", но и она в немалой степени уже устарела и к тому же почти полностью обходит проблемы русской литургической традиции. Между тем, здесь есть и темы, прямо перекликающиеся с диссертацией о. Киприана о св. Григории Паламе.¹⁰ Бесспорной заслугой о. Киприана в области литургики явилась организация международного семинара по этой дисциплине при Сергиевом подворье в Париже.

Но преимущественное внимание о. Киприан уделял патристике. Помимо докторской диссертации "Антропология св. Григория Паламы", о которой речь впереди, его перу принадлежат книги "Золотой век святоотеческой письменности" (Париж, 1967.) и "Русские переводы святоотеческих текстов" (Шеветон, 1957, на фр. яз.).

Из прочих экскурсов архим. Киприана заслуживают быть отмеченными статья "Дореволюционное русское духовенство за границей (экуменизм до экуменического движения)", напечатанная в "Православной мысли" (№ 11, 1957, с. 101-122) и публикация, посвященная одному из особо ценимых им мыслителей — "Из неизданных писем К.Леонтьева" (Париж, 1959).

Во всех своих работах архим. Киприан стремился к бескомпромиссному осуществлению идеала подлинной научности, выстраданному русским академическим богословием прошлого века. "У всех знающих прош-

лое наших Академий, — писал он в статье “Четверть века”, — слишком еще памятливые ценные в научном отношении работы, не пропущенные, однако, не ученой коллегией профессоров, а синодальными рецензентами. Памятливые запрещения писать диссертации на известные темы. Памятливые имена — достаточно длинный синодик — профессоров, пострадавших от архиерейских ревизий наших Академий. Памятно стеснение научно-критического метода и вообще подозрительность к историческим перспективам в науке”.

Подобная мнимо-церковная, а по сути клерикальная, теократическая или цезарепапистская опека над научной мыслью не могла быть принята архим. Киприаном даже из соображений “икономии”. Сделки с собственной совестью, независимо от оправдывающих их обстоятельств и “благих намерений”, были для него равнозначны отпадению от Церкви. Подлинным “мерилом церковности” служила для него, как, впрочем, и для большинства профессоров Богословского Института, “дерзновенная свобода св. Учителей Церкви вопрошать и мыслить, не ограничивая этой свободой только до них живших и учивших избранников, а себя исключая из этой золотой цепи церковного предания и пленя себя в неподвижность мысли”.

Именно поэтому он решительно призывал к бесстрашному приятию всех историко-критических данных — “филологического и грамматического анализа, археологических открытий, сравнений текстов”, к безбоязненному развенчанию всех “псевдо-эпиграфов и анонимов и вообще благочестивых подлогов, чтобы с уверенностью пользоваться только материалом, прошедшим через очистительный огонь серьезного исследования”; равным образом, он выдвигал требование “стоять на высоте философской подготовленности и научных достижений нашего времени и не убояться принять, когда это нужно, Канта и Фихте, творческую эволюцию и психоанализ, биологию и сравнительное языкознание” (статья “Четверть века”).

Служение идеалу православной учености в непрерывном единении со служением пастырским и литургическим о. Киприан нес с полным самоотвержением до последнего дня жизни. Он скончался в Сергиевском подворье в Париже 11 февраля 1960 года. За нехваткой пресвитеров Евангелие над своим покойным “аввой” читал Б.К.Зайцев...

* * *

Свою докторскую диссертацию об антропологии св. Григория Паламы архим. Киприан писал в трудные годы Второй мировой войны (напомним, что для него она началась в 1939-м), а защитил незадолго до взятия Берлина, 8 апреля 45 г. Спустя пять лет она вышла отдельной книгой в издательстве УМКА—PRESS.

Содержание книги о. Киприана существенно шире названия. Большая ее часть посвящена изложению антропологических взглядов свв. отцов. Подобного обзора в русской богословской литературе до Керна не было, не было и после него. Обширное исследование

А.Позова “Основы древнецерковной антропологии” построено не по персоналиям — вереницы цитат из церковных писателей назначены здесь подкреплять то или иное звено весьма изощренной триадологической схемы самого автора. Так что книга о. Киприана и сегодня остается единственным на русском языке введением в изучение святоотеческих представлений о человеке.

Ощутимым недостатком этой части труда о. Киприана является отсутствие изложения антропологических взглядов блаж. Августина и его последователей на Западе. То соображение, что Августин никак не мог повлиять на св. Григория Паламу, можно распространить и на Фому Аквинского, однако без сопоставительного анализа истоки и суть спора об “энергиях” существенно затушевываются. При этом необходимо убедиться, что большинство противников Паламы ни к августицизму, ни к томизму никакого отношения не имело и опорой для их сомнений относительно богословских новаций служила все та же восточная почва...

В контексте поставленной в название книги темы обзор святоотеческой антропологии должен был, по-видимому, решить одну главную задачу, а именно: отвести или подтвердить сомнения в преемственной связи паламизма с богословием восточных отцов. Нам думается, что для этой цели принцип изложения должен был скорее быть избран иной — от текстов самого св. Григория, с индексами цитируемых им текстов и употребляемых терминов, вспомогательными флорилегиями, составленными им или в его окружении. Путь, по которому пошел о. Киприан, неизбежно привел к слишком резкому разграничению “исторической” и “систематической” частей работы и ослабил функциональное значение первой.

Собственно антропологии св. Григория Паламы в книге Керна посвящено только три заключительных главы (VI—VIII), так как в пятой предложен краткий очерк всего богословского учения св. отца. Нельзя не заметить, что по мере приближения к центральной теме работы цитаты из Паламы ощутимо редкуют и вытесняются попутными реминисценциями. Так, в шестой главе, посвященной природе человека, мы находим антропологическую схему Б.П.Выпеславцева, похвальный отзыв о прозрениях символистов конца XIX — начала XX вв., изложение медиевистской концепции Хейзинги. Концептуальный же итог весьма скромный: как и другие византийские мыслители, Палама склонен к символическому видению человека, что, впрочем, было характерно и для неоплатоников — не случайно главе предпослан эпиграф из Плотина...

Существенно более содержательна и можно сказать дерзновенна глава VII-я — “Образ и подобие Божие”. Она — о философии творчества, богословском оправдании христианской культуры. Здесь исповедально выплала себя добровольно подавленная художественная натура о. Киприана. Лейтмотивы им обозначены, не без видимого вызова противникам, цитатами из опального архимандрита Феодора (Бухарева) и Н.А.Бердяева. На инвективы В.В.Розанова, М.М.Тареева и др. он отвечает — молчаливо признавая их справедливость — вы-

держками из св. Григория и преп. Максима. Православие, подлинное православие, это паламизм, а паламизм — это "радостный космизм", "светлая аскетика", "прославление плоти", "послушание творчества". Изложение о. Киприана в этой главе приобретает совершенно экстатический характер. Но порой даже кажется, что он излагает не Паламу, а кого-то из мыслителей Возрождения вроде Джанотто Манетти, ибо его герой "дерзает восхвалять человека так, как, может быть, мало кто из отцов Церкви". Во всяком случае, остается известное сомнение: настолько ли центральны для Паламы темы "философии творчества" и "прославления плоти", как это представляет о. Киприан, усилиями которого осуществилось метаисторическое единение фессалоникийского святителя с Н.А.Бердяевым...

Что же касается "обожения человека", которому посвящена заключительная глава книги, то, как справедливо отмечает сам о. Киприан, "никакой новой теории" Палама не выдвигает и "никакого своего богословия теозиса не создает". Есть у него свои частные суждения о классификации страстей, есть мысли, вызывающие аналогии с психоанализом. Но в целом он совершенно единомыслен с традицией, и только выражение *ὁμοθεός* употребляет "чаще всех". Архим. Киприан особенно настаивает, что переводить его на русский язык можно только как "богопричастный", но не как "равнобожественный". Это благочестивое предупреждение существенно редуцирует саму идею обожения и открывает широкий простор для спекуляций о степенях причастия...

Значение книги о. Киприана конкретизируется только в сравнении с родственными ей тематически сочинениями русских религиозных философов и богословов.

В XX столетии тему о человеке, кроме упомянутых уже Б.П.Выпеславцева, Н.А.Бердяева и А.Позова, достаточно углубленно трактовали, пожалуй, только о. Василий Зеньковский и С.Л.Франк. У Керна с ними много общего, даже в симпатиях к определенным западным авторам (напр., Э.Бруннеру), но он никого не повторяет, и если несколько уступает по своей философской подготовке, то в плане конкретного историзма занимает одно из первых мест.

Исследованиями о Паламе и паламизме русская богословская литература тоже не богата. Ближайшим предшественником о. Киприана был епископ Василий (Кривошеин), на которого он и опирается. Была еще книжка игумена Модеста (Стрельбицкого), выпущенная в Киеве в 1860 году, да несколько энциклопедических и журнальных статей. В основном Паламу изучали католики и протестанты.

Не знал, к сожалению, о. Киприан, что у него на родине живет и даже печатает свои труды еще один ревнитель паламитского богословия. Хотя с начала 1920-х годов основная ветвь русского богословия развивалась в относительно благоприятных условиях эмиграции, другая, едва заметная, все-таки отстаивала себя в России в атмосфере политического ненастья. Общения между ними не было практически никакого, и потому очень

поучительно проследить, что их объединяет и разделяет в трактовке такого значительного явления как паламизм.

Горячим приверженцем Паламы в России был А.Ф.Лосев, выпустивший в 1930 г. в Москве как "издание автора" свою масштабную монографию "Очерки античного символизма и мифологии". Она подводила итог его многолетним занятиям паламизмом и в своей заключительной части содержала пространный экскурс в культуру христианского средневековья.¹¹ Основной мотив этого эмоционального, откровенно конфессионально окрашенного текста состоит в том, что "Платон ни в какой степени не соединим не только с христианством, но даже и с западно-европейским романтизмом." Приводя прямые и косвенные соборные анафематизмы на приверженцев платонических умозрений, А.Ф.Лосев подробно излагает суть споров о Фаворском свете и, хотя и с некоторыми натяжками, относит к платоникам Варлаама и Акиндина, а затем и латинство в целом, вместе с его филиокве, психологизмом и молитвенной практикой рассматривая его как модификацию платонизма. Учение св. Григория Паламы выступает при этом у него в качестве итога и предельного синтеза православного богословия, причем с ним он настоятельно связывает и доктрину имяславия, которую вслед за о. П.А.Флоренским и о. С.Н.Булгаковым отстаивал уже в своей "Философии имени" (1927). Оставалось отнести к "нетварным энергиям" еще и идею Софии-Премудрости, и преемственность была бы почти полной ...

В такой крайней и полемически-заостренной форме точку зрения А.Ф.Лосева архим. Киприан разделить, конечно, не смог бы. Платонические мотивы у самого св. Григория для него были слишком очевидны, доктрине имяславия он не присягал, а о "поспешных и на церковной традиции не обоснованных построений русской богословской мысли последнего времени" счел нужным предостеречь на стр. 298 своей книги.

Одним из ближайших учеников о. Киприана и продолжателем его паламитской темы был о. Иоанн Мейендорф. Его книга "Введение в изучение Григория Паламы" (1959), опубликованная по-французски, в основном верна традиции епископа Василия (Кривошеина) и архим. Киприана и существенно способствовала оживлению интереса к византийскому богослову на Западе. Именно поэтому чрезвычайно важно представлять, как решает о. Иоанн наиболее острые вопросы, связанные с оценкой наследия св. Григория. В сопоставлении с Керном Мейендорф еще более сдержан, академичен и осторожен, однако в отношении языка, терминологии, т.е. выразительной стороны учения Паламы, ему пришлось высказаться достаточно определенно.

"У Паламы, — пишет он, — имеются большие терминологические колебания, вызванные тем обстоятельством, что употребительный богословский словарь был слишком зависим от сущностных категорий греческой

философии, чтобы выразить адекватным образом экзистенциальную реальность Живого Бытия".¹²

Об эту аргументацию мудрено не споткнуться, ибо "употребительный богословский язык" в Византии разве не был языком свв. отцов, действительно опиравшихся на греческую философскую традицию, и его "неадекватность" в выражении опыта живого богопознания не означает ли "неадекватности" всего Предания? Этого противоречия о. Иоанн, очевидно, не замечает и решительно настаивает "на несовместимости сущностной метафизики, восходящей к греческой философии, с персоналистической и экзистенциальной метафизикой, которую Палама унаследовал от Библии и Отцов".¹³

Остается только недоумевать, как стал Палама наследником умозрительной традиции, не имевшей собственного языка, и с помощью каких понятий выражали свои мысли греческие церковные писатели до XIV века? Подобные сомнения восходят к современникам св. Григория, но внятного ответа на них Сергиевский Богословский Институт так и не смог дать.

В самой России, несмотря на плотную опеку господствовавшей идеологии, богословская традиция не прерывалась и немногочисленным ее представителям удавалось даже сопоставить различные точки зрения на Паламу, в том числе А.Ф.Лосева, Керна и Мейендорфа.

В первую очередь здесь должно быть названо имя Владимира Вениаминовича Бибикина, в прошлом близкого ученика и личного секретаря А.Ф.Лосева. Ему, в частности, принадлежит перевод "Триад" св. Григория Паламы, подготовленный в 1978 г., но увидевший свет только сейчас. В весьма взвешенном, стилистически строго выдержанном послесловии к нему В.В.Бибикин критикует тенденцию представлять дело так, будто "в лице Варлаама св. Григорий спорил как бы с католичеством, а также с номиналистическим гуманизмом и даже с начинающимся Возрождением"¹⁴, не упоминая, правда, при этом "Очерков античного символизма и мифологии". Он считает, что выдвинутые Прохором Кидонисом аргументы против учения об энергиях "неопровержимы", но дело в конечном счете не в логических доводах и понятиях, а в подлинном духе традиции. Тем самым он становится на точку зрения о. Георгия Флоровского, выраженную им в статье "Св. Григорий Палама и традиция Отцов".

Эта всепримиряющая позиция неизбежно должна породить размышления о том, стоило ли в эпоху монофелитских споров ломать копыя из-за "единой богомужней энергии" и в самом ли деле противники учения об энергиях противостояли духу традиции? И вообще, не чаще ли, чем мы обычно полагаем, в религиозных спорах все происходило согласно формуле: "Аргументы различны, а дух один и тот же"? А то ведь и дифелитов можно укорить за внесение различия "природы" и "воли" в божественную простоту, как упрекали Паламу

за разделение "сущности" и "энергии"... В конечном счете, верховным критерием может служить только сотериологическая определенность, и все, что затемняет или искажает ее, церковным разумом непременно будет отмечено...

Видным идеологом "неопаламитского синтеза" является Сергей Сергеевич Хоружий, автор "Диптиха безмолвия" и многих статей по русской религиозной философии XX века. Он также был связан с А.Ф.Лосевым личным общением и идейными симпатиями, но в своих программных работах тяготеет не к "Очеркам античного символизма и мифологии", а скорее к VII-ой главе книги о. Киприана... Весьма заметно у него стремление выявить в истории русской мысли и культуры те звенья, которые обеспечивают ее преемственную связь с паламитизмом, но их оказывается не так уж много.

Схоластический плен, о котором писал и Керн, давно уже стал общим местом историко-богословских исследований. И никуда не деться от того факта, что уже на рубеже XVIII века ученым русским иерархам сам язык, сами понятия паламитской мысли кажутся совершенно непонятными. Это наглядно демонстрирует диспут Стефана Яворского с Софронием Лихудом.¹⁵ При этом память святителя Григория неизменно будет торжественно совершаться во второе воскресенье Великого Поста. — Память без понятия?..

О. Иоанн Мейендорф в свое время не без оснований констатировал, что полемические трактаты, составленные в XIV веке паламитскими богословами, практически отсутствуют в библиотеках русских монастырей. Переводить их, считает он, не было нужды, потому что "на Руси не было своего Варлаама".¹⁶

Возразить здесь что-либо трудно, но тем не менее мы не можем не указать на один уникальный список такого трактата, найденный нами в 1981 г. в рукописи №235 из собрания Е.В.Барсова, хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве. Этот сборник, в 4-ю долю листа, писанный полууставом на 391 листе, замечателен прежде всего тем, что создавался на рубеже XIV — XV веков, во время преп. Никона Радонежского (водяные знаки бумаги, по альбому Мошина-Тральича, №2624 — 1397-1413, № 1068 — 1390-1400, № 3625 — XIV/10, № 2490 — 1399, № 6430 — 1394/95, № 6325 — XIV/10). Записи XIX века свидетельствуют о принадлежности книги сначала киновии преподобного Паисия Величковского (1864, 1868), а затем Новоиерусалимскому монастырю (1887).

В этом сборнике, наряду с сочинениями Исихия, Григория Синаита, Исаака Сирина и др. имеется сочинение под следующим названием: "Сведетельства от божественных писаний и богоносных отец наших, яко приобщением божественнаго духа, веровавшим яко же подобает, своим дарова пришествием, имже Отцу и Сыну съвкупляются и домъ Святыя Троице бывають" (л. 233-294 об.). Судя по тому, что имя составителя этого

флорилегия первоначально в названии отсутствовало и было приписано сверху чуть позднее ("Иже въ святых отца нашего архиепископа солуньскаго Григория Паламе"), он должен стоять очень близко к греческому оригиналу. А если учесть, что наш список несомненно сербского происхождения и именно сербы выкупили Паламу из мусульманского плена, можно предположить, что и сам флорилегий, и его перевод относятся к 1355 году...

Но это только догадка. Греческого текста я не видел. В томе 150-м "Патрологии" Миня этот или очень похожий флорилегий упомянут под № XIV (см. стлб. 779-780) среди трудов Паламы, но не опубликован, а в книге о. И.Мейендорфа 1959 г. о нем ничего не говорится. В то же время существует еще и русский список XVIII века, уже в сборнике сочинений Паламы (Отдел рукописей РГБ, собр. Строева, № 44). Здесь приведенное выше название распространено антилатинской фразой, и имеется целый ряд разночтений.

Эти и им подобные свидетельства бытования паламитских текстов на Руси и в XV, и в XVIII веке, могут дать богатый материал новому поколению богословов и

исследователей византийско-славянской культурной традиции для уяснения связей фессалоникийского святителя с его "духовными предками", выразительных средств его мысли и их отражения в других языках, деятельности русских центров книгописания.

Тонкие, истлевающие нити связывают XIV век с XX-ым, и потому так важно как можно полнее осветить их лучами христианско-исторического сознания. В этом тоже проявится, пользуясь выражением Керна, наше "послушание творчества", живая связь с началоположниками "умного делания" — и незримо соткнутся новые узоры ослепительной ризы духовного мира.

В богомудрых исканиях, творческих дерзновениях и радостном о Господе мироотвержении "людям грядущим" еще долго будет служить подспорьем книга архимандрита Киприана "Антропология св. Григория Паламы" — непререкаемое свидетельство бескорыстного подвижничества русского ученого монашества.

Н.К.Гаврюшин
август 1995

Послесловие

Юбилей докторского диспута архим. Киприана ознаменовался неожиданным обострением полемики вокруг паламизма. В 1995 г. под редакцией С.С.Хоружего вышел сборник "Синергия. Проблемы аскетике и мистики православия" (М., Изд-во "Дидик"), в котором представлены различные точки зрения и аспекты проблемы. Наибольшее внимание здесь привлекает статья В.В.Бибихина "Материалы к исихастским спорам" (с.177-206). В ней основательно продуманные и глубоко выстраданные суждения автора развернуты в определенной филокатолической перспективе. Попытка представить спор об энергиях как вариацию дискуссии о *filioque* не вполне обоснована, а утверждение, будто латинская формула свидетельствует о большем смиренномудрии и апофатизме Запада по отношению к тайне Святой Троицы (с.181-182), содержит неявный упрек никейским отцам... Тем не менее, благодаря сочетанию неподдельной искренности, редкой основательности в проработке материала и дерзновенной остроте мысли, статья В.В.Бибихина является важным событием в истории русского религиозного сознания.

Весьма эмоционально реагировал на последние работы В.В.Бибихина и С.С.Хоружего А.И.Сидоров (Сидоров А.И. Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // *Архим. Киприан (Керн). Антропология Св.Григория Паламы*. М.: Паломник, 1996. С. VIII-LXXVIII). С нескрываемым романтическим запалом он отвергает даже самую возможность применить термин "официальное христианство" по отношению к Визан-

тии, в которой, по его убеждению, все поголовно были поглощены молитвой и священнодействием, а проводимую В.В.Бибихиным параллель между исихазмом и квиетизмом считает одним из "примеров небрежности мышления у автора". Столь же непринужденно А.И.Сидоров обходится и с рядом других положений В.В.Бибихина и приходит к выводу, что последний "не поступил еще в подготовительный класс "школы Православия" и "всерьез" принимать его работу "просто невозможно" (С. LXXVI). Спорить об "официальном христианстве", конечно, бессмысленно, а для соположения исихазма и квиетизма оснований неизмеримо больше, чем это представляется А.И.Сидорову, и вообще возможности осмысленного прочтения текста В.В.Бибихина им в значительной мере упущены. Нам представляется, что исследование В.В.Бибихина надо обсуждать именно всерьез, тщательно взвешивая каждый тезис и возражение и уважая достоинство ученого и человека.

Более деликатно А.И.Сидоров обошелся с С.С.Хоружим, но все же счел необходимым разъяснить и ему, что для человека обретшего Премудрость Божию и ставшего членом Тела Христова, философия уже не является жизненно необходимой" (С. LXXII). Весьма сомнительно, согласились бы с этим равноапостольный Кирилл Философ и преподобный Иоанн Дамаскин...

Из сказанного следует, что время богословских дискуссий о паламизме подоспело, однако культурное пространство для них еще недостаточно подготовлено.

сентябрь 1996

Примечания

1) Некрологи, написанные В. Вейдле (Памяти отца Киприана), Б. Зайцевым (Трудный путь) и прот. А. Шеманом (Памяти архимандрита Киприана) опубликованы в Вестнике РСХД, № 56, 1960. С. 44-55.

2) Биографические сведения об архим. Киприане взяты мною из следующих источников: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris, 1991. С. 352-353; Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского Института в Париже. 1925-1950. Paris, 1950. С. 22-23 (Оттиск из "Церковного Вестника Западно-Европейского Экзархата", № 4 (25), июнь-июль 1950 г.).

3) *Зайцев Б.* Далекое. Inter-Language Literary Association, 1965. С. 70.

4) *Киприан, архим.* Четверть века // Двадцатипятилетний юбилей Православного Богословского Института в Париже. С. 8-9.

5) Вряд ли она могла принадлежать другому лицу. Позднее в этом журнале о. Киприан напечатал статью "Пастырская проблематика" (№ 58, 1938-39 г.) и рецензию на книгу о. Ф. Мерсенье "Молитва Церквей византийского обряда" (№ 55, 1938). Рецензией И. Смолича журнал откликнулся на книгу о. Киприана об о. Антонине Капустине, вышедшую в 1934 г. в Белграде (№ 52, нояб. 1936 — март 1937 г.).

6) *Киприан, архим.* Четверть века. С. 9.

7) *Remy de Gourmont.* Le II-me Livre des Masques. Paris, 1898. Pp. 51-52, 54.

8) *Renard J.* Journal. Paris, 1935. Pp. 415-416.

9) Не говоря уже о бросающемся в глаза преобладании западных примеров и цитат из католических авторов, в этой книге немало бесспорных черт латинского клерикализма и сакраментологии. Тем не менее, нельзя не признать, что она довольно адекватно описывает и в немалой степени формирует пастырское сознание 2-ой половины XX века. См. также: *Гостев А., свящ.* Проблема пастырского богословия сегодня в свете наследия архимандрита Киприана (Жерна). // Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. Кн. I. М., 1994. С. 269-274.

10) См., напр.: *Пентковский А.* Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия // Символ, № 29, 1993. С. 217-238.

11) Не только автору этих строк в середине 1970-х годов этот раздел книги Лосева казался квинтэссенцией православного понимания культуры и философии.

12) *Meyendorff, J.* Introduction à l'étude de Gregoire Palamas. (Paris), 1959. P. 307.

13) *Ibid.* P. 310

14) *Вениаминов В.* Краткие сведения о жизни и мысли св. Григория Паламы // Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. С. 356.

15) См.: Ответ Софрония Лихуда. Перев. и вступит. статья В. В. Аржанухина // Историко-философский ежегодник, 1993. М., 1994. С. 228-255.

16) *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990. С. 154-175.

В первом номере мы обещали вам, дорогие читатели, что наша рубрика в выборе тем для обсуждений будет ориентироваться на ваши интересы. Темой этих страниц в двух предшествующих номерах был вопрос о миссионерстве в современном мире, сейчас же мы предлагаем вам размышления на незадачную тему, т.е. студентам просто было предложено высказаться по любому волнующему их вопросу. Таким образом мы надеялись выяснить, чем живет наш брат студент, какие мысли его посещают.

В следующем номере "Встречи", который, надеемся, выйдет в начале будущего, 1997 года, мы собираемся поместить в "мыслях" тематически подобранные высказывания всех, кто пожелает присоединиться к размышлениям наших авторов.

Редакция будет рада получить ваши отзывы по почте или факсу, также можно использовать ящик с надписью "Встреча", установленный в фойе Большого Актового зала Академии.

Валерий Мамонов, 3 класс МДС.

Сейчас мы наблюдаем признаки пробуждения нашего народа от долгого духовного сна. Это признаки новой жизни, новых потребностей. Необходимо только, чтобы эти потребности получали удовлетворение из чистого источника. Особое внимание, на мой взгляд, заслуживает интеллигенция, не хотелось бы никого обидеть, но интеллигенция во все времена считалась слабой в вере. И на запросы современного образованного человека, допустим, получившего образование далеко не в православном духе, нельзя отвечать с привычных позиций. Порой необходим рациональный ответ относительно основ веры. Современный мир внушает человеку, что он слишком цивилизован, чтобы обратить внимание на "бабушкино" православие, якобы лишнее и доли ценного для высокого ума.

Много ли мы уделяем сейчас внимания нашей интеллигенции? Вообще, можем ли мы употребить при апологии христианства какие-либо доводы, способные воздействовать на человека с рациональным мышлением? Как мы будем отвечать на те вопросы мира, которые требуют порой даже научного ответа с четким обоснованием своей позиции?

Даже в дискуссии с теми же католиками многим из нас угрожает мучительное посрамление не потому, что вера мала, а от того, что порой для нас самих некоторые понятия и привычные представления находятся в некоей дымке, туманности. Сколько людей, после встречи с таким вот "темным" богословом, отошли от отеческой веры и традиций в поиске ясного ответа на свои вопросы.

Не стоит, конечно, равняться на Рим, потому что обратившись к православному преданию, мы откроем для себя неисчетное количество прекрасных примеров, показывающих возможность доступного обоснования христианского вероучения. Мы просто боимся потрудиться над собой, поразмыслить... И сколько от того теряем!

Алексей Онищенко, 1 курс МДА.

28 сентября в Покровском Академическом храме совершалась панихида по пятерым студентам, погибшим во время пожара в Академии 10 лет назад. Из теперешних учеников Московских Духовных школ уже никто не пом-

нит тех ребят. Но на заупокойной службе было очень ясно видно, что за них сердечно молились все. Такие минуты запоминаются надолго, потому что ты ощущаешь, что уже не один со своими нуждами и проблемами обращаешься к Богу, но рядом с тобой стоят люди, которые молятся о том же, что и ты. Среди этих людей есть друзья, знакомые и те, кого просто знаешь в лицо. Но при такой общей молитве чувствуется связь со всеми, кто стоит в храме, и с теми, кто уже шагнул в Вечность.

Но, к сожалению, такие моменты бывают не часто. Мы приходим в храм, каждый со своим настроением, со своими нуждами, мы теперь большей частью живем для себя. И потому такая фраза, как: "это ваши проблемы", все чаще слышится в церковной среде. И никто не ужасается ее антихристианскому характеру. Ведь Христос воплотился, спас человечество потому, что наши проблемы были и Его проблемами и наша боль Его болью. И нам, Своим ученикам, Он заповедал любить друг друга вплоть до того, чтобы можно было забыть себя, свою жизнь, ради брата. Не потому ли, что мы порой далеки от этого, многие религиозные течения и секты, в которых человек ощущает, что он там нужен, что его ждут, имеют огромный успех. Не потому ли для многих наших соотечественников Церковь остается лишь носительницей исторической или культурной традиции. Не потому ли даже родители тех детей, которые были воспитаны в церковном духе, замечают, что их чада начинают интересоваться уличными тусовками и дискотеками больше, чем церковными службами?..

И не хочется верить, что только беда может сплотить людей и что это единение через время забудется, и ты снова окажешься в храме, в котором каждый молится и думает о себе, о том, какой жестокий сейчас мир и какие равнодушные вокруг люди...

Андрей Резван, 3 класс МДС.

В наше время переориентация ценностей и информационное давление не позволяют христианину четко осознать, кто он, как ему жить в этом мире, чего избегать. В этой ситуации очень важной становится роль Церкви, которая призвана дать человеку правильные ориентиры, указать путь, ведущий его к преображению и Царствию Небесному...

Большой приток людей в православные храмы выявил много проблем, одной из которых является непонимание новообращенными того, какое место в их жизни теперь должна занимать Церковь. Навязываемое сейчас свободомыслие "размывает" в сознании человека ощущение ценности своего пребывания в Церкви как в живом организме, дающем христианину полноценную жизнь.

Человечество стремится построить блаженный рай на земле, но без Бога, без Того, Кто сотворил все. Человечество пытается возвысить себя до вершин небесных, игнорируя церковный, христианский путь богоуподобления, обожения, создавая свою идею сверхчеловека. Современный мир не дает человеку возможности сконцентрироваться своим внутреннем состоянии, чтобы жить целостно, соборно в Церкви и честно смотреть на происходящее. Сознание современного человека разделено на множество частных целей, в которых он, как в сетях, медленно погибает. Происходит явная подмена ценностей, понятий, стрем-

лений, за этим водоворотом человек теряет главное — смысл жизни. Цели, к которым стремится человек, при ближайшем рассмотрении ничтожны, опасность же ситуации состоит в том, что объяснить это практически невозможно, пока он сам не ощутит призрачности своих мечтаний.

В этой серьезной ситуации всем нам, христианам, должна быть понятна роль Церкви. Это — созидание соборного сознания в человеке, побуждающее его к реальному участию в церковном бытии, в Таинствах как основных моментах жизни Церкви, в которых преподается укрепляющая благодать, свет и мир с Богом. Вот то, что ясно должны осознавать мы, и в первую очередь служители алтаря.

Апостол Павел назидает нас в том, что мы призваны не к нечистоте, но к святости, и только пребывание в ограде Церкви может привести человека к тому идеалу, который показал нам Господь Иисус Христос. Церковная Пятидесятница всегда должна осознаваться нами.

Хочется напомнить, что от того какой жизненный путь мы выберем, какое место будет занимать в нашей душе Христос, зависит и вся наша последующая жизнь и духовное состояние окружающих нас...

Сергий Черногуз, 3 курс МДА.

"Пойте Богу разумно" — вот общее требование, предъявляемое к церковному пению. Что подразумевают эти слова? Пение в храме требует от его исполнителей не только понимания смысла текста и мелодии песнопения, но и умения владеть своим голосом. Песнопение только тогда исполняется разумно, когда исполнители проникаются его содержанием, осмысленно совершают пение. Музыка полезна, когда она не отступает от общей практики Церкви, выражает молитвенный дух песнопения, но не автора нотного листа.

Главным преимуществом древних распевов, перед сочинениями позднейших авторов является то, что ритм и мелодия подчиняется ритму словесному — богослужебному тексту, его смыслу. В произведениях более близких нам по времени, ритм господствует над текстом, что делается нередко в ущерб его смысловому содержанию. Песнопения исполняемые в современный период в наших храмах, а они включают в себя творения прошлого и нынешнего веков, несомненно, очень много имеют от светского духа. К этому прибавляется еще и то, что в открывающиеся храмы и монастыри приглашаются светские или любительские хора, а их манера пения не всегда отвечает требованиям церковной традиции, молитвенного духа...

Есть произведения, при исполнении которых просто невозможно молиться. Впрочем, все это не есть призыв к переходу, скажем, на знаменный распев. Без надлежащей культуры пения и знаменный распев будет вызывать в душе молящегося смущение. Кроме того, употребление одного лишь знаменного распева в наше время не многих устроит, да и не спасет положения.

Безусловно, это всего лишь мысли вслух, но может быть, если всем подумать, получится выявить причины влияющие на состояние церковного пения.

Внимание читателя предлагается в несколько сокращенном виде ранее не публиковавшаяся статья *Юрия Анатолевича Шичалина, директора Греко-латинского кабинета, посвященная актуальным вопросам православной педагогики и опыту современной классической гимназии.*

Значение образования и отношение к нему — одна из центральных проблем, волнующих человеческую мысль. Займет ли образование высокое положение в христианском мировоззрении или будет воспринято как нечто временное, а потому случайное, подлежащее преодолению? За время существования христианской культуры этот вопрос решался неоднозначно. Во всяком случае, от того, будут ли образование и педагогика опираться на "антропологические и богословские предпосылки" или нет, во многом зависит, какое содержание и направленность получит жизнь каждого человека, насколько он реализует себя в этом мире и с чем предстанет перед вечностью.

Надеемся, что предлагаемая работа вызовет живой интерес, а главное — предоставит материал для размышления и даст импульс к последующим разработкам данной тематики.

Сергей Елисеев, II курс МДА.

Российская классическая гимназия и задачи православной педагогики

Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. (Ин. 17,15)

Страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла — разум. (Иов 28, 28.)

1

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? (Мф. 7,9) — Обрати этот вопрос Спасителя к обычному человеку, и едва ли кто ответит «я такой». Но вместе с тем, осознав, какую пищу многие и многие дети получают сегодня в качестве хлеба духовного, мы не вдруг поборем неизбежно одолевающие совестливых людей сомнения в том, что умеем «даяния благие давать детям нашим».

Из всех молодежных проблем, которые столь обострены в современном секуляризованном мире, проблема воспитания и образования является безусловно первой, потому что именно детей, то есть молодых людей, которые еще не стали взрослыми, еще растут и не сформировались, — именно их и нужно прежде всего воспитывать (то есть правильно питать их растущее тело и незрелую душу) и образовывать (то есть формировать их физически и духовно). В особенности это относится к способным детям. Самое важное и в то же время самое трудное в этом — умение сочетать образование и воспитание, то есть добиваться, чтобы они вместе вели к подлинному просвещению. Но в современном мире мы постоянно сталкиваемся с тем, что как раз этого стремятся достичь менее всего.

Даже в отношении так называемого физического воспитания, где все, казалось бы, проще и яснее, само стремление достичь гармонии можно считать исключительным. Мы прекрасно знаем, что во многих видах спорта всё большее значение приобретает однобокое

профессиональное формирование детей, которые тем самым уродуются и превращаются в калек.

Но и при развитии только интеллектуальных качеств ребенка узкая специализация и профессионализация в раннем возрасте (математические школы, языковые школы, гуманитарные классы etc.) нередко приводит к тому же, — может быть, не всегда столь явственно, но исключительно по той причине, что на нравственное уродство мы стали обращать внимание только в его крайних — уголовно наказуемых — проявлениях.

Однако, помимо ранней и однобокой профессионализации мы сталкиваемся сегодня и с другим уродливым подходом. Можно в одном единственном случае действительно стремиться воспитать ребенка, дать ему полное и правильное образование и поистине просветить его: если мы считаем, что незрелая детская душа нуждается именно в этом, то есть в том, чтобы ее осмотрительно и разумно, но в то же время совершенно сознательно и целенаправленно формировали, а не только оберегали и охраняли от внешних посягательств и всякого активного вмешательства как некий самодостаточный совершенный мир, который в таком случае как бы сам по себе должен раскрывать все свое богатство.

Христианское учение о первородном грехе не допускает восторженно-безответственного отношения к воспитанию, но именно это отношение чрезвычайно распространено в современной культуре и непосредственно связано с тем культом молодости и детства, который отличает XX век, пожалуй, от всех предшествующих

почти тридцати веков европейской культуры и сопровождается такими явлениями, как всеобщее ослабление суждения и пуерилизм, которые очевидно обозначились и стали вызывать тревогу еще в тридцатые годы.¹

Разумеется, эта тенденция не обошла стороной и Россию. От целого ряда процессов, определявших жизнь развитых стран Запада в XX веке, мы при коммунистическом режиме оказались отрезаны, поэтому иные вирусы до нас просто не дошли, но в то же время у нас оказался абсолютно неразвит иммунитет к тем болезням, которыми Запад уже переболел. С падением железного занавеса Россия — при полном отсутствии неисканенных и в полном смысле слова общенациональных ориентиров — оказалась абсолютно незащищена перед многими вредными влияниями, от которых в других странах уже найдены соответствующие — то есть подходящие для этих стран — средства. Сюда относится незащищенность атеистической массы россиян перед всякого рода сектантством, а также менее явная, но не менее опасная открытость общества в целом и, в особенности, интеллигенции (творческой, технической etc.) разного рода заимствованным политическим, социальным, педагогическим концепциям, которые неизменно именуют научными и тут же стремятся применить на практике.²

Ярким примером такого рода «открытости» и «научности» является постоянно проявляемое у нас стремление повсюду, в том числе и в педагогике, развивать «общечеловеческие» подходы, активно проводимые и легко занимающие место навязшего в зубах классового подхода, а также постоянное стремление дать «целостное осмысление всемирно-исторического процесса»³, разумеется, научное и тем самым не утруждающее себя обоснованием исходных предпосылок этого целостного рассмотрения. Эти недалекие претензии индивидуального человеческого разума можно было бы считать забавным анахронизмом, но нет: приходится констатировать, например, «рост влияния на гуманитарное познание культурной антропологии, под которой понимается наука, исследующая в сравнительном плане различные типы культур и пути их преобразования при социальной (а не чисто биологической) передаче информации от поколения к поколению»⁴.

Эта тема не может быть рассмотрена здесь сколько-нибудь подробно. Но указать на нее необходимо. При многочисленности и разности разного рода атеистических научных концепций человека и человеческого общества, применяемых к тому же на практике во множестве школ, при наличии множества сект, других христианских исповеданий и нехристианских религий, представители которых также проводят в России активную педагогическую политику и практическую работу в средней и высшей школе⁵, у нас едва ли есть общеобразовательные школы (не говоря уже о других учебных заведениях), которые всецело, сознательно и последовательно уже сделали принципы христианской антропологии реальной основой своего отношения к ученику и учебному процессу или хотя бы отчетливо обнаружили стремление к этому. Думаю, если такого рода школы появились, но просто мне неизвестны, — их очень немного, поскольку ряд школ православной ориентации, с которыми мне приходилось знакомиться, в лучшем случае приучают ребенка к тому, что его жизнь в общеоб-

разовательной школе и церковная жизнь могут не противоречить одна другой, но не потому, что школьная жизнь существенно изменилась, а только потому, что она подчинена церковной как безусловно менее важная.

Между тем, в протестантизме начиная с Меланхтона и в католичестве (в особенности у иезуитов) существует богатый опыт такого рода педагогической работы церкви, который в некоторых аспектах мог бы иметь для нас положительное значение. В последние десятилетия в особенности молодежные и студенческие волнения 1968 года привели западных христиан к явственному осознанию того, что сегодня в работе с молодежью должна быть проявлена апостольская призванность и соответствующий радикализм, несводимые к сочетанию обычного гуманистического образования с элементарной приобщенностью к церковной жизни: христианская педагогика должна быть включена в мистическую жизнь Церкви, она должна быть связана с Божественной благодатью и должна — не столько в отвлеченной теории, сколько по существу — опираться на соответствующие антропологические и богословские предпосылки.⁶

«С точки зрения христианской веры, воспитание, по его определяющей важности в человеческой истории, должно быть соотносено с главным таинством этой истории, которое осеняет ее своей тенью и освещает своим светом: с пасхальным таинством как церковным таинством в его троичном раскрытии. И также необходимо, чтобы христианский педагог обратился к Евангелию, но не для того, как мы понимаем, чтобы найти там иллюзорные педагогические предписания, а для того, чтобы в полноте своего человеческого назначения научиться жить этим своим делом как Пасхой: потому что дело идет не только о переходе от одного человека к другому, от прошлого к будущему, от детства к зрелости, но также о переходе от человека к Богу, от наших земных городов ко Граду Божьему, от жизни к Жизни. Ради этого ему следует долго созерцать Того, "Кого зрят оба Завета, — Ветхий как обетование. Новый — как образец, оба — как их центр"⁷, то есть Того, в Ком Божья *пайдейя* получила окончательное воплощение в нашей истории: Иисуса Христа».⁸

2

Как бы мы к этому ни относились, но мы, во всяком случае, должны считаться с тем фактом, что Церковь у нас отделена от государства и школа — от Церкви. И та работа, о которой мы сейчас говорим, в первую очередь имеет в виду не созданные Церковью воскресные школы, духовные училища, семинарии и академии (хотя сходные вопросы, как представляется, современная жизнь ставит и перед ними), а создаваемые частные школы православной ориентации или государственные школы, вводящие в программу обучения в качестве факультативов или дополнительных курсов Закон Божий и связанные с ним дисциплины.

Именно здесь необходимо найти тот подход, который позволит понять, что даже обучение предметам, входящим в обязательный минимум общеобразовательной средней школы, не есть просто то самое кесарево, которое нужно без долгих размышлений отдать кесарю, в качестве какового в данном случае выступает депар-

тамент образования: нужно оценить их как исконно Божие, отнимаемое у Него нашей ограниченностью, косностью и отсутствием рвения, без которого нет ни Православия, ни Церкви. О том, что полноценное образование — безусловно Божие, на учит пример Отцов Церкви, которые в свое время были в значительно более сложном положении по отношению к традиционному — то есть языческому — образованию, нежели мы, нерадивые, у которых уже есть многовековой опыт христианской педагогики. Именно Отцы Церкви сумели своим отношением к образованию дать нам образец для подражания в доступную для нас меру и призвали нас не расставаться так легко с той истиной, которую Бог в течение веков открывал и язычникам, готовя тем самым почву для достойного вмещения Истины Нового Завета. Приведу только один пример, безусловно выдающийся как раз в силу своей всеобъемлющей поучительности.

Всем, кто хотя бы немного начитан в святоотеческой литературе, памятно надгробное слово святому Василию Великому, в котором святитель Григорий Богослов вспоминает драгоценные черты этого ревнителя Церкви и, воздав хвалу родителям святого, подробно говорит о его учености. Вот некоторые выдержки из этого сочинения, имеющие прямое отношение к предмету нашего рассуждения. «В похвалу мою войдет одно то, о чем сказав, нимало не думаю показаться излишним и не к цели бросившим слово.

Полагаю же, что всякий, имеющий ум, признает первым для нас благом ученость, и не только сию благороднейшую и нашу ученость, которая, презирая все украшения и плодovitость речи, смелется за единое спасение и за красоту умозерцаемую, но и ученость внешнюю, которою многие из Христиан, по худому разумению, гнушаются, как злохудожною, опасною и удаляющею от Бога».

«В науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению, в пучину погибели. Мы извлекли из них полезное даже для самого благочестия, чрез худшее научившись лучшему, и немощь их обратили в твердость нашего учения.

Посему не должно унижать ученость, как рассуждают о сем некоторые; а напротив того, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве».⁹

Описывая далее житие свт. Василия Великого, свт. Григорий Богослов свидетельствует, что тот в детском возрасте «изучает первоначальный круг наук и упражняется в благочестии, короче сказать, самыми первыми уроками ведется к совершенству». Людей, преданных только одному (то есть учености без благочестия или благочестию без учености), свт. Григорий сравнивает с одноглазыми, «которые терпят большой ущерб, когда сами смотрят, а еще больший стыд, когда на них смотрят». «Но кто может преуспеть и в том и в другом и стать ободесноручным, тому возможно быть совершенным и в сей жизни вкушать тамошнее блаженство».

Отмечая чрезвычайное рвение свт. Василия в этих занятиях, свт. Григорий далее рассказывает, как тот отправляется «в Кесарию для поступления в тамошние

училища», потому что «отличие Кесарии — науки».¹⁰ «Из Кесарии самим Богом и прекрасною алчною познаний ведется Василий в Византию..., потому что она славилась совершеннейшими софистами и учеными...; а из Византии — в Афины — обитель наук».

«Афины, — считает необходимым подчеркнуть свт. Григорий, — если для кого, то для меня подлинно золотые и доставившие мне много доброго».¹¹ Свт. Григорий имеет в виду прежде всего то, что в Афинах он лучше узнал свт. Василия и поистине стал его другом. «Когда же по прошествии некоторого времени открыли мы друг другу желания свои и предмет оных — любознательность¹², тогда уже стали мы друг для друга все — и товарищи, и сотрапезники, и родные... Нами водили равные надежды и в деле самом завидном — в учении».¹³ «Нам известны были две дороги: одна — это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям; другая — это вторая и неравного достоинства с первою, вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги — на праздники, в зрелища, в народные стечения, на пиршества, предоставляли мы желающим. Ибо и внимания достойным не почитаю того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя. У других бывают иные прозвания, или отцовские, или свои, по роду собственного знания и занятия; но у нас одно великое дело и имя — быть и именоваться христианами».¹⁴

«Хотя для других (не без основания думают так люди благочестивые) душепагубны Афины, потому что изобилуют худым богатством — идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят: однако же не было от них никакого вреда для нас, сжавших и заградивших сердце. Напротив того (если нужно сказать и то, что несколько обыкновенно), живя в Афинах, мы утверждались в вере...»¹⁵.

Хотя и у свт. Григория, и у других Отцов и Учителей Церкви есть множество свидетельств подобного рода¹⁶, мне представляется более полезным внимательно рассмотреть приведенные высказывания, безусловная авторитетность которых не нуждается в доказательствах для человека православного, а для всех иных столь же авторитетно свидетельствует о подлинном отношении православия к образованию.

Итак, прежде всего отметим, что свт. Григорий Богослов считает свое рассуждение об учености свт. Василия абсолютно необходимым и уместным при подведении итогов земной жизни этого великого святого, причем сразу подчеркивает, что речь идет и об учености «внешней», то есть о том, что мы бы назвали общим светским образованием.¹⁷ Никакой специальной христианской системы начального и среднего образования в это время еще не было, и свт. Григорий приходится подчеркивать, что христиане должны в области образования выбирать лучшее из уже имеющегося. Едва ли мы упрем свт. Григория в несдержанной заносчивости, — поэтому резкость, с которой он обличает унижающих ученость как людей глупых и невежественных, стремящихся видеть всех подобными себе и в общем недостатке скрыть свой собственный, объясняется только губительностью самого осуждаемого порока.

Второе важнейшее положение свт. Григория состоит в том, что сочетание благочестия и общего образования,

если они ревностно культивируются вместе, позволяют христианину избежать духовного и душевного уродства, которое вредит как самому человеку, так и окружающим его, и является одним из путей, на котором мы можем достичь совершенства, — в частности, до вступления в строгую жизнь священнослужителя или монаха «предначертать, что нужно для сея жизни».¹⁸

Избирая ради совершенствования своего образования лучшие центры тогдашней учености, свт. Василий не пренебрегал ни грамматикой, ни стихотворством, ни риторикой, ни диалектикой, ни арифметикой, ни геометрией, ни астрономией, ни философией практической и теоретической, которая в сочетании с трудолюбием позволила ему освоить и медицину, — «это был корабль, — подводит итог свт. Григорий, — столько нагруженный ученостью, сколько вместительно для человеческой природы».¹⁹ При этом и здесь необходимость отбора наилучшего во всех дисциплинах предполагала знание всего круга общеобразовательных дисциплин, то есть речи не шло о том, чтобы — пользуясь современной терминологией — ограничиться только точными или только гуманитарными дисциплинами.

Здесь мне могут возразить: но ведь говорит же свт. Григорий, что дорога, которая «вела к наставникам наук внешних», — «вторая и неравного достоинства с первой». Не находится ли это в противоречии с тем, о чем речь шла выше? — Ни в коей мере. Свт. Григорий вынужден противопоставлять две дороги потому, что «наставники наук внешних» в его время не были христианами, но это ни в какой мере не значило для него, что посещать храм — достойное дело, а ревностно заниматься учением — недостойное. Свт. Григорий, как помним, подчеркивает: «и внимания достойным не почитаю того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя», равно относя это к обеим дорогам. Говоря о двух дорогах, свт. Григорий не ученость противопоставляет благочестию, а то прискорбное обстоятельство, что христианство тогда еще не воспитало собственных благочестивых наставников в науках, о безусловной важности которых для христианина свидетельствует путь свт. Василия и его собственный.

Бесконечно поучительно и само отношение свт. Григория к Афинам, проявившееся в час расставания с ними. «Никому и ничто не бывает так прискорбно, как афинским воспитанникам расставаться с Афинами и друг с другом»²⁰, — замечает он. И эта скорбь святого при расставании с Афинами понятна: здесь он совместно со свт. Василием совершенствовался в любви к философии и Богу, и благодаря этому оба утвердились в вере, потому что душепагубны Афины только для тех, кого увлекают к нечестию поклонники и защитники идолов. Но идолы — много их или мало — суть зло для любого города. Ясно поэтому, что не в Афинах здесь дело, а в том, достаточно ли сильна вера в Истинного Бога, чтобы заградить сердце человека и уберечь его от идолослужения, или нет: и в Иерусалиме Соломон допустил капища ложных богов и приносил им жертвы, нарушая тем самым первые заповеди Божьи; и афиняне построили жертвенник Неведомому Богу и поклонялись Ему.

3

Выше уже шла речь о том, что наши представления о человеческой душе определяют и то, как ее нужно воспитывать. В то же время вопрос о том, какова наша душа, относится не к числу отвлеченных теоретических задач и не может быть решен в результате некоего индивидуального рассудочного усилия; он подлежит решению в свете всего того опытного знания, которым мы обладаем в результате нашей приобщенности к определенной традиции: церковной и школьной.

Современная научная традиция наших представлений о душе, которая отважно называет себя психологией, слишком еще молода и, на мой взгляд, даже еще не успела осознать в собственном смысле свой предмет, блуждая между медициной, физиологией, социологией и регулярно пытаясь брать на себя педагогические функции. Что же касается таких направлений исследования душевной жизни, как, например, психоанализ, то знакомство с его методами и, в особенности, с их эволюцией, конечно, много дают для понимания некоторых тенденций современной культуры, стремящейся компенсировать дефекты своей нецерковности, но только косвенным образом позволяют получить реальное опытное знание о душе.

В христианстве первых веков это опытное знание о душе было получено как раз в результате совмещения данных церковного опыта с опытом греческих философских школ. Но современная философия выпустила эту проблематику из поля своего зрения: послекантовская философия, соглашась она с Кантом или спорила с ним, признала, что у нее нет соответствующего опыта, позволяющего поставить и тем более разрешить вопрос о наличии и бессмертии души. И в современной психологии душа-психи все больше исчезает, хотя все больше разрастается психика, то есть некая пустая — лишенная души — душевная область.

Для того, чтобы понять, как в традиции христианского богословия собственный церковный опыт был совмещен с опытом греческой философии, мы, во-первых, должны укрепиться в принципиальном отношении православия к мирскому образованию как к тому, без чего «невозможно религиозное» образование, что позволяет «получать необходимые человеку познания в науках», «вообще воспитывать чувства и поведение», «является необходимым вспомогательным средством для всей жизни»²¹, причем эта «необходимость образованности», высветляющей в нас образ Божий²² и делающей нас в дарованную нам меру подобием Божиим, для православия очевидна; во-вторых, мы должны укрепиться и в церковном отношении к истории человечества до Христа и к истории в целом как к тому, что являет Божью Истину в мире, причем в той мере и последовательности, которые доступны для человека, спасительны для него и опять-таки позволяют ему усмотреть в себе образ Божий и Его подобие.

Это отношение к истории постепенно формулировалось Церковью, и уже к началу IV века в христианстве была обрета соответствующая формула: история до Христа — как Евангельское приуготовление, а опыт предшествующей философии — как сфера естественного откровения. Именно Евангельским приуготовлением назвал свое сочинение в защиту Христианской веры

родоначальник христианской церковной истории Евсевий Кесарийский, потому что опирался в нем на свидетельства греческих философов, из которых многим была открыта Божественная Истина. Хотя в вопросе о Троице у Евсевия и были известные колебания и, может быть, отклонения в пользу арианства, однако же его взгляд на историю отражал общецерковную установку. Приведу в качестве параллели только одно замечание свт. Григория Богослова: «...из достигших совершенства прежде пришествия Христова, никто не достигал сего без веры в Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже впоследствии, в определенное время, однако же умам чистым было ведомо и прежде, как показывают многие, прославленные до Христа».²³

Основополагающим для правильного понимания души является опыт Ветхого Завета, противопоставившего в Книге Бытия (1, 24; 2, 7) творение животных и творение человека: *И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их; и стало так; И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.* Толкуя первый текст, свт. Василий Великий вопрошает: «Почему земля производит душу живую? — Чтобы ты понял отличие души скота от души человека».²⁴ И в другом сочинении разъясняет: «Я полагаю что сила души, которая пребывает единой и тождественной, двояка: одну мы называем одушевляющей тело, другую — созерцающей бытие, а также рассудочной».²⁵ Если первая исполняет свою функцию непрочно, то есть она не может не животворить так же, как солнце не может не светить; то вторая начинает действовать в зависимости от нашей воли.²⁶

Эта собственно человеческая душа, которую Бог вдохнул в созданное им тело первого человека, тем самым решительно отделив его от всех прочих животных, сама имеет несколько проявлений: она проявляется как таковая в своей собственной сфере, в ее устремленности к более высокому началу — духу, а также к более низкому — телу. Как мы видим из свт. Василия Великого и целого ряда других авторов²⁷, человеческая душа созерцает все сущее, в том числе — чистое бытие, то есть Бога; действует свойственной ей деятельностью, то есть рассуждает, выстраивает свое понимание созданного Богом мира, создает разного рода рациональные конструкции, которые являются истинными в той мере, в которой человечеству в каждый данный период его истории удается вместить открываемое ему Богом; помимо этой внутренней деятельности каждая человеческая душа хочет явственно сформулировать свое понимание Бога, созданного им мира и себя самой и стремится донести это понимание до другого человека, а также стремится понять других людей, поскольку и в них узнает Бога, Божий мир и себя самое.²⁸

Эти три проявления единой человеческой души, если угодно, — три ее ипостаси, действительно воспроизводят образ Единого Троиственного Бога: Богу-Отцу, Тому, кто сказал о Себе «Аз есмь сущий», соответствует наша потребность знать Бога и способность созерцать Его в том виде, в каком Ему угодно открывать Себя нам, — мы можем назвать ее духовной, или мистической; Богу-Сыну, явленному Христу-Логосу соответствует наша способность уразумевать и мысленно вос-

производить то, что дается нам в созерцании как умственном, так и чувственном, — мы можем назвать ее рассудочной, или рациональной; наконец, Святому Духу, исполнившись которого Апостолы начали говорить на иных языках, соответствует та способность сообщать и внимать, то есть общаться с другими людьми, которую мы можем назвать социальной.

Едва ли нужно говорить, что такого учения о душе мы не найдем ни в Ветхом Завете, ни — в развитом виде — в Новом Завете, хотя Новый Завет дает для него все основания; но у Отцов Церкви, из которых я сознательно приводил только отдельные высказывания иже во святых отец наших, и вселенских великих учителей и святителей, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, мы найдем это учение подробно и в развитом виде разработанное с учетом того опыта, который был обретен греческой философией, в особенности Платоном.²⁹ Именно Платон явственно подчеркнул роль воспитания для формирования бессмертной души и ее будущей жизни. Из того, с чем душа сталкивалась в этой жизни, у нее, согласно Платону, не остается после смерти ничего, кроме «образования и воспитания» (πλήν παιδείας καὶ τροφῆς — Федон, 107в), и это то единственное, что сеется в тлении, восстает в нетлении (1 Кор. 15,42) и ради чего мы должны избегать худых обществ, развращающих добрые нравы (1 Кор. 15, 33).

4

Именно такое понимание образования и воспитания постепенно формировалось в ходе реальной педагогической деятельности, ради которой и был организован Греко-латинский кабинет и которую мы по мере сил ведем шестой год. При этом мы считаем, что именно классическое образование или, по крайней мере, опора на его важнейшие элементы позволяют с наибольшей полнотой практически реализовать то общее отношение к образованию и воспитанию, которое было сформулировано выше. Теперь речь пойдет об основной идее классического образования и его важнейших элементах. Если при этом в некоторых случаях я буду ссылаться и на наш скромный опыт, то исключительно ради примера, а не в качестве образца.

Как известно, классическое образование европейского типа базируется прежде всего на изучении двух древних языков: греческого и латыни; поскольку оба языка изучаются прежде всего на образцовых текстах определенного периода, их часто и называют классическими. В разное время давались разные ответы на естественный вопрос, почему именно эти два языка лежат в основе классического образования. Не перебирая многочисленных точек зрения, не представляющих существенных (эстетические соображения, воспитание логического мышления, etc.), сформулирую первый из двух важнейших резонансов.

Греческий и латынь — языки двух первых европейских народов, стоявших у истоков единой европейской культуры; именно они были избраны в качестве основных нераздельною Христовой Церковью и они навсегда остаются главными языками христианского богословия. Никакие соображения дурно понятой уважительности по отношению ко всем прочим языкам и народам не

могут отменить этого основополагающего факта для всего последующего развития христианства и всей европейской культуры, то есть той единственной на Земле культуры, которая приобрела в этом веке планетарное распространение.

Предыдущая греческого языка для составления на нем Священных текстов Нового Завета явственно обнаружилась уже в III веке до Р.Х., когда тексты, имевшие составить Ветхозаветный канон, были благодаря переводу Семидесяти лишены своей национальной исключительности и введены во всеобщий обиход народов, которым предстояло первыми принять евангельскую проповедь. И хотя апостолы, получившие дар говорить на других языках, проповедовали Слово Божие среди множества народов, мы на примере нашего собственного языка, истории и культуры знаем, сколь велика для нас роль греческого текста Нового Завета.

Латинский язык и римская, а впоследствии вся средневековая латинская культура являются для нас образцовыми в силу и в меру их постоянной ориентированности на греческий язык и культуру и благодаря тем регулярным возвращениям к ней, которые мы знаем как многочисленные «возрождения» (каролингское, XII века, предвозрождение XIV века, т.н. эпоха Возрождения XV-XVI веков, постоянные всплески интереса к платонизму и аристотелизму, etc.).

Именно эти соображения объясняют, почему оба языка играют исключительную роль для того типа образования, который называется классическим, и почему в качестве его элементов они даже сами по себе безусловно важны для формирования молодых людей, уже имеющих некоторое хотя бы смутное представление о добротном образовании или его предчувствие.

Второй резон, заставляющий говорить об исключительном значении обоих древних языков, связан с первым: греческий и латинский языки — единственные из всех языков, имеющие один свыше двадцати пяти, другой — свыше двадцати двух веков непрерывной традиции их изучения и преподавания в качестве «общих» языков европейской культуры, которая мыслится как вселенская. В силу этого, на обоих языках из уже созданного отбираются и сознательно создаются образцовые произведения, лежащие в основе школьного образования. Мотивы отбора ни в коей мере не предполагают самого доступного, легкого, общепонятного etc.: отбор определяется понятиями наибольшего совершенства и тем самым пригодности к совершенствованию души учащегося, — припомним здесь еще раз свт. Григория Богослова, который и внимания достойным не почитал того, «что не делает лучшим своего любителя». Именно с их помощью совершенствуется то проявление души, та ее ипостась, которая была названа социальной.

В отличие от изучения новых языков, основанного на усвоении шаблонов и воспитывающего автоматическую реакцию на ситуацию, древние языки ориентируют на изучение образцов и чтение сложных — с самых разных точек зрения — текстов. Эта привычка с уважением читать, ответственно разбирать и ревностно стремиться к достойному пониманию сложных образцовых текстов способствует тому, что часто является самым сложным для нас — ценить и понимать собеседника, но еще прежде — вообще замечать ближнего своего. Уже самое

начало знакомства с древними языками заставляет нас осознать, что задолго до нас существовал и до сих пор есть целый ряд авторитетных текстов, к которым мы можем приблизиться — ради нашего блага, а можем пройти мимо них — в ущерб себе.

Изучение древних языков оказывается чрезвычайно важным дополнением к любому светскому образованию. Мы имели возможность убедиться в этом, поскольку на курсах древних языков Греко-латинского кабинета занимались молодые люди, получающие образование на всех факультетах Университета, а также студенты многих технических вузов. Что же касается обучения детей в классической гимназии, то древние языки составляют одну из трех ее важнейших примет.

Привычка ценить и правильно интерпретировать таких серьезных собеседников, как Ксенофонт и Цезарь, — а это первые авторы, традиционно читаемые в классических гимназиях в оригинале, приобщаться к эпической поэзии вместе с Гомером и Вергилием, ценить совершенство стихотворной формы лирических произведений вместе с Пиндаром и Горацием, с исторической прозой знакомиться, читая Геродота, Фукидида и Тита Ливия, с философской, — изучая Платона и Аристотеля, Цицерона и Сенеку; наконец (но не в последнюю очередь), после соответствующей подготовки³⁰ читать по-гречески Септуагинту и Новозаветные тексты, быть приобщенным к творениям Отцов Церкви в оригинале, — такая привычка решительно повышает требовательность к себе, развивает умение понимать самые сложные ситуации и правильно реагировать на них. Эта же привычка, укоренившаяся в душе благодаря постоянной систематической работе по весьма насыщенной гимназической программе, обращившая подлинной приобщенностью к многовековой непрерывной традиции европейской культуры.

Именно для того, чтобы вхождение в столь серьезные задачи, которые ставят перед нами классические, патристические и византийские, а также средневековые и возрожденческие авторы и тексты, было действительно основательным и существенным, преподавание древних языков в классической гимназии ведется не сверх программы, а как ее основа. Кроме того, знакомство с истоками европейской истории на основе корректной интерпретации оригинальных текстов, а не на основе пристрастного изложения более поздних ее исследователей, а чаще — перелажателей популярного толка, также причает учащимся воспринимать мир традиции и человеческого общения из первых рук и самостоятельно ориентироваться в его ценностях.

Математические науки — второй основной и наиболее представительный блок преподаваемых в гимназии дисциплин. Культивированная техника общения, понимания, исторически и человечески корректного толкования текстов, достойное отношение к миру авторитетов и авторитетных текстов, чувство иерархии ценностей, предполагаемое кругом дисциплин, в основе которых лежат древние языки, дополняется математическими дисциплинами: благодаря им получает развитие рациональное начало, которое позволяет решать задачи совсем другого характера.

Классическое образование европейского типа безусловно предполагает развитие данного начала в его полноте, но исключает его преимущественное и тем более

исключительное развитие. Именно поэтому мы в нашей гимназии стремимся вводить курсы по точным наукам, построенные в историческом аспекте. Так, начиная с прогимназии, детьми изучается не абстрактно геометрия, а геометрия Евклида. С первой попыткой построения подобного курса можно познакомиться по учебнику «Начала» Евклида, написанному преподающим в нашей гимназии И.Н.Осипенко³¹, дьяконом Церкви Ильи Пророка на Ильинке; постепенно у нас формируется круг преподавателей естественных и точных наук, которые готовы обсудить возможность построения такого рода курсов по алгебре, логике, физике и другим предметам. Основная идея этого подхода состоит в следующем.

К концу XIX века в Европе возникает некоторая эйфория, вызванная теми успехами, которые были достигнуты в результате объединения науки и техники, и которые реально изменили весь характер человеческой жизни на планете. В связи с этим наука стала представляться чем-то автономным и самодовлеющим: определенные предметные области, освоенные наукой, представлялись некими объективно существующими сферами некоего объективного же постижения, и, поскольку сама наука принципиально не способна усмотреть и осознать свои предпосылки, иллюзия исторической беспредпосылочности науки стала доминировать в европейском научном сознании. Наука, отменяющая устаревшие предрассудки прежних времен, ученые, отменяющие в своих работах сочинения предшественников, настоящее, отменяющее прошлое в свете абсолютно ясного будущего, — таковы некоторые оценочные стереотипы, выработанные новоевропейской наукой. Мы до сих пор сталкиваемся с устойчивыми рефлексамми такого подхода у представителей технических специальностей, которые для конкретной работы в своих областях не нуждаются в истории своей науки. Кризис западно-европейской науки и культуры в целом, осознававшийся уже в начале XX века, сильно поколебал такого рода наивную уверенность, но не отменил влияния ее самонадеянного подхода.

В основе исторического подхода к преподаванию точных наук лежит соображение хотя и тривиальное, но требующее к себе трезвого и серьезного отношения: все научные подходы когда-то были впервые сформулированы, и эти формулировки зафиксированы в конкретных текстах. Если учащийся привыкает изучать не висящую в историческом вакууме самодостаточную науку геометрию, а изучает Начала Евклида, то есть конкретный текст, имеющий свою историю создания, историю бытования, историю рецепции и историю влияния, — это избавляет его от иллюзии полной вневременности науки и учит лучше понимать ее человеческую определенность и ограниченность. Автономная наука, никак не связанная с историей, воспитывает бессмысленную дерзость; тогда как любая точная наука, чувствующая свою историческую ограниченность, легко сосуществует с гуманитарными науками и стремится найти свое — не самое высокое — место в традиционной иерархии ценностей, — так же, как и наша рассудочная способность, преимущественно этими науками эксплуатируемая, стремится осознать свое подлинное и также не самое высокое место в иерархии способностей нашей души.

Круг дисциплин, связанных с преподаванием Закона Божия, обязателен для изучения в классической гимназии. Именно он призван формировать духовное, или мистическое начало души, которое в противном случае остается беспризорным. Закон Божий читает у нас православный священник, получивший на это благословение Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Но для поступления в прогимназию и обучения в гимназии нет конфессионального барьера: мы прекрасно понимаем, что вынужденный атеизм большинства россиян, воспитанных при коммунистическом режиме, не должен закрывать дороги к добротному и правильному образованию. Гимназия наша — частная и светская; и родители, и дети знают об этой обязательной части нашей учебной программы и, сделав свой выбор в пользу нашего учебного заведения, относятся к ней ответственно. С нашим преподавателем Закона Божия — настоятелем Храма Святой Мученицы Татианы, доцентом Московской Духовной Академии священником Максимом Козловым, который и сам по своему светскому образованию является филологом-классиком, — мы, разумеется, исходим из того, что никакого насилия в данной области допускать нельзя: напротив того, *возможность в ходе обучения сознательного обращения к Православию способных детей из семей, не связанных с Церковью, а иной раз и атеистических, является самой драгоценной и надежной формой утверждения Православия в элитарной молодежной среде.*

Одной из важнейших форм приобщения детей к церкви следует считать традиционное обучение хоровому церковному пению. На уроках дети знакомятся с основными молитвами и песнопениями православной церкви, готовятся под руководством преподавателя к определенным праздникам и по благословению священника принимают участие в службах. Для правильного окормления мистического начала нашей души важно именно это традиционное сочетание уроков Закона Божия и уроков церковного пения: первые требуют от гимназистов собрать все свои знания и навыки, получаемые на других занятиях, ради того, что превосходит всякое рациональное знание и делает его осмысленным; вторые также требуют от гимназистов эмоциональной собранности и подводят их к полноте церковной жизни. Красота наших песнопений быстро прокладывает дорогу к детским сердцам, и даже для тех из них, что растут в семьях, далеких от церковной жизни, этот путь воцерковления может оказаться наиболее естественным и надежным.

Понятно, что помимо этих трех основных моментов (древние языки, сильная математика, Закон Божий) специальное внимание уделяется в гимназии отечественной литературе и истории, отношение к которым в значительной степени зависит от того, как воспитаны наши социальные и мистические начала. Мы считаем, что формирование ребенка должно происходить на образцах отечественной литературы до середины XIX века, а на подготовленной таким образом основе должны восприниматься все остальные традиции. Что же касается истории, то здесь основным является как раз органичное рассмотрение отечественной истории в контексте мировой истории, прежде всего, разумеется, европейской (тогда как ветхозаветная история, например, изучается по мере изучения Священных книг Ветхого Завета). При

изучении обоих предметов чрезвычайно значимыми оказываются посещения музеев, экскурсии по Москве, а также поездки по другим русским городам.³² Понятно, что выполнить такую программу обучения могут только действительно одаренные и способные дети. Но именно им, от Бога получившим свой дар и способности, мы и должны помочь обратить его во благо. Когда все три стороны души способного ребенка оказываются небеспризорными, тогда мы можем сказать, что делаем зависящее от нас, чтобы наши дети открыли для себя подлинную науку устранения от зла.

Множество конкретных проблем, которые перед нами встают и которых пока значительно больше, чем реальных достижений, заслуживает самостоятельного и специального обсуждения. А в заключение этого рассуждения вернемся к его началу, к тому, что есть Божие и кесарево в обучении.

Весь ход предшествующего изложения предполагает небезразличное отношение православных к процессу обучения в целом, то есть их ревностную готовность к тому, чтобы продумать максимально широкий горизонт образования и воспитания молодого человека и осознать, как каждый элемент этой общей картины соотносится с общей идеей Божьего мира и нашего его понимания. Мы должны с исключительным вниманием отнестись к тому, какие дисциплины преподаются и каков характер их преподавания, не доверяя первым попавшимся учебным пособиям и методикам. Многие пособия и учебники нужно создавать заново. Этого нельзя сделать вдруг. Но именно на этом необходимо теперь сосредоточить всю волю и все внимание. Сегодня именно это и значит думать о своем народе, то есть о тех, кто родился и вырастает на наших глазах. Это требование великой ревности православных к образованию должно быть осознано и решительно проведено как среди клириков, так и среди мирян, потому что его выполнение в значительной степени определяет сегодня дальнейшую судьбу России.

От того, кому мы сейчас доверим воспитание самых талантливых молодых людей в нашей стране, во многом зависит ее будущее. Оставаясь отделенной от государства, Православная Церковь при теперешней политической нестабильности даже не может твердо рассчитывать на естественную и традиционную для прежней России преданность власти Православию. Но мы можем, не дожидаясь, когда государство отчетливо выразит свое отношение к разного рода сектам и создаваемым ими школам, сами создавать школы, которые с Божьей помощью будут по существу и по форме достойными нашей веры. Ревностное отношение православных к добротному образованию должно вылиться в мощное движение. Это движение не нужно искусственно организовывать по той простой причине, что сегодня стремление дать детям хорошее образование проявляется в самых разных слоях общества, но его нужно всемерно и действительно поддерживать и премудро окормлять. А для этого его нужно хорошенько распознать и суметь оценить его положительную и мощную энергию как поистине проявление милости Божией по отношению к России.

Ю.А.Шичалин,
директор Греко-латинского кабинета

Примечания

¹ И. Хейзинга. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

² Интел(лигенция — специфически российский феномен, отсутствующий, как известно, в других странах: так в России XIX в. обозначали прослойку людей, занятых умственной деятельностью; в других языках само это слово (от лат. *intelligentia*) в данном значении рассматривается как заимствование из русского. Безоглядная открытость и безответственность этой прослойки, увы, традиционна. Из среды разночинской интеллигенции рекрутировались вскормленные плохо (или слишком хорошо?) усвоенной западной наукой воинствующие атеисты, проповедники и организаторы террора и насилия как форм политической борьбы, подготовившие десятилетия атеистического террора после 1917 года. А он оказался абсолютно необходимым при экспериментальной проверке ряда «научных» концепций развития человеческого общества и государства, в ходе которой в России были уничтожены одни слои общества, изуродованы другие и возникла та беспринципно-послушная масса, которая — в силу той же беспринципности — с легкостью воспринимает любое прямое внушение и становится агрессивной. Именно она оказывается опорой для любых сил, стремящихся к тоталитарной организации общества, и в то же время проявляет полную неспособность к самостоятельному положительному творчеству. На эту среду рассчитан и культ той интеллигентности, противопоставленной религиозности и церковности, который устанавливает сама же атеистическая интеллигенция.

³ Г.Б.Корнилов. История педагогики: проблемы, предмет, подходы. / Европейская педагогика от античности до нового времени (исследования и материалы). Ч. 1. М., 1994. С.6.

⁴ Там же. С. 10, со ссылкой на книгу: В.В.Иванов. Культурная антропология и история культуры / Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С.11.

⁵ Только в Москве в 1994 году (судя по справочнику Независимые школы Москвы) есть Вальдорфская школа (С.17: «В основу обучения положено знание закономерностей развития ребенка, основанное на данных духовной науки антропософии») и Комплекс детский сад-школа "Семейный лад", ориентированный на методику вальдорфской педагогики; Ведическая гимназия Турукула" (С. 53: «группа участников движения сознания Кришны, связанных с педагогикой, решила основать школу, где дети научатся прочной жизненной философии. Цели гимназии: духовное саморазвитие личности, изучение ведических истоков национальных культур России, возрождение традиционного ведического образования, воспитание будущих духовных авторитетов общества»); ряд школ, обучающихся по методике Марии Монтессори, доктора Ховарда, по американским программам Positive actions, ACE, Junior Achievement; школа "Чистое сердце" при издательстве "Протестант" (С. 49: «задача школы: формирование христианского мировоззрения, воспитание детей в духе морали и нравственности Нового Завета»), католический колледж, а также множество школ, занимающихся по разного рода авторским программам отечественных педагогов.

⁶ Именно так ставится вопрос в книге Margerite Léna, преподавателя философии в Лицее Sainte Marie de Neuilly в Париже, *L'esprit de l'éducation* (Paris, 1991). Книга написана в традиции католического возрождения во Франции начала XX века, связанного с именами Шарля Пеги и Мадлен Даниелу, основавшей ряд католических школ, написавшей отразившие ее педагогические установки книги *Action et Inspiration* (Paris, 1938) и *L'éducation selon l'Esprit* (Paris, 1939) и создавшей тем самым традицию, до сих пор чрезвычайно влиятельную не только в Европе, но и в Азии и в Африке.

⁷ *Pascal. Pensées. Éd. Brunschvicq*, n° 740.

⁸ *M. Léna. L'esprit de l'éducation. P. 198.*

⁹ Цитирую по изданию: Творения иже во Святых Отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. Том I. СПб, б.г. С. 609.

¹⁰ Там же. С. 610.

¹¹ Там же. С. 612.

¹² Разумеется философия, венчавшая образование.

¹³ Там же. С. 615.

¹⁴ Там же. С. 616.

¹⁵ Там же. С. 616-617.

¹⁶ Они собраны, в частности, в сочинении воспитанника Киевской Духовной Академии П. Соколова. Как Отцы Церкви первых пяти веков думали о философии вообще и особенно о философии Платона (Опыты упражнений воспитанников Киевской Духовной Академии пятого учебного курса. Том 1, Киев, 1832. С. 303-381), знакомство с которым совсем бесполезно, несмотря на то, что на эту тему есть новые иностранные работы. Хотя преимущественно речь в сочинении идет о философии, однако же из него можно понять и общее отношение Отцов Церкви к образованию. Сама книга — одно из множества свидетельств подлинной просвещенности нашего духовенства в XIX веке; о том, насколько здраво рассуждали в наших духовных учебных заведениях об отношении православия к образованию, свидетельствует следующее общее замечание автора: «...невыгодные выражения Отцов о философии были, как увидим ниже, плодом не убеждения их во вреде философии, а следствием неприятных для Церкви обстоятельств и ревности Отцов поправить оные» (С. 315).

¹⁷ Разумеется, свт. Григорий несколько не расходится в этом со свт. Василием, на примере которого он это демонстрирует: «В эту жизнь вводят нас, конечно, Священные Писания, образующие нас посредством учений таинственных; но пока, по возрасту, не можем изучать глубину смысла их, мы и в других писаниях, не вовсе от них далеких, упражняем на время духовное око... И мы, конечно, должны держаться той мысли, что нам предлежит подвиг, важнейший всех подвигов, — подвиг, для которого все должны сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и с стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к пощению о душе» (Свт. Василий Великий. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями. — Цит. по кн.: Творения иже во Святых Отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. IV. М., 1846. С. 346).

¹⁸ Там же. С. 610.

¹⁹ Там же. С. 618.

²⁰ Там же. С. 619.

²¹ *Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 256.*

²² Свт. Василий Великий в Беседе на слова: Внемли себе (Втор. 15,9) учит, что ясное осмысление себя дает представление о Боге: «Для тебя Бог между людьми, для тебя раздаяние даров Святого Духа, разрушение смерти, надежда воскресения, Божии повеления, усовершенствующие жизнь твою, восхождение к Богу с помощью заповедей, уготованное царство небесное, венцы правды, готовые для неуклоняющегося от подвигов добродетели! Если внемлешь себе, то все сие и еще большее найдешь около себя» (цит. по указанному изданию. С. 42-43).

²³ Слово на память святых мучеников Маккавеев цитирую по указанному изданию. Т. 1. С. 245.

²⁴ Гомилия на Шестоднев, VIII 2.

²⁵ Монашеские установления, 2. Ср. также Беседа на слова: Внемли себе (Втор. 15,9): «...внемли себе и знай, что госпожа — разумная и духовная сила души, а служанки — сила страстная и неразумная» (Цит. по кн.: Творения иже во Святых Отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. IV. М., 1846. С. 43).

²⁶ Там же. Ту же мысль свт. Иоанн Златоуст проводит на основе противопоставления тела и души: если телесная красота бывает от природы, то духовная зависит от нашей воли. «Как о теле я говорил, что безобразная не может сделаться красивою, так о душе скажу противное: безобразная душа может сделаться благообразною» (Беседа на Евтропия II, 17. Цит. по: Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т. 3, кн. 2. М., 1994. С. 428-429).

²⁷ Разумеется, в данном изложении я не претендую на сколько-нибудь полное изложение православного воззрения на человеческую душу, а указываю только на те его моменты, которые обеспечивают осмысленное отношение к процессу обучения и реально используются нами в педагогической практике. Далеко, на мой взгляд, не бесспорное, но оснащенное многочисленными цитатами из Отцов и Учителей Церкви изложение этой проблематики можно найти в книге: *А. Позов. Основы древне-церковной антропологии. Мадрид, 1965. С. 57-98.*

²⁸ О двух вторых способностях души свт. Григорий Богослов в Послании 1, к монаху Евагрию, о Божестве говорит так: «...душа, которая сама есть существо умозерцаемое, порождает множество беспредельных мыслей»; «произносимое и общее всем слово не отделяется от души, его произносящей, но тем не менее бывает в то же время и в душах слушающих, так что и от первой не отлучается, и в последней находится, производит же более единение, нежели разделение их и наших душ» (указанное издание. Т. 2. С. 4-5); то, что последнее свойственно только человеческой душе, свт. Григорий подчеркивает в Таинственных песнопениях (Слово 7, о душе): «...я никогда не видывал мудрого зверя, имеющего дар слова, или говорящего терна» (Там же. С. 32).

²⁹ О том, сколь много обязана традиция христианского богословия специально в вопросе о бессмертии души Платону, можно судить по XI книге Евангельского приготовления Евсевия Кесарийского. Соответствующий обширный материал об этом подобран во вступительной статье, комментариях и экскурсах в издании этой книги в серии Sources Chrétiennes № 292 (Introduction, traduction et commentaire par Geneviève Farvelle. Texte grec révisé par Ed. des Places, S.J. Paris, 1982).

³⁰ Можно возразить, что Новозаветные тексты проще классических с точки зрения языка; но это не значит, что они в такой же мере могут быть использованы для упражнения, как и традиционно используемые для этого тексты Ксенофонта или Цезаря. К чтению Нового Завета следует приступать тогда, когда у детей уже есть опыт церковного к нему отношения и достаточно твердые навыки чтения по-гречески, то есть тогда, когда это чтение будет абсолютно сознательно и ему не будет препятствовать элементарное невежество читающего.

³¹ Москва, «Наука», 1994. Автором подготовлен к изданию второй том.

³² За неполные три года наши гимназисты посетили Сергиев Посад, Переславль, Ростов Великий, Никитский монастырь под Переславлем, Белопесочный под Каширой, Новый Иерусалим, Александровскую Слободу, Коломну, Псков, Печоры, Изборск, Санкт-Петербург.

4 июля в Троице — Сергиевой лавре завершилось обретение святых мощей преподобного Максима Грека.

Вечером 25 июня, под руководством опытного археолога, старшего научного сотрудника РАН С.А.Беляева, добровольные труженики — в основном это были студенты Духовных школ, — приступили к раскопкам. На следующий день были обнаружены неизвестные захоронения. Несмотря на сильный дождь, порой полностью заливавший водой место раскопок, работа продолжилась. И неожиданно в некотором отдалении от найденных останков было обнаружено ещё одно захоронение. Вскоре стало видно, что очень хорошо сохранилась глава и многие части скелета, также отчетливо были видны следы гробовой колоды...

Во время работ, в Духовском храме совершалось чтение Псалтири. Все добросовестно, как бы отрешившись от внешних забот трудились, и хотя никто не искал особых знамений, внезапно стал

Профессорско-учащаяся корпорация на традиционном шествии в Троицкий собор

ощущаться приятный запах. Одними из первых благоухание почувствовали простые ребята — лаврские рабочие, впоследствии запах распространился, и очень многие могли его обонять. Особое благоухание исходило от главы, но даже земля, в которой находились святые останки, издавала чудный запах, который заметно усиливался во время молебных пений.

После антропологического обследования с привлечением многих историко-архивных данных стало ясно, что это и есть искомые святые мощи преподобного Максима Грека. Произошло это 1 июля, во второй половине дня. Примечательно, что 2 июля совершается память святителя Иова, Патриарха Московского, который в 1591 году впервые обрел мощи святого. Вот как повествуется об этом в минее: "И открывша, и поиде от мощей его благоухание и цело и невредимо тело его, и ризы бяша и мантия и вся на нем покрывало не истле, и на персех руце его, и десная рука согбенна крестом". Тогда было принято решение опять поместить мощи под спуд.

Впереди предстояла огромная и сложная работа. Необходимо было отделить слой земли с мощами, не нарушив целостности колоды, от материковой глины...Участники раскопок до сих пор с благодарностью вспоминают бригаду лаврских рабочих, с помощью которых это удалось сделать.

4 июля для совершения молебна пред вновь обретенными мощами в Лавру прибыл Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. После молебна, при пении величания мощи, положенные в ковчег, были подняты и

перенесены в Духовской храм, где находятся и сейчас.

Прибывшие позднее ведущие антропологи РАН подтвердили принадлежность найденных останков преподобному Максиму Греку.

В настоящее время Синодальной богослужебной комиссией готовится текст службы в память обретения мощей преподобного Максима Грека.

1 сентября в Московских Духовных школах прошло традиционно.

Утром учащие и учащиеся собрались в Покровский Академический храм на Божественную Литургию. По окончании богослужения был отслужен молебен перед началом учебного года. Затем, в Троицком соборе, у раки преподобного Сергия Радонежского, в молебном пении преподаватели и студенты испрашивали у святого ходатайства пред Богом и помощи в предстоящих трудах.

После общего фото, в академическом саду у памятника почившим наставникам и студентам была совершена заупокойная лития, после которой состоялся торжественный акт. Собравшихся приветствовал Ректор МДАиС епископ Евгений. После привет-

ственного слова Владыки проректором по учебной части М.С.Ивановым были оглашены результаты вступительных экзаменов, проходивших с 10 по 27 августа. В первый класс Семинарии было принято 92 человека, во второй — 4, в третий — 9, в четвертый — 4. В Академию поступило: на первый курс 45 человек и на второй — 1. В регентскую школу: в первый класс 42 человека и во второй — 5. В иконописную школу: в первый класс — 20 и во второй — 5.

Всего на очном отделении в Академии и Семинарии обучается 589 человек, в регентской школе 123, в иконописной 77. В Секторе заочного обучения числится 797 человек.

Поздравительные телеграммы по случаю начала учебного года, адресованные студентам и профессорско-преподавательской корпорации, зачитал секретарь ученого совета, архимандрит Платон (Игумнов).

В заключение торжественного собрания Преосвященный епископ Евгений пожелал всем успехов в наступившем учебном году.

Сергей Пантелеев, II курс МДА.

1 — 2 октября в Дубне состоялась VII Международная конференция "Жизнь: происхождение и смысл", продолжающая традиционный цикл встреч под общим названием "Наука. Философия. Религия." Организатором конференции выступил объединенный Институт Ядерных Исследований (ОИЯИ). Научная сторона была представлены видными учеными и исследователями в области современной физики, биологии, генетики. Богословскую сторону представляли профессор Московской Духовной Академии А.И.Осипов, священник Кирилл Копейкин, богослов из Санкт-Петербургской Духовной Академии, некоторые священнослужители из Москвы и большая группа студентов МДАиС.

Организаторы конференции сделали всё, чтобы создать благо-

приятные условия, способствующие плодотворной и конструктивной работы.

После вступительного слова В.Л.Аксенкова, директора ЛНФ (ОИЯИ) и ведущего конференции В.Н.Первушина (ОИЯИ), был сделан доклад профессором Л.Л.Гладилиным "Происхождение жизни, как стадия общего эволюционного процесса", сопровождавшийся демонстрацией слайдов. Докладчик предложил вниманию слушателей любопытный факт точного совпадения структур и форм явлений и предметов, наблюдаемых как в органическом, так и неорганическом мире. Идея глубинной связи законов вселенной вызвала живой интерес у аудитории, тем не менее с конечными выводами докладчика, пытавшегося провести мысль о включенности феномена возникновения жизни в общий процесс эволюции, согласились очень немногие.

Наиболее острой критике доклад Л.Л.Гладилина был подвергнут со стороны известного биохимика, профессора МИФИ А.П.Акифьева. Эрудиция ученого, сила его доводов произвели сильное впечатление на аудиторию. Профессор изложил те причины, по которым теорию дарвинизма следует поставить на соответствующее ей в свете последних изысканий место и использовать только в контексте рассмотрения темы естественного отбора в рамках отдельно взятой популяции.

Е.И.Шабалин выступил с докладом, в котором изложил свою гипотезу о внеземной происхождении органической жизни. По мысли ученого, поскольку животным организмам свойственна правая асимметрия, то логично предположить, что жизнь на Земле возникла в результате прохождения через плотное облако звездной пыли, подверженное правостороннему излучению. Гипотезы о возникновении жизни на Земле естественным путем докладчик отверг на том основании, что поскольку Земля появилась 4,5

млрд. лет назад, первоэлементы 3,9 млрд. лет назад, а первые микроорганизмы 3,8 млрд. лет назад, то остающихся 100 млн. лет для появления живых организмов было бы недостаточно, в силу того, что океан был крайне разбавлен, а атмосфера разрежена. На доводы Е.И.Шабалина возразил проф. А.П.Акифьев: "пусть структура ДНК правосторонне асимметрична, но ведь аминокислоты, входящие в нее, имеют левую асимметрию!" На это замечание докладчик не смог найти ясного ответа.

После продолжительных дискуссий заседание конференции продолжила работу уже в области теологии. Священник Кирилл Копейкин (СПБДА) прочитал доклад, имевший название "Поэзия жизни", суть которого заключалась в том, чтобы показать зависимость восприятия человеком жизни от его внутреннего устройства. Свои положения ученый пастырь (бывший физик, кандидат физико-математических наук) подкреплял доводами из квантовой механики, что вызвало у некоторых возражения. Среди оппонентов оказался студент 2 класса МДС, который назвал попытку о.Кирилла поставить поведение микрочастиц в зависимость от влияния человеческого субъекта противоречащей объективным законам природы, положенным Богом.

Следующим докладчиком был проф. МДА А.И.Осипов. Без преувеличения можно сказать, что его выступление, озаглавленное "Почему не совершается таких чудес, какхождение Христом через стены, сейчас, когда это можно было бы исследовать?", стало центральным для конференции. Первоначально профессор должен был осветить тему "Истоки жизни", но вопросы слушателей побудили его изменить тему. Примечательно, что и те участники конференции, которые мало симпатизировали докладчику, после его выступления нашли возможным поздравить проф. А.И.Осипова с "блестящей апологией христианства".

Второй день конференции был начат с доклада С.Н.Коняева (Институт философии) на тему: "Наука. Философия. Религия. Проблемы коммуникации". Выступавший говорил о проблемах синергетики, системах виртуальной реальности, о понятии когерентности, Библии как гипертексте и т.д. В заключение докладчик сказал, что современная философия собирает силы после разрушительных времен атеизма и видит свою задачу в созидании новой парадигмы мышления, которая бы охватила собой все явления современного мира. На этом пути, по мысли выступавшего, тесные контакты философов, ученых и богословов являются весьма полезными.

В дальнейшем порядок конференции был изменен в направлении придания ей большей дискуссионности и динамизма. Некоторые доклады были отменены и завязавшая полемика в большей степени была религиозно-философского характера, между христианской и кришнаитской партиями. С обеих сторон было проявлено глубокое знание учения собственных религий, тактичность и внимательность к мнению оппонента.

Затем прозвучало выступление докладчика Шордакова, показывающее сколь мало может успеть наука в познании истины. В докладах ученых, выступавших после Шордакова, содержались мысли о жизненном значении и необходимости нахождения близких отношений и взаимопонимания науки и религии.

В дальнейшем был представлен доклад о Туринской плащанице, в котором плащаница была названа "нерукотворным воскресным Евангелием для ученых". Выступление ученого мужа целиком строилось на использовании научных доказательств подлинности Туринской святыни.

В заключение конференции были подведены итоги прошедших двух дней. Интересно сказал проф. А.П.Акифьев: "Меня порадовало, что интеллектуальный потенциал Церкви сохранился, а

ведь он составляет наше национальное достояние". В своем заключительном слове проф. А.И.Осипов подчеркнул, что "познание должно быть для блага, для пользы, а не для интереса и не ради самого познания".

На этом конференция завершилась и в целом оставила положительные впечатления, что Россия в будущем может иметь светлые перспективы, что при должном подходе религия, философия и наука могут служить общему благу.

*Дмитрий Предеин, II курс
МДА.*

8 октября в Троице-Сергиевой Лавре был престольный праздник — молитвенно прославлялся всероссийский чудотворец Сергей Радонежский.

На богослужение приехал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, а также Патриарх-Католикос Грузии Илия II, сопровождаемый клириками Грузинской Православной Церкви. Он возглавил всенощное бдение в

Успенском соборе, Святейший Патриарх Алексий II — в Троицком. В самый день праздника преподобного Сергия в храмах Лавры было совершено пять божественных литургий. Первосвященители Поместных Церквей вместе совершили в Успенском соборе литургию, по окончании которой на площади Лавры был отслужен молебен Преподобному, после чего председатель Русской Церкви вручил Патриарху-Католикосу памятный подарок — икону преподобного Сергия. В своем ответном благодарственном слове первоиерарх Грузинской Церкви отметил, что Игумен Радонежский

принадлежит не только Русской Церкви, но и всему Православию.

С большим интересом и нескрываемой радостью Грузинский Патриарх посетил Духовные школы, в стенах которых провел восемь лет, обучаясь в Семинарии и Академии. После осмотра Церковно-Археологического кабинета в Актовом зале состоялась встреча Его Святейшества с учащимися. Патриарх рассказал немного о себе и о духовных школах в 50-х годах, когда он был студентом. С особой теплотой Его Святейшество вспоминал о ректоре о. Константине Ружицком и инспекторе Доктусове. Затем хор студентов под руководством игумена Никифора (Кирзина) исполнил несколько духовных песнопений. Епископ Евгений подарил высокому гостю икону святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, альбом "Монастырское искусство" и компакт-диск с записью семинарского хора.

На прощание Его Святейшество Илия II сказал: "Ваше Преосвященство, дорогой Владыка Ректор, дорогие учащие и учащиеся! Се-

Патриарх-Католикос Грузинской Церкви в МДА

На праздник преподобного Сергия богослужение в храме МДА возглавил митрополит Минский и Слуцкий Филарет

годня действительно для меня счастливый день, когда я вновь в стенах Московской Духовной Академии и я вновь чувствую себя студентом. Вы стремитесь к познанию богословия и должны помнить о том, что путь к богословию — это не знания о Боге, а жизнь в Боге, и путь к богословию — это молитва. Молитвами преподобного Сергия вы должны научиться молитве. И эта молитва, искренняя и теплая, которая будет исходить из ваших юных сердец, приведет вас к боговедению. Я уезжаю от вас, согретый вашей любовью. Спасибо вам."

Но особенно трогательные минуты были после официальной встречи, когда любвеобильный святитель увиделся со многими своими студенческими друзьями.

Сергей Пантелеев, II курс МДА

В первых числах октября, как сообщает Константин Витошников, выпускник нашей Академии этого года, на богословском факультете Фессалоникийского Университета, в аспирантуре которого он ныне обучается, начались занятия.

В современной Греции существуют два высших богословских учебных заведения, это богословский факультет Афинского

и Фессалоникийского Университетов. Начало учебного года в Фессалониках не связано с какими-либо официальными мероприятиями, там просто начинаются занятия. Среди студентов есть не только юноши, но и девушки.

Как правило, на факультет не принимаются инославные студенты, исключение делается только для представителей Дохакидонских Церквей. Срок обучения на факультете — четыре года, хотя "хвосты" можно досдавать еще некоторое время. Экзаменационные оценки выставляются по десятибалльной системе, от "0" до "10", и в ведомости, порой, можно встретить даже отметку "0".

Обучение на богословском факультете ведется в двух направлениях, соответствующих отделениям: теоретического и пастырского богословия.

При факультете действует университетский храм, в котором по четвергам совершаются богослужения. Здесь студенты проходят богослужебную практику и произносят проповеди, которые потом разбираются на семинарах.

После окончания университета, его выпускники могут принять священный сан либо ждать получения места в государственных учреждениях, или же поступить

в аспирантуру, обучение в которой продолжается два года. Следующая ступень образования — докторантура, т.е. написание докторской диссертации успешной, защиты которой мы и желаем питомцу нашей богословской Школы Константину Витошникову.

9 октября вторая по значению Духовная школа нашей страны отметила сразу два своих юбилея: это 275-летие со дня основания и 50-летие со дня возрождения.

Отправной точкой в истории духовного образования в Санкт-Петербурге считается 1721 год — год учреждения Славянской школы при Александро-Невской Лавре. Через четыре года, в 1725 году, она переименовывается в Славяно-Греко-Латинскую Семинарию. Особое положение в стольном городе позволило уже в ближайшие десятилетия возвести в 1786 г. Славяно-Греко-Латинскую Семинарию в ранг Главной Семинарии, в которой подготавливались преподавательские кадры для других семинарий Российской державы.

В связи с указом Святейшего Правительственного Синода "Об учреждении Академий Русской Православной Церкви", в 1797 году Главная семинария Санкт-Петербурга была преобразована в Александро-Невскую академию. Но официальное свое наименование — Санкт-Петербургская Духовная Академия (далее СПбДА), получила она только 17 февраля 1809 г.

Нельзя не упомянуть славные страницы истории нашей Духовной школы во время ректорства архимандрита Филарета (Дроздова), позднее митрополита Московского, причисленного к лику святых в 1994 году.

Имена членов преподавательской корпорации, почетных профессоров, докторов богословия, вызывают священный трепет у человека, который хоть раз соприкасался с богословским наследием нашей Церкви. Это и выдающийся догматист митрополит Киевский Макарий (Булгаков), митрополит Антоний (Вадковский),

прот. И.Е. Троицкий, профессора-эзегеты А.П. Лопухин, Н.Н. Глубоковский, профессора-историки В.В. Болотов, И.Е. Евсеев, А.И. Бриллиантов, выдающийся патролог Н.И.Сагарда и многие другие.

Многие выпускники Петербургской Академии стали впоследствии выдающимися пастырями и иерархами нашей Церкви. Достаточно назвать имена святого праведного Иоанна Кронштадтского, святых патриархов Тихона (Белавина) и Сергия (Страгородского), святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского и многих других.

Годы лихолетья со своими горестями и невзгодами не обошли стороной и СПбДА. В первое же десятилетие после Октябрьского переворота Академия была закрыта, ее здание национализировано. Сильно пострадала библиотека, в фонде которой хранились бесценные рукописные материалы. Большая часть книг не возвращена и поныне. Но после Победы в Великой Отечественной войне правительство разрешило восстановить уже Ленинградскую Духовную Академию. Это произошло в 1946 г., и возглавил Академию в должности ректора епископ Таллинский и Эстонский Исидор (Богоявленский). Многие преподаватели, получившие свое образование в дореволюционной Духовной школе, заняли профессорские кафедры, что явилось связующим звеном преемственности традиций СПбДА и ЛДА. В дальнейшем большую роль в развитии Ленинградских духовных школ сыграли митрополиты Григорий (Чуков), Пимен (Извеков) и Никодим (Ротов). В 1991 году, с возвращением Ленинграду прежнего названия, Духовная школа получила свое первоначальное название — Санкт-Петербургская Духовная Академия и Семинария.

В день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, когда отмечается и престольный праздник академического храма, состоялся годовой акт, посвященный упомянутым юбилеям.

К Божественной литургии в самый день праздника прибыли почетные гости. Находясь с официальным визитом в нашей стра-

не, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Илия П выразил желание присутствовать на празднике в СПбДА. Он возглавил Божественную литургию, во время которой ему сослужили митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир, архиепископ Михаил (Мудьюгин), архиепископ Костромской и Галичский Александр, ректор СПбДАиС епископ Тихвинский Константин, епископ Дмитровский Иннокентий, епископ Архангельский и Холмогорский Тихон. Грузинского Патриарха сопровождали митрополит Кутаисский и Гаянатский Каплистрат, архиепископ Сухумский и Абхазский Даниил и епископ Гуржаанский и Сарагенжийский Авраам, которые вместе с профессорами, преподавателями, студентами в священном сане и выпускниками Духовной школы, прибывшими на праздник, приняли участие в служении литургии. По окончании Высокопреосвященнейший Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский обратился с речью к Патриарху Илию.

Торжественное собрание, которое состоялось по окончании праздничного обеда, началось приветственным словом к гостям и присутствующим ректора СПбДАиС епископа Тихвинского Константина. Святейший Патриарх Илия в своем выступлении, в частности, отметил, что "богословие — это путь к Богу, постигаемый не только разумом и знанием, но в большей степени молитвою". Он призвал учащихся и учащихся не терять этого пути к Свету. Годовой отчет о состоянии дел в СПбДА в минувшей учебной декаде зачитал инспектор доц. прот. Г. Тельпис, после чего состоялось награждение студентов и воспитанников, показавших отличные знания и примерное поведение, ценными подарками. Преподаватель Семинарии иером. Николай (Парамонов) произнес актовую речь на тему: "О задачах православного миссионерства в современной России".

С добрыми пожеланиями в адрес СПбДАиС, отмечающих свой

юбилей, обратились гости, представители других духовных школ, прибывшие на празднование. От лица Тбилисской Духовной Академии и Семинарии епископ Авраам, от лица Московской Духовной Академии и ее ректора епископа Верейского Евгения — доц, прот. В.Цыпин. Выступили также прот. В. Савин — ректор Смоленской Духовной Семинарии, игумен Геннадий (Гоголев) — ректор Костромской Духовной Семинарии, прот. В. Асмус — декан Московского Свято-Тихоновского Богословского Института, прот. Г. Лапушко — преподаватель Минской Духовной Семинарии; свящ. А. Смачок — преподаватель Тобольской Духовной Семинарии, свящ. Б.Устименко — преп. Ставропольской Духовной Семинарии. На торжественном собрании присутствовали также представители ряда вузов Санкт-Петербурга: академик Г. Рыжановский, ректор Санкт-Петербургской Академии гражданской Авиации; П.А. Сафронов, ректор Санкт-Петербургского Института Богословия и Философии.

Секретарем учебного Совета священником С.Рассказовским были зачитаны поздравительные телеграммы, поступившие в адрес Академии от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, ректоров Духовных школ страны, правящих архиереев и многих выпускников. В конце, по традиции, состоялся концерт духовной музыки, на котором студенты, воспитанники Семинарии и Регентского отделения, исполнили произведения церковных композиторов.

Праздник явился значительным событием в жизни Петербургских духовных школ, которое показало необходимость взаимного общения представителей православной науки и полезности совместного обсуждения многих назревших вопросов. Хотелось бы надеяться, что такие встречи будут проводиться не только между преподавателями духовных школ, но и на студенческом уровне.

Андрей Смирнов, II курс
СПбДА

О СОВРЕМЕННОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Вашему вниманию предлагаются ответы преподавателей Литургики на вопросы, которые, по нашему мнению, были бы интересны всем учащимся духовных школ и на которые, быть может, многие уже пытались дать ответ себе или своим друзьям. Надеемся, что эти ответы помогут многим более ясно определить свое мнение, ибо наша позиция всегда должна учитывать мнения других людей, тем более если это мнение наших учителей.

Илья Шугаев, II курсМДА, Георгий Рошин, 4 класс МДС.

Вопрос 1: Сейчас во многих приходах участие людей в церковной жизни почти полностью сводится к присутствию на богослужении. Не ущерб ли это для полноты церковной приходской жизни? Каково место богослужения в этой жизни?

Архимандрит Матфей (Мормыль). Насколько мне помнится фраза М.Н. Скабаллановича, он говорил, что вся жизнь человека — это служение Богу, а церковная молитва — это завершение этого служения. В храме мы имеем и фундамент, и стены, и своды, и купол, и маковку. Так что, собственно, литургическая жизнь каждого христианина не ограничивается только присутствием за богослужением, когда человек просто побыл несколько часов в церкви в общении с Богом и ушел. Присутствие за богослужением может быть и духовное, а не только телесно-физическое. Ведь почему существует у нас звон, который подает как бы сигнал отсутствующим за богослужением о том, какое совершается священнодействие в храме. Так что, когда мы молимся, мы не должны думать, что только мы присутствуем в храме. Мы не вправе так даже мыслить, отделяя себя стенами храма. Что жизни и благодатного единства с общиной нет у тех, кто не может присутствовать за богослужением, мы не можем говорить. Так что говорить по поводу ущерба или неполноты церковно-приходской жизни — это слишком смелые мысли, я бы так не сказал.

Одинаковую ли роль играет богослужение в жизни мирянина и монаха?

Скорее всего, в монастыре существуют лучшие возможности приобщиться к богослужению. Ведь вы сами знаете по Лавре, особенно в последние годы, что наша братия не вся может присутствовать за богослужением. И если вы помните из истории Студийского устава, что не все из монахов могли присутствовать за богослужением. В какой-то момент богослужения присутствовали все, а какую-то часть богослужения отправляли только те, кто поставлены совершать его, а остальные уходили на послушания. Все зависело еще и от обстоятельств, даже от времени года. В монастыре просто ярче выражена церковная общинная жизнь. Но вообще я сказал бы, что мы не вправе расчленять наше богослужение и отделять монашеское, потому что монахи — это те же миряне. Конечно, по мысли святителя Игнатия (Брянчанинова), монахи — это авангард христианства, но это миряне. У них больше опыта молитвенного и больше всего у монахов келейного молитвенного опыта. Так что приходит в церковь монах или мирянин, общественная молитва для всех одинакова, но помимо общественной молитвы, у монаха есть еще и келейное правило, когда он должен увеличить часы молитвенные. У мирянина эта возможность из-за суеты семейной ограничивается, и, конечно, все зависит еще от благослове-

ния духовника. Так что сказать, как некоторые студенты думают, что монастырское богослужение — это нечто чужеродное или какое-то "сверх"-богослужение и слишком отделяют его, было бы несправедливо. Неслучайно монастырское богослужение завоевало авторитет и встало на первое место. Ведь до XVII столетия у нас, например, был живым устав Великой церкви, пока были возможности в Успенском соборе Кремля отправлять богослужение со многими деталями этого устава, как мы это видим в чиновниках, описанных профессором А.П. Голубцовым. А потом с перенесением столицы в Петербург все это отпало, и можно сказать, что патриаршее богослужение, или устав Великой церкви, потеряли свою актуальность. Поэтому у нас преимущество осталось за монастырским чином.

Протоиерей Сергей Правдолюбов. Думаю, что вопрос поставлен не совсем корректно. Именно сейчас во многих храмах участие в жизни прихода проявляется во многих различных делах: физический труд по восстановлению храма, участие в организации обучения детей в Воскресной школе, уход за престарелыми и одинокими, обмен одежды и обуви среди прихожан (особенно быстро вырастающих детей), шефство над домами престарелых и домами ребенка, издание приходских листов, и многие другие дела. Но все же богослужение является самым главным и необходимым для прихожанина в его жизни делом. Без этого приход рискует превратиться в общество любителей какого-нибудь доброго дела или благотворительную гуманитарную организацию. Обязанностью настоятеля является соблюсти тончайшее соотношение должных пропорций в служении ближним и служении Богу в Храме.

Священник Вячеслав Тулунов. Присутствие за богослужением не может быть ущербом для приходской жизни. Ущербом является то, что кроме богослужения нет почти никаких других форм жизни православного прихода. Богослужение, особенно Евхаристия, всегда было и должно оставаться центром духовной жизни христианской общины. Основная задача современной церковной жизни — воссоздать внебогослужебные формы приходской деятельности.

Это проблема достаточно широкая. Здесь сказывается отсутствие миссионерского опыта, так как в годы советской власти миссионерская деятельность Церкви вне храма жестко пресекалась. Сложилась определенная стереотипы в сознании духовенства и мирян, в которых отсутствует миссионерская направленность. Сейчас

Вопрос 2: Сейчас к таинствам и обрядам Церкви все чаще обращаются люди нецерковные (венчание, подача записок на Литургию, отпевание и т.д.). Как относиться к этому?

О. Матфей. Что значит "нецерковный"? Мы должны взвесить значение этого слова. Нецерковными мы можем назвать и людей, которые только крестились, но не чужды Церкви, или тех, кто христианами именуется, но в церковь по тем или иным причинам не ходят, или тех, кто духом Церкви не живет, хотя и ходит в храм. Слово одно, а понимать его можно различно. Если люди нецерковные сами обращаются с личной просьбой — это одно дело; когда они просят за других, — заказывают отпевание, например, или подают записки, в которых упоминают своих родственников, которые были церковными, — то сам по себе вопрос отпадает.

А что касается малоцерковных, то трудно отделить, где плевелы, а где пшеница. Ведь человек бывает нецерковным и в силу своего личного нерасположения к Церкви, или, наоборот, быть может, он вырос в атеистической среде. Но если желание у него есть, о чем говорит уже само обращение, то это обязывает нас к внимательному отношению к этому человеку. Например, на венчании бывает так, что приходит человек нецерковный, но крещеный. И во время беседы, внушения человек и становится на истинный путь и постепенно воцерковляется.

На венчании бывает и так, что на нем настаивают родители, а дети хотя и крещеные, но нецерковные.

люди воцерковляются фактически в основном через богослужение. Такой метод миссии, конечно, недостаточен. Надо пробудить желание у членов Церкви идти навстречу приходским в храм и вести активную миссионерскую работу вне богослужения.

В настоящее время редко можно увидеть сплоченную вокруг храма христианскую общину, а ведь в идеале каждый христианин должен кроме участия в богослужении деятельно проявлять себя в общинной жизни. Отсутствие таковой, конечно, является ущербом церковной жизни.

Иеромонах Тихон (Зайцев). Печально констатировать, но это — факт: участие людей в жизни прихода ныне сводится лишь к присутствию на богослужении. Да, да, именно к присутствию. В чем же причина? В том, что богослужение стало пониматься не только прихожанами, но и священнослужителями как цель, а не как средство общения с Богом. Пришел, купил свечку, подал записку, постоял и ушел самодовольным, но в душе, обманутой этим самодовольством, опустошенным. Совсем забыли мы, что на сердце зрит Бог, именно там начинается богослужение, там центр духовной жизни. Это величайший ущерб, и, прежде всего, своей собственной душе.

Алексей Мстиславович Пенгковский. Присутствие на богослужении не может исчерпать полноты приходской жизни, существуют и другие ее формы. Однако участие в богослужении (а не присутствие на нем) должно занимать центральное место в жизни прихожанина (члена общины), поскольку именно богослужение, по словам о. Александра Шмемана, созидает и выражает Церковь как единство Тела, Глава которого Христос.

Здесь, конечно, мы не должны профанировать само таинство. А с другой стороны, должны проводить работу и с новобрачными, и с самими родителями, выяснить, почему родители допустили, что их дети не ходят в храм, а потом они их заставляют венчаться и думают, что если они повенчаются, то счастье брака уже обеспечено, и сразу создается семья. Не нужно в данном случае искушать Господа. Так что внушение нужно делать и тем, кто венчается, если они нецерковные, и тем, кто их приводит.

А "церковный" вовсе не значит просто часто ходить в храм. А то можно говорить: "Я, мол, церковный человек, мы дома всегда на Пасху красим яйца и печем куличи", — в этом заключается вся его церковность. Конечно, по преподобному Серафиму, это черные головешки. Но молитва Церкви должна быть усугублена о таких людях. Ни в коем случае нельзя никого отвергать, тем более если они крещеные, и тем более если они сами обращаются. Господь говорит: "Грядущего ко Мне не изжует вон". Нельзя, конечно, сразу и отеческие объятия распространять человеку и открывать ему все, надо человека приготовить.

Если говорить о подаче записок, то надо сказать, что в Лавре нам сложно проконтролировать, чтобы в записках были только имена крещеных людей, потому что

здесь тысячи людей, и записки просто кладутся на блюдо свечного ящика. Единственно подозрение возникает, когда мы сами видим в записках неправославные имена. Но может быть так, что и мы просто не знаем эти имена. Например, владыка Антоний (Завгородний) в горных республиках Ставропольской и Бакинской епархии давал разрешение священникам поминать имена сугубо национальные, но только крещеных, хотя они, может, и не носят имена христианские.

О. Сергей. Как всегда. Проповедовать и воцерковлять, учить детей и взрослых. Терпеливо и настойчиво, методично говорить и говорить, писать, печатать, разъяснять, то есть делать то, что и входит в прямые обязанности священника. Наше время в этом плане приближается к раннехристианскому. Патриархальная Русь уже полностью в прошлом. Не отчаиваться, но трудиться в проповеди слова Божия, в обучении людей христианскому образу жизни и мысли. Но нельзя преподавать Святые Таинства всем подряд в огульном всепрощении и, в итоге, равнодушии к Богу. До ревности любит Дух, живущий в нас! (Иак. 4,5). «Не бо врагом Твоим тайну повем» (Молитва перед Святым Причащением).

О. Вячеслав. Как к этому можно относиться? Конечно, только отрицательно. Есть четкие церковные правила насчет возможности участия нецерковных людей в православном богослужении и таинствах. Однако они почти повсеместно игнорируются по различным причинам.

Почему стало возможным, что крестятся почти неверующие люди? Одна из главных причин заключается в том, что нет христианской общины, то есть Церкви в данном конкретном месте. А поскольку нет четкой границы вселенской Церкви, то человек сам определяет, является ли он членом Церкви или не является. А по канонам не человек должен определять это, а Церковь в лице иерархии и всей церковной полноты. Если бы существовала община церковная, то она и определяла бы, член ли этой Церкви данный человек или нет. Это и есть критерий: если входит человек в эту общину, живет ее жизнью, если не переступил он заповеди Господни, то он может участвовать во всех таинствах и чинопоследованиях. Если же он за пределами общины, а значит и Церкви, то не может участвовать. Церковь для нас является любящей матерью, но должен быть предел вседозволенности. Пусть такой человек присутствует на Литургии до "Оглашенные, изыдите", а всенощную, конечно, он может и всю постоять. Сейчас же распространен примерно такой путь приобщения к Церкви. "Веруешь? — Вроде да. — Иди в храм, исповедуйся и причастись". Многие с легкостью, не задумываясь, подталкивают нецерковных

людей к Святым Таинствам. С человеком надо еще много и много поработать, чтобы он пришел ко Христу. А вместо этого: "Иди и причастись". Таинства — для верных, и не надо привлекать неверных к таинствам. Необходимо воссоздавать те чинопоследования, которые подготавливали человека к таинствам. Церковь никогда приходящего не отвергала, но серьезно готовила его к духовной жизни. Например подготовка ко Крещению длилась месяцы, а иногда и годы. Столько же продолжалось покаяние тех, кто согрешил, но желал воссоединиться с Церковью через таинство Святой Евхаристии. Сейчас накопилось множество проблем в литургической жизни православного прихода. Что же делать? Наверное, необходимо возвратиться на круги своя, то есть возродить христианскую общину, возродить понятия "верный" и "оглашенный". И здесь не будет никакой дискриминации. Наоборот, это должно делаться по любви, ибо участие в таинствах людей неподготовленных принесет им только вред.

О. Тихон. Уже одно то, что люди сейчас приходят в Церковь, стремятся найти именно здесь то, что не находят в жизни, радует. Другое дело, как мы, христиане относимся к пришедшим, чем руководствуемся в обращении с ними, что от них хотим. Если хотим, чтобы они вошли в ограду Церкви, необходимы с нашей стороны внимание, наставление, соучастие, необходима жертвенная любовь к ним ради Христа.

А.М. Пентковский. Желательно понять причину обращения людей нецерковных к таинствам Церкви, и тогда не вызовет значительных трудностей определение отношения к этому обращению. Сведение же таинств Церкви к народным традициям недопустимо, а рассматривать участие людей нецерковных в церковных таинствах как форму катехизации едва ли возможно даже при полном запрещении катехизации.

Вопрос 3: Сейчас мы видим значительные изменения в суточном круге богослужения (утреня совершается вечером, Великим постом вечерня совершается утром, всенощное бдение не совершается ночью). Возможно ли возвращение служб на их первоначальное место? Когда и почему произошли изменения?

О. Матфей. У нас были "идеальные всенощные" на рубеже XIX и XX веков и перед революцией. Известный М.Н. Скабалланович описывал этот опыт, и это было очень интересно, это было выражением своего рода ренессанса, духовного подъема у нас в Русской Церкви. Этот опыт имел очень благие последствия, потому что, когда пошла волна обновленчества с модернизацией многих традиций, быть может, и этот опыт оказал свое действие, и наша Церковь тогда устояла в великих искушениях.

Скорее всего, у нас нет таких значительных изменений в суточном круге богослужения, здесь скорее всего анахронизм, то есть смещение служб относительно друг друга. Например, в Лавре полунощницу утром служат, а утреня совершается вечером, то есть до полунощницы. Это, конечно, нельзя считать правильным. Но на это было благословение святейшего Патриарха Алексия I, потому что такое положение было вынужденным. Тогда лаврская служба только возрождалась. И в 1946 году, когда возвратились сюда монахи, все было в ведении музея. Поэтому нельзя было собирать на полунощницу людей в полночь, когда храм принадлежал музею. Поэтому стали служить вечером вечерню и утреню, а утром братский молебен, утренние молитвы и полунощницу. Вначале это был вынужденный порядок, но когда Лавра начала обживать, то такое богослужение постепенно стало уже как бы правилом и приобрело законность и стало своего рода эталоном. Мы же видим, что это неправильно, хотя и не оставляем "правила". Правда, в Великий пост мы совершаем все своевременно, и нет никаких перестановок служб по отношению друг к другу.

А по поводу того, что утреня совершается вечером, то просто заявляю, что наш монастырь находится не в пустыни, где мы могли бы заниматься только самими собой и совершать богослужение в надлежащем порядке, но Лавра находится как бы на положении прихода и направлена на возможности людей, поэтому и происходит все именно так. Например, поздняя Литургия у нас совершается скорее для людей приезжающих. Если она будет совершаться раньше — в 9 часов, — то уже будут неудовольствия, почему рано начинают службу, ибо многие едут из Москвы, чтобы поисповедоваться и причаститься. Поэтому поздняя Литургия остается в 10 часов. Раннюю Литургию служат для местных, среднюю — у преподобного Сергия.

Вот в Подмосковье я знаю несколько таких приходов, где приноравливают все к расписанию транспорта. Один из иеромонахов, который служит в Подмосковье, говорил: "Я расписание своих служб так и распределил: начинаю утреню в такой-то час, зная, когда приходит к храму крайне редкий автобус. Значит, они приезжают к шестопсалмию, а я всю проскомидию и вводную часть

утрени до шестопсалмия совершаю без них. Они слушают шестопсалмие. Во время утрени и часов я исповедую. Стараюсь отправить утреню с Литургией без перерыва, поэтому сразу после утрени читают часы. Я внимательно слежу, чтобы не пропустить подход автобуса и люди могли помолившись и причастившись спокойно уехать". Видите, этот батюшка просто сообразуется с обстоятельствами.

Само всенощное бдение должно быть продолжительным. Возьмите устав лавры Саввы Освященного и Студийский устав. В первом случае, пустынноики приходят в Лавру на субботу и воскресенье, у них, может быть, даже нет места, где остановиться, и единственным пристанищем для них является храм. Они приходят на вечернее богослужение, и здесь есть все: можно посидеть во время богослужения, им после чина благословения дают возможность подкрепиться хлебом и вином. Здесь они всю ночь молятся и утром причащаются. А после причащения монахи могут вернуться снова к себе в кельи. Поэтому непрерывное моление возникло из-за того, что палестинские монахи-пустынноики останавливались при монастырях. У студитов все иначе. Они жили в монастыре городского типа и за стену монастыря не выходили. Они служили вечерню, затем расходились, ужинали, сразу же совершалось повечерие, молитвенное правило и краткий отдых. Затем воскресная полунощница, и опять все шли на утреню и так далее. Поэтому всенощная учитывает и время, имеющееся у монахов, и суточный круг не нарушает, чтобы не было анахронизмов. И мы согласно евангельскому принципу "суббота для человека, а не человек для субботы" должны сообразовывать время богослужения, ибо хотя это и служение Богу, но — служение людей.

Конечно, я не поддерживаю той практики, когда утреня служит вечером, а полунощница утром. Но эта практика вынуждена, и она требует пересмотра. Я вносил предложение на совете старцев по поводу повечерия, ибо оно как таковое выпало из суточного круга Лавры, но пока отклика на это предложение нет.

У некоторых братий монастыря есть желание совершать богослужение более полно. Выражаю благодарность отцу наместнику, ибо он поддерживает эту инициативу. И действительно, можно там, где есть скиты или один из приписных к Лавре храмов, идеально выполнять Устав. Или можно в самой Лавре выделить какой-то один храм и совершать там богослужение так, как это положено по Уставу. Пусть группа наиболее подготовленной братии совершает его. А для всего монастыря это трудно. Даже в Киево-Печерской Лавре до революции при всей возможности и многочисленности братии все равно были разные уставы.

Почему произошли изменения? Здесь может быть много разных причин. Но изменения эти появились еще до революции.

Лаврский устав сейчас тоже становится эталоном. Ведь были же попытки новооткрывающихся монастырей возродить свой местный устав. Но даже в той же Оптине пришли к нашему лаврскому уставу, потому что увидели, насколько это сложно. И, как я слышал, на Валааме среди старцев и братии тоже существует неудовлетворенность существующим у них положением из-за того, что, с одной стороны, хочется вернуться ко старому идеальному уставу, но, с другой стороны, сейчас мало братии, и не хватает сил, чтобы все это исполнить. Поэтому братия выбивается из сил. Не случайно Студийский устав чередует молитву и отдых: вечерня, ужин, повечерие. И по Иерусалимскому уставу всенощная совершается не более 70 раз в году, потому что это большой труд и не всякий может его выдержать. Об этом посмотрите в трудах владыки Афанасия (Сахарова).

О. Сергей. Изменения произошли так давно, что приобрели «освящение древностью». Изменения произошли из-за соображений благочестия и благоговения, связанных с осознанием несовместимости вечернего причащения Святых Христовых Тайн с должным временем предшествующего поста. Не вижу никаких причин возвращения на прежнее место данных служб. Задача нашего времени состоит в том, чтобы удержать сохраняемые традиции, устное предание и живую и действенную связь с нашими святыми людьми земли Русской. Сломать так легко! Построенное вновь будет оторванным от отеческого преемства. В людях, желающих перемен, говорит гордость и самомнение, вера в «прогресс». Но ведь даже в технике далеко не во всех областях нашей жизни появляется лучшее. В нашем храме, например, сохранилась уникальная кирпичная печь для воздушного отопления храма. Сгоряча мы хотели восстановить систему отопления XIX века. Архитектор остановил нас, сказав, что у нас не хватает технических знаний и опыта восстановления такой тонкой технологии, — восстановить сейчас это почти невозможно. Может быть потомки смогут, а мы уже нет. Не так ли во многом и с нашим богослужением?!

О. Вячеслав. Возродить все это можно, но там, где все это зародилось, — в монастырях. На приходе, прак-

тически, невозможно сделать, чтобы 9-й час был в третьем часу дня, а первый час в семь часов утра. Вообще я считаю, что могут существовать приходы с различными уставными традициями. Если кто хочет служить, в точности соблюдая Устав, то почему бы нет? Если кто хочет служить всенощную всю ночь, то пусть служит. Но при этом надо дать выбор и другим. Сейчас многие люди работают с раннего утра до позднего вечера, смогут ли они в точности выполнить Устав, созданный в монастырях?

А в монастырях возврат к точному исполнению Устава возможен, если монастыри будут усиленно заниматься не финансово-экономической деятельностью, а молитвой. Если некоторые монастыри возьмут за основу скитский устав, то есть у всех насельников будет маленькое рукоделие, а остальное будет посвящено службе, то Устав можно соблюсти идеально. Это дало бы выбор и монахам. Конечно, от всех монастырей этого потребовать нельзя, многие из них обслуживают паломников со всей России и не могут не заниматься хозяйственной деятельностью.

О. Тихон. Устав, которым руководствуется Православная Церковь при отправлении богослужения составлен применительно к условиям жизни монашеской, монастырской. строгое соблюдение его может нарушить внешний порядок жизни людей, живущих вне монастыря. Возьмем, например, великий праздник. Накануне в 21-22 часа всенощное бдение, заканчивающееся с восходом солнца. В 8 часов человек должен быть на работе. Каков результат?

А когда и почему произошли изменения сказать не могу.

А.М. Пентковский. Желательно, конечно, видеть утреню утром, а вечерню — вечером, но такое серьезное изменение в литургической традиции возможно только после соборного обсуждения и решения. А для ответа на вопрос о времени и причинах изменений в литургической традиции следует обратиться к истории богослужения во II тысячелетии, особое внимание уделив усилившемуся в XIII-XV вв. влиянию монашества.

Вопрос 4: Сейчас приходские храмы пользуются монастырским Уставом богослужения, конечно же, с сокращениями, которые каждый храм определяет по-своему. Возможно ли появление особого приходского Устава богослужения с равной и обязательной для всех мерой в службе?

О. Матфей. Я не допускаю, чтобы наши приходские уставы смогли стать на собственную основу. Поскольку красоту монастырского типа богослужений все знают, то кардинально что-то изменить вряд ли возможно. Особый приходской устав, наверное, ничем не будет отличаться от монастырского, и речь будет идти только о количестве песнопений и молитвословий.

В 1955 году при Патриархе Алексии I и заместителе архимандрите Пимене (Извекове), будущем патриархе,

был открыт академический храм. Поскольку до этого в Лавре было три литургии, среднюю при содействии заместителя перенесли в Академию, чтобы люди шли туда молиться. Он был сторонником того, чтобы этот храм был любимым у богомольцев. И Патриарх Алексий, и будущий Патриарх Пимен старались, чтобы этот храм сделать образцом того богослужения, которое будут совершать у себя на приходе будущие священники. Поэтому нормой и эталоном для всех приходов мо-

жет служить именно практика Академического храма. Это реально действующий приходской устав. И, быть может, не стоит говорить о новом уставе. Один из членов Синода, говоря о работе Синодальной богослужебной комиссии, предложил упорядочить богослужение, и его просьба уместна и животрепещущая, но судя по тому, как в Академии совершается богослужение, оно многих удовлетворяет. Это не длинное монастырское богослужение, но тип — монастырский.

А если нам говорить о чинах и последованиях приходского устава, значит нам надо вернуться к типичным домонашеским и, быть может, к обычаю распевания псалтири и канона, какой был у нас до середины XVII века, что, видимо, уже невозможно. Это будет шокировать наших верующих, привыкших к современному типу богослужения. Тем более, эти уставы намолены веками. Ведь, наша Лавра имеет святых XIX века: митрополита Филарета, митрополита Иннокентия, готовится канонизация архимандрита Антония. Что изменилось с того времени? Те же старые лаврские книги, даже ноты, благословленные святителем Филаретом, по которым мы служим и поем. Структурных изменений в них нет. Конечно, качество молитвы изменилось, и нам надо совершенствоваться.

Традиция сильна живостью, и она создана с любовью ко Христу и богослужению, это уже частица Тела Церкви. Это плод благочестия.

О. Сергей. Надо узнать и полюбить нынешнее богослужение, и тогда вы увидите, что практически выработанная схема богослужения уже существует, одинаковая и для Санкт-Петербурга, и для Москвы, и для Рязани и для Тамбова. И вовсе не «каждый храм по-своему» сокращает, это говорят от незнания. Можно выработать «типовой современный приходской устав богослужения», как в Греции, но это не столь важно. Пусть этим занимается Синодальная богослужебная комиссия. Мы должны сохранить то, что выработано нашими предшественниками. Этого вполне достаточно для спасения.

О. Вячеслав. Фактически, приходской устав уже создан. Вопрос в том, нужно ли его узаконивать. Разница в том, на сколько тропарей читать канон: на 3, 4, или на 5 — это уже маленькая разница. Легализация возможна, но она, скорее всего, не произойдет по одной простой причине. Древний монашеский устав служит нам все-таки примером того, как молились наши отцы, как они жили. Мы все это не соблюдаем и это приводит нас к чувству смирения и собственного недостойнства. Сокращая, мы переживаем, что мы не такие, как они. Если же узаконить сокращения, которые постепенно утвердились на приходах, то откроется путь к еще большему сокращению. Мы сократили устав и считаем, что дальше некуда. Но если сейчас два часа службы уже считается много, то через 20 лет скажут, что два часа — это просто немыслимо, и надо дойти до одного часа. И тогда процесс может пойти дальше. А монастырский устав для нас является своеобразным якорем, и если мы сейчас этот якорь поднимем, то нас снесет, и мы будем вынуждены зацепиться уже где-нибудь на мели.

О. Тихон. Приведение приходского богослужения к однообразию просто необходимо. Но о возможности появления богослужебного устава применительно к жизни прихода можно говорить только после созыва церковно-практической комиссии, которая могла бы решить этот вопрос и поставить его на утверждение Поместного Собора.

А.М. Пентковский. Этот вопрос непосредственно связан с предыдущим. Действительно, исторически сложилось так, что приходской устав был заменен уставом монастырским, невозможность точного исполнения предписаний которого очевидна. К сожалению, не существует указаний, позволяющих соотнести устав, появление которого связано с Лаврой преподобного Саввы Освященного, с реальностями сегодняшнего дня, и во многих храмах постепенно формируется собственная практика сокращений. Необходимость особого «приходского устава» или, более точно, определения норм использования действующего богослужебного устава не вызывает сомнений. Но говорить сейчас о «приходском» уставе представляется преждевременным, ибо его появлению должно предшествовать не только обсуждение на Соборе, но и серьезная подготовительная работа по изучению литургического предания.

Возвращение к Богу от земли на Небо

Во втором номере нашего журнала уже была помещена статья об афонском старце Паисии. В этом номере мы хотим предложить нашему читателю перевод духовных глав Старца, написанных им в 1980 году и опубликованных в его книге "Святогорские отцы и их жизнеописания" („Αγιορειται Πατέρες και άγιορειτικά”).

Отец Паисий, в миру Арсений Эзнепидис, родился в городке Фараса в Малой Азии 25 июля 1924 года. Его крестил иеромонах Арсений (Хатзиефендис) и дал ему в крещение свое имя. Впоследствии Элладская Церковь прославила иеромонаха Арсения Каппадокийского в лике преподобных, а о.Паисий написал объемное житие святого. Вскоре семья Арсения переехала в греческий город Коница. С 1945 по 1949 год он служит в армии. Сразу после окончания военной службы он уходит на Афон, где в монастыре Есфигмен в 1954 году принимает постриг в рясофор с именем Аверкий. Через два года его постригают в мантию в монастыре Филофей и нарекают Паисием. В 1958 году он уезжает в родной город Коницу, где проводит 4 года в монастыре Рождества Божией Матери. Затем следуют два года подвижнической жизни на Синае в келии Галактиона и Епистимии. В 1964 году он снова на Афоне, где поселяется в в иверской келии Святых Архангелов, откуда его в 1966 году увозят в Салоники с тяжелой формой бронхиального воспаления легких и в больнице Папаниколау ему удаляют значительную часть легких. В этой больнице о.Паисий познакомился с монахинями из монастыря св. Иоанна Богослова в Суроти, которые пожертвовали много своей крови, чтобы поправить здоровье Старца, судьбу которого Господь с тех пор связал навеки духовными узами с этой обителью. С 1967 года о.Паисий опять на Афоне в скиту Катунаки, затем в монастыре Ставроникита, жительство в котором сыграло немаловажную роль в жизнь Старца. Дело в том, что недалеко от монастыря на келии Честного Креста жил известный русский духовник иеромонах Тихон. Отец Паисий очень любил ходить к нему на келию, петь на клиросе и помогать по хозяйству. Во время литургии о.Паисий часто видел, как о.Тихон останавливал священнодействие, потому что приходил в восхищение от духовного созерцания славословящих Бога херувимови серафимов. Отец Тихон постриг о.Паисия в Великий Ангельский Образ и предложил ему остаться на этой келии, что о.Паисий и сделал, прожив там 11 лет после смерти своего старца. В 1979 году он переходит на кутлумушскую келию Панагуда, которая стала известна тысячам паломников, посещавших о.Паисия. Здесь старец прожил 14 лет и в ноябре 1993 года, уже будучи тяжело больным, уехал на лечение в женский монастырь Св. Иоанна Богослова. Там 12 июля 1994 года он предал свою праведную душу в руке Господа. Здесь и похоронили Старца согласно его желанию, которое он выразил в стихотворной форме. Текст этого стихотворения выбили на его надгробной плите, которую он заповедал не поднимать до самого Второго и Славного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Вот это стихотворение:

*Здесь жизни кончен путь земной,
Здесь плоть мая и пленье,
Здесь вздох последний префван мной,
В душе же свет и пенье:
Живет мой ангел, мой святой
Мне в гесть и утешенье.
К душе, смиренной нищетою,
В нем скорбь от сожаленья.
Чтоб быть мне с Девой Всесвятой
Он принесет Христу моленье.*

Монах Паисий Святогорец

Нижеследующее творение Старца "Возращение к Богу от земли на небо" представляет собой собрание небольших, но четких и метких по своему содержанию высказываний, которые объединены в отдельные главы. В оригинале нет разделения по темам, но мы сделали это для того, чтобы читатель мог удобнее найти нужное высказывание.

Благой Бог сотворил ангелов, но некоторые ангелы от гордости стали демонами. Потом создал Бог человека, чтобы восполнить разоренную ангельскую дружину, и оставил демонов свободными на некоторое время, чтобы они помогали нам своею злобою проходить испытания на земле и достигать вечной небесной жизни. До тех пор, пока живет человек на земле, он имеет право проходить через духовные испытания, и нет такого человека, кто прожил бы без них. Итак, будем подвизаться, чтобы построить духовное основание и войти в рай. Аминь.

О духовной брани

Кто подвизается духовно, тот воюет против врага дьявола, вследствие чего и дьявол воюет против него. Человек, который победит мысленного врага, будет увенчан Христом.

Иисус сладок, и для того, кто в горечи своего страдания обопрется на Христа, горькое превращается в сладкий сироп.

Чтобы очистились ум и сердце, человек должен не принимать лукавые помыслы и сам не думать лукаво, но трудиться просто и смиренно, и подвизаться усердно.

Не восхищайтесь теми, которые приближаются к Луне, — но теми, которые убегают мирского сознания, приближаются к Богу и ликуют.

Человек, удаляющий себя от Бога, не находит душевного покоя ни в этой временной жизни, ни в вечной. Потому что неверующий в Бога и в будущую вечную жизнь и в этой жизни живет безутешно, и осуждает свою вечную душу.

Насколько удаляются люди от простой естественной жизни и предаются роскоши, настолько умножают и свой страх за завтрашний день. И насколько развивается мирская вежливость, настолько же теряется простота, радость и естественная человеческая улыбка.

Годы проходят, люди стареют, поэтому не останавливайтесь на

перекрестке. Выберите по вашему усердию какой-нибудь крест и идите одним из двух путей нашей Церкви. Последуйте за Христом на Распятие, если хотите возрадоваться радостью Его Воскресения.

Доверие Богу в том, что ничего не бывает по человеческой воле, есть тайная непрерывная молитва с реальными плодами.

Сладкую жизнь чувствуют не те, кто радуется мирскому, но те, кто живет духовно и принимает горечи с радостью, как лекарственные травы для здоровья своей души, и питается только для поддержания своего тела.

Трудолюбивый человек, кем бы он ни был, монахом ли, или мирянином, будет духовно преуспевать, потому что будет трудиться усердно. В то время как человек, не возвращающий усердие, которое даровал ему Бог, не будет преуспевать ни в монастыре, ни в миру.

Святые ангелы с великим благоговением славословят непрестанно Бога: "Свят, Свят..."¹

Человек, для того чтобы летать по-ангельски, должен отбросить все свои душевные страсти и все свое достояние отдать бедным, ибо где есть материальное богатство, там — духовная нищета.

Чтобы душа воскресла духовно, должен распяться человек, должны умереть душевные страсти, главным образом, эгоизм — это своевольное чадо гордости, которое препятствует божественной благодати и искажает человеческий лик.

Время, потраченное для духовной работы над самими собою, не считайте потерянным, ибо это духовное условие для вас и действительная помощь для ваших ближних.

Наши древние отцы имели подвижнический дух. Они много постились и предпочитали вареву, поэтому имели и святость, и телесное здоровье. В наше же время, когда мы избегаем аскезы и варева, мы сами стали вареными. И курица, если бы не копалась в земле и если

бы сбросила свой жир, летала бы и не поймал бы ее ястреб.

Носящий тяжелую суму не знает, как от нее избавиться. Какую же, вероятно, лишнюю тяжесть таскает постоянно тот, кто полнеет от обжорства и вредит своему здоровью.

Сладок хлеб после поста. Сладок и сон после бдения. И после утомления на жестком камне отдохнуть можно лучше, чем в кресле.

Насколько избегает кто-либо человеческого утешения, настолько приближается к нему божественное.

Если не исправится каждый из нас, чтобы приумножить добро, как по-хорошему оно может победить?

Чтобы услышать божественную весть Слова Божия, чтобы измениться, нужно и самому настроить свой приемник на ту же частоту, на которой передает Христос через Свое Святое Евангелие, и с благоговением осуществлять его божественные заповеди.

Одно дело благоговение, и другое дело благочестие. Вот как православное восточное благоговение отличается от западного европейского благочестия: благоговение имеет божественную благодать, благочестие же — человеческий рас судок.

Хорошо читать духовные книги, но лучше их осуществлять, то есть жить духовно.

Настоящий человек не тот, кто ведет правильные беседы, но тот, кто живет правильно, по-евангельски.

Не огорчайтесь, если имеете наследственные недостатки, но и не гордитесь вашими наследственными добродетелями, потому что Бог будет проверять тот труд, который употребил человек на исправление своего ветхого человека.

Если мягкий нрав в духовном преуспевании помогает однажды, то гневливый помогает гораздо больше, достаточно только силу этого гнева направить против зла, против своих душевных страстей.

Кто сам добивается почета, тот сам и будет бороться всю свою жизнь. Кто продвигается людьми,

¹ Везде мы старались сохранить стиль автора.

тот их и будет иметь своими помощниками. Кто же известуется от Бога, тому помощником будет Бог.

В то время, когда твое духовное древо мало и низки его ветви, прими с радостью духовную ограду и узы ограничения, чтобы не быть изувеченным козами и не прийти в негодность. Сотвори терпение, чтобы возрасти духовно, вкусить своих плодов и прохладиться в своей тени.

Величайшей молитвой за мир и наших предков является наше духовное преуспеяние, ибо тогда они имеют право на божественную помощь — не говоря уже о нашей молитве, которая имеет дерзновение, и о радости, которую чувствуют наши предки за своих достойных потомков — в то время как от нашей плохой жизни они страдают втройне.

Те, которые родились калекками, или стали калекками из-за других, или из-за своей собственной невнимательности, если не рошпуть, но смиренно славят Бога и живут рядом со Христом, будут поставлены Богом вместе с исповедниками.

О мысленной брани

Лукавый помысел, когда соработает ветхому плотскому человеку, делает двойное зло в душе; как и диавол, когда соработает человеку, делает двойное зло в мире.

Опыт приобретается от демонского обстрела, который принимает воин Христов в духовной брани. Прежде, чем начать войну, враг бомбардирует помыслами. Иисусова молитва является самым сильным оружием против помыслов врага.

Хульные помыслы подобны самолетам, которые досаждают нам своим шумом против нашей воли, и мы не можем им помешать. Сильнейшая противоздушная оборона — это псалмопение, ибо оно является и молитвой ко Христу, и презрением к диаволу.

Все же хульные помыслы от диавола, а не от человека.

Хульными помыслами диавол обычно мучает чутких людей, чтобы огорчить их и ввергнуть в отчаяние.

В начале духовной жизни подвижающийся прогоняет плохие помыс-

лы духовным поучением, непрестанной молитвой и усердным подвигом. Потом приходят уже только благие помыслы. Позже останавливаются и благие помыслы и чувствуется некая пустота, и затем приходит к человеку божественное просвещение.

Человек Божий знает лукавого, в то время как лукавый не знает благих помыслов людей.

Каждая хорошая мысль, которая приходит человеку на ум, есть свыше, от Бога. И только то, что выделяет наш простывший нос, является нашей собственностью.

О плотской брани

Величайшую духовную силу имеют чистые помыслы от каждого подвига — поста, бдения и других, для тех, кто подвизается, чтобы сохранить свою душевную и телесную чистоту.

Плотская брань не помеха юному, который хочет стать монахом, достаточно только не думать о браке. Малым подвигом, постом, бдением и молитвою покоряется плоть духу, когда естественно имеется смиренное сознание. Сберегает же одновременно юноша и небесную награду за свой подвиг.

Аскет смотрит на свое костлявое тело как на друга души, который помогает ему освящать душу. В то время как обжора делает тело свое врагом души, который воюет против него. Тогда лукавый ищет удобного случая, чтобы бомбардировать человека постыдными помыслами.

Естественная плотская брань отражается постом, бдением и молитвою, когда нет гордости.

О монашестве

Бедному человеку и разбойник сочувствует и милует его, в то время как богатого разбойник жестоко делает неимущим. Хорошо человеку, руководствуясь Евангелием Христовым, самому стать нищим, чтобы унаследовать Небесное Царство.

Трудно искореняется из нас мир, если сперва мы не выкорчем себя из мира и его соблазнов.

Чтобы в нашем сердце возросло монашеское сознание, прежде долж-

но умереть наше мирское сознание и превратиться в перегнутой. И чтобы умерли страсти, нужно помышлять о смерти, суде и пострадать ревностно за Христа, Который много пострадал, даже до смерти, чтобы искупить нас.

Монахи — это связисты нашей Церкви, и по этой причине они удаляются от мирского шума, чтобы иметь в молитве хорошую связь со Христом и этим помогать нам.

Поскольку небесная жизнь людей будет уже ангельской, то некоторые ревностные молодые люди начинают ее еще в этой жизни, становятся монахами и живут в девстве, нестяжательности и послушании.

Единая ангельская схи́ма монахов и монахинь. *Нет мужского пола, ни женского* (Гал. 3, 28).

Хорошо монаху умереть не только в покаянии, но и в коленопреклонении.

Тот, кто знает великое достоинство ангельского образа, не стремится к иному званию. Если станешь настоящим монахом, то будешь радоваться по-ангельски и на земле и на Небе, иначе же ты будешь осмеян мирскими людьми и оплакан ангелами.

Монах, живущий по-мирски, — страдалец и неудачник в своей жизни. И для Христа будет загадка: с кем его поместить в иной жизни, с монахами или с мирянами?

Монах есть свет, маяк среди скал, невидимый миру.

Когда монах не смотрит на людей ради Христа, тогда он видит многих людей и помогает им благодатно молитвою в делах, которые по-человечески не происходят.

Если монах будет гордо сравнивать себя с мирянами, то он падет и станет мирянином. Если же он смиренно ищет милости Божией, подвизается и видит всех людей хорошими и святыми, то он подражает святым.

Чтобы преуспеть духовно, монаху нужно оставить "здравый смысл", смириться и трудиться сердцем. Монахине, чтобы преуспеть духовно, нужно оставить зависть и прочее, возмужать духовно, и здравый смысл у нее должен предшествовать, чтобы сдерживать сердце.

Смотрите, не приобретайте себе доброго имени, потому что ваше

доброе имя станет потом величайшим врагом вашего спокойствия. Требуется много внимания, чтобы монах вел духовный образ жизни, не приобретая себе доброго имени, потому что от мирских похвал становятся напрасными его труды. Для того же, кто вел рассеянную жизнь и покался, само то, что он пал в глазах окружающих, поможет ему преодолеть свой грех.

Монах, мыслящий по-мирски, кажется, сбился со своего пути: в то время как он отправился в путь, ведущий ко Христу, душа его шествует в мир.

Монахи, которые постоянно занимаются возведением роскошных строений и мирскими делами, показывают, что они насквозь земные — кирпичи да глина, и совсем не обладают божественным разумом.

Простые здания и скромные вещи мысленно переносят монахов в пещеры и уединенные жилища наших святых отцов, и, таким образом, приносят духовную пользу. В то же время мирские вещи напоминают о мире и делают монахов мирянами по душе.

Всякий мирской порядок в монастыре является великим духовным беспорядком.

Если хочешь стать исихастом, чтобы пребывать в покое, стяжи прежде с помощью благих помыслов внутреннюю тишину среди внешнего шума.

Новоначальный, который отделяется от братства, чтобы стать исихастом, похож на неспелый только что сорванный с дерева инжир: он еще выделяет молочко, и, по всей вероятности, еще нуждается в молоке.

Не приходите поспешно в монастырь, прежде чем не развяжете свои мирские клубки, если хотите нормально влиться в братство.

Прежде чем удалиться от мира, сотвори сердечную молитву ко Христу и доверь Богу своих родителей, братьев и сестер, и впоследствии не вспоминай о них, ибо тогда Христос обязан им помогать.

Новоначальный, который вспоминает о своих родителях, братьях и сестрах, препятствует Божией помощи. Если же вспоминает и о мире,

то он очень быстро забыл, что стремился отделиться от мира.

Если ты не можешь отделиться от мира, то, по крайней мере, подвизайся, чтобы выкорчевать из себя мирское сознание.

Трудно стяжать божественную любовь, если прежде не оторвать любви от своей маленькой семьи, чтобы войти в нашу великую семью от Адама до Бога.

Новоначальный не должен впитывать мирское сознание в начале своего монашества, иначе он будет постоянно шипеть, подобно свече, фитиль которой впитывает воду при первом погружении.

Не вступайте в монашество, если ваше сердце целиком не отдано ему, иначе вы потерпите неудачу.

Более чиста схима, принятая в молодом возрасте, пусть она и заплыт немного от времени, чем схима пожилого, которую он принял в последние годы и взял ее у Портного чистую и глаженую с собою в гроб.

О духовничестве и послушании

Духовное преуспеяние подвижающегося будет зависеть не от хорошего духовного отца, но от благих помыслов послушника.

Живой и эгоистичный юноша не должен резко смиряться старцем, иначе он пустит ветви, подобно молодому дереву, которое имеет в себе много соков, когда у него подрезают много ветвей.

В древности, когда было больше старцев, и младшие духовно преуспевали. В наше же время, когда мы более старики, нежели старцы, что делать молодым?

Послушник, принимающий лукавый помысел о своем старце, теряет доверие к нему и уже сам низвергает себя, подобно тому как обрушивается купол, когда выпадает центральный связующий кирпич.

Духовный отец несет ответственность за своего послушника соответственно его послушанию.

Новоначальный подобен пустой кассете магнитофона, [а то, что на нее будет записано,] взъщется со старца.

Послушание заключается не только во внешней покорности послушника, но и в том, чтобы и взгляды свои он подчинял духу своего старца.

Не стремись стать старцем, потому что эта мысль лукава. Не получится старец из того, кто не был послушником.

Если ты стал капитаном, не бывав прежде юнгой, то, чтобы не утонуть тебе вместе со своей командой, советуйся хотя бы с мотросами.

Если случайно кто-нибудь из нас старцев духовно немного косою, то да не требуем от монахов слепого послушания, чтобы не упасть всем нам в пропасть, по написанному: *Слепец слепца аще водит, оба в яму впадется* (Мф. 15,14).

Деревце мягко связывают травой, а не проволокой, иначе повреждается кора и оно засыхает. И ограничение новоначального должно быть мягким, с доброжелательностью, чтобы не засохнуть ему духовно.

Духовное чадо не должно ни давать духовные права никому другому кроме своего старца, ни говорить мирским свои помыслы и смиряться, иначе оно душевно повредится от людей, которые не ведают великой добродетели смиренномудрия.²

Юноша, который все свое сердце отдает Христу и сам с верою отдается опытному духовному старцу, легко совлекается ветхого человека, подобно молодой картошке, которая чистится очень легко. Пожилой же, если он не очень прост и смиренен, подобен старой картошке, которая трудно очищается. Она еще должна быть вареной и чиститься теплой.

Величайшим и лучшим многодетным отцом является тот человек, который духовно возродился сам и помогает духовному возрождению своих чад, чтобы обеспечить их душам рай.

² Конечно же, Старец здесь совсем не противоречит Спасителю, сказавшему: *Кто принудит себя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 41). Речь идет только о духовных отношениях между старцем и духовником, на святость которых посягать не имеет права ни один человек, пусть он даже и высоко стоит на церковной лестнице.

О смирении

Великий грешник имеет для смирения множество причин; великое же смирение принимает божественную благодать, и чтобы ее сохранить человеку нужно только избегать поводов и причин греха.

Каждый является или зеркалом, или крышкой от консервной банки: если на него не упадут солнечные лучи, он не засияет.

Человек, смиренно терпящий прегрешение своего ближнего, имеет большую любовь чем тот, кто несет тяжелую суму своего попутчика.

Приими несправедливость как великое благословение, потому что через нее для тебя готовится благословение небесное. Однако сам не стремись пострадать несправедливо, ибо под благовидным предлогом скрывается порочность.

Если человек, совершающий добро, делает его известным и кичится им, утомляясь бесцельно, то он теряет его и подлежит наказанию.

Когда с тобою поступают несправедливо, не говори: "Да възыщет это Бог", — потому что тогда ты невольно проклинаешь себя.

Человека, искренне просящего у тебя прощения, когда он прегрешает, прощай. Каждый раз, когда он прегрешает, прощай милостиво и люби его по-настоящему. Лукавого же, просящего у тебя прощения притворно, чтобы делать свое и затем впутывать тебя в свои дела, которые душевно вредят и другим людям, прощай 77 раз подряд и люби его и молись за него.

Приими несправедливость с радостью, когда она для тебя душевно не вредна. Чем более духовен человек, тем меньше прав он имеет в этой жизни, ибо права праведного хранит Христос в небесной жизни.

Кто утверждает свою волю, тот отвергает волю Божию и препятствует божественной благодати.

Смиренный человек, поскольку не имеет своей воли и эгоизма, при-

нимает божественное просвещение. Поскольку он смиренно принимает и советы, то он становится философом.

Чтобы подчиняться кому-либо, нужно или благоговеть пред ним, или бояться его. Подчинение от благоговения является духовным, от страха же — военной дисциплиной.

Не мучайте эгоистично самих себя выше ваших сил, не создавайте беспокойства. Христос — это любящий Отец, а не тиран. Христос радуется нашему усердному подвигу.

Если мы не можем подвизаться много или даже совсем чуть-чуть, то, по крайней мере, мы должны это признать и смиренно искать милости Божией. Если бы нам не полезно было это признание, то и его бы не требовал от нас Христос.

Как вырезанная из дерева икона кажется незаконченной, если рассмотреть ее под увеличительным стеклом, так и душа человека не окончена постольку, поскольку очищаются у человека глаза души и становятся подобными телескопу.

Если не найдешь человека, чтобы посмотреть на свое духовное отражение, тогда отойди немного от своей келии и оттуда посмотри на самого себя, как второе лицо, и тогда найдешь много недостатков.

Если человек не узнает своего ветхого человека, чтобы смириться естественно, то смирение не может стать его [внутренним] состоянием, чтобы в нем пребывала божественная благодать.

О пустыни

Пустыня очень помогает уничтожению душевных страстей, ведь и пырей засыхает в бесплодной пустыне, в то время как в болоте он становится подобным камышу.

Брат, не желай приспособить спокойную пустыню к самому себе — беспокойному и мирскому, но уважай пустыню, чтобы она помогла тебе своим спокойствием стать пустыней свободной от страстей твоих и облагодатствоваться от Христа.

Афонские святые были такими же, как и мы, людьми. Афон был так же, как и другие горы, дикой горой. Но так как наши отцы ревностно подвизались, то они освятились сами, осветили и гору, и она была названа Святой Горой. И мы теперь гордо называем себя святогорцами.

Наши святые отцы осветили пустыню и превратили ее в духовное государство, в то время как мы, к сожалению, превратили ее в государство мирское.

О бдении и молитве

Спокойная ночная молитва приносит большую пользу своим безмятежьем и очень полезна для нашего собственного духовного возрастания, подобно тому как тихий ночной дождь много помогает всходу растений.

Сон после захода солнца приносит телу большую пользу, но и бдение с умиленной молитвой после захода солнца очень полезно для души.

Непрерывно перебирай четки, пока не растают духовные льды, чтобы впоследствии привести в действие духовный механизм, когда сердце уже само будет творить молитву.

В соответствии с жертвой и молитвой, которую совершает человек за себя и за своего ближнего, подается ему и божественная помощь.³

О ближних

Хочешь, чтобы твоя молитва стала сердечной и была принята Богом? Сделай страдание ближнего своим страданием. Даже одно сердечное воздыхание о своем ближнем приносит реальные плоды. Божественное извещение о принятии молитвы есть божественное утешение,

³ Имеется ввиду не количественное соответствие, не торг с Богом, а святоотеческая мысль о соработничестве (συνεργία) Бога и человека в деле спасения: человек не может спастись без Бога, ни Бог не может спасти человека без содействия самого человека.

которое человек чувствует после молитвы.

Лучшим лекарством для каждого нашего несчастья является величайшее несчастье наших ближних, и нам достаточно только помыслить о нем.⁴

Радость, которую чувствует человек, когда принимает что-либо вещественное в благословение, есть радость человеческая, в то время как радость, которую чувствует сам дающий человек, есть радость божественная. Божественная радость приходит через подаяние.

Духовное изменение, которое принимает душа вместе с сердечным ликованием от одной только милости или благодеяния ближнему, не может дать никакой величайший лекарь, даже если ты и дашь ему целый мешок долларов.

Кто от чистой любви трудится ради своего ближнего, тому само утомление приносит отдых. Тот же, кто любит себя самого и ленится, утомляется от своего бездействия.

Чем более утомляется тело ради Христа, тем больше радуется душа, находясь рядом со Христом, и помощь человека своим ближним тогда более действенна, ибо она становится духовной.

Сострадательный человек становится на место страдающего, молится, утешает, но и сам вознаграждается от Христа божественным утешением по страданию своему. Бесчувственный же, который домогается должности другого, когда захватывает ее, охватывается и сам беспокойством, и уже в этой жизни частично испытывает вечное наказание.

В любви к нашему ближнему сокрыта наша великая любовь ко Христу. В нашем благоговении перед Богородицей и святыми снова сокрыто великое благоговение перед Христом — Троичным Богом.

О животных

Несчастливые животные по нравам лучше бесчувственных людей, пото-

му что их покупают не только сострадательные, но и бессердечные, и они слушаются без рассуждения, жестоко эксплуатируются и терпят безропотно, не имея никакой награды. Следовательно, они превзошли нас и в нестяжательности, и в терпении, и в послушании.

Если алчет твой ближний, отдай ему свою пищу. Если нет алчущего человека, отдай свою пищу голодным животным, потому что тебе будет необходимая для Рая польза от поста, а бедные животные не имеют Рая: они имеют только то благо, что для них нет и Ада.

О современности

Величайшая болезнь нашей эпохи — это приносящие беспокойство суетные помыслы мирских людей. Болезнь эту исцеляет только Христос с помощью душевной тишины и вечности, но нужно только, чтобы человек покался и обратился ко Христу.

В наше время путаницы в мыслях мы оставили святоотеческие книги, взяли журналы, которые вносят еще большую путаницу. Большинство из нас оставили Святое Евангелие и бросились править кормилом, опытные и неопытные, поэтому и бедствует в морских штормах Святое Судно — наша Церковь.

Раньше люди ценили точность, были искренни, честны и т.д. Материальные блага были тогда дешевыми. Теперь, к сожалению, в наши годы, точность обесценилась и подорожали материальные блага.

Если бы люди жили просто, по-евангельски, вблизи Христа, то они бы духовно услаждались Христом и их бы не душило мирское беспокойство. Вместо этого они травят себя лекарствами и опускаются до животного состояния.

Поскольку человеческие удобства превзошли всякую меру, то они стали трудностями. Умножились механизмы, умножились и проблемы; сделали из человека машину, и теперь машины и механизмы командуют самим человеком, и челове-

ские сердца поэтому стали железными.

Мировая эволюция вместе с греховной свободой принесла духовное рабство. Духовное подчинение воле Божией является духовной свободой и душевным продвижением, которым надежно руководит Сам Бог.

В древности христиане, что бы ни делали, всегда крестились, перед важными же делами — много молились. А в наше время, к сожалению, большинство из нас не только не молится перед важными делами, но даже и не думает об этом, и таким образом другие люди расплачиваются за наше безрассудство.

Бог — это бесконечный Ум, и человек по уму родственен Богу и умом приближается к Нему. Бог — это бесконечная Любовь, и чистым сердцем человек переживает Бога. Бог прост, и в простоте верит человек, и подвизается смиренно и усердно, и переживает таинства Божии.

Человеческие кресты — это просто крестики, которые помогают нам в спасении нашей души. Крест же Христов был очень тяжел, потому что Господь не употребил Свою божественную силу для Себя Самого.

Благой Бог весь есть Само Великодушие, и Он умиляется всякому нашему приношению, даже самому ничтожному! В то время как мы, люди, едим сладкий мед, Богу мы приносим воск, и Бог радуется нашему приношению!

Все люди принимают богатые благословения Божии, но немногие благодарят Бога, и благодарные и радостные живут вблизи Христа.

Многие люди имеют все, но имеют и печаль, потому что им не хватает Христа.

*Рождество Богородицы, 1980 год
Кутлумушская келия "Панагуда"*

*Святая Гора
Монах Паисий*

Конец и Богу слава

⁴ Конечно, это место следует понимать по-христиански. Сам апостол Павел писал к римлянам, убеждая их радоваться с радующимися и плакать с плачущими (Рим. 12, 15)

Святость — состояние целостности исцеленной природы человека, идущего узким путем спасения к вечному бытию со Христом. Человек, обладая целостной природой, становится причастником нетварного Божественного света, тем самым являя миру Свет Христов, который просвещает всех и освещает узкий и тернистый путь, по которому идут святые, путь непрестанного и глубокого покаяния, путь искреннего осознания немощи и греховности своего падшего естества. Промыслом Божиим святые, подобно светильникам, являются из-под спуда, по слову Евангелия, и становятся на свещнице, подобно путеводным звездам зажигаются на церковном небосклоне, чтобы сиять Фаворским Светом божественной благодати для всех, хотящих беспрепятственно достигнуть пристани потерянного рая.

В недавнем прошлом, во времена торжества безбожия, Господь по неизреченному человеколюбию Своему явил нам мужественного воина Христова подобного единому от древних, святителя Луку (Войно-Ясенецкого), ставшего настоящим образом истинного пастыря, приведшего ко Христу многие верные души.

монах Алексей (Трегубенко), II курс МДА

Святитель — исповедник земли Крымской.

А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны (Ин. 3, 21)

Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 21 ноября 1995 года прославлен в лике святых выдающийся иерарх, профессор медицины, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

Много жило святых, много праведников являет Промысл Божий на церковном небосклоне, для их почитания верными чадами Святой Матери Церкви. Одним из них является святитель-исповедник архиепископ Лука. Прошло 35 лет со дня его преставления, но память об этом святом человеке жива до наших дней. Множество людей притекало к могилке святителя, находившейся в ограде храма Всех Святых Симферополя, получая благодатные исцеления от своих недугов.

Архиепископ Лука (в мире Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился 27 февраля 1877 года в Керчи, в семье провизора. Обучался сначала в Кишневской гимназии, а потом — в Киевской. Господь наделил его многими талантами, так что он успешно параллельно с гимназией закончил Киевское художественное училище. Большое влияние на него оказала Киево-Печерская Лавра. Он часто рисовал богомольцев, приходивших ко святым местам Киева. Юноша собирался продолжить образование

в Академии художеств, но, заинтересовавшись народническими идеями, поступил на юридический факультет. Изучение права не удовлетворило его: он хотел приносить реальную пользу народу. Этому желанию, как он считал, отвечала профессия земского врача, и с 1898 года учится на медицинском факультете Киевского университета. Нравственная чистота, исключительное трудолюбие стали причиной избрания Валентина Войно-Ясенецкого старостой курса. Студенты называли его "совестью курса". После окончания учебы в Университете, который он закончил с отличием, Валентин Войно-Ясенецкий едет на Дальний Восток в составе медицинского отряда для лечения раненых, пострадавших в русско-японской войне. Здесь, в Чите, начинается его хирургическая деятельность. Здесь же полковой врач знакомится со своей будущей женой Анной Васильевной Ланской. После свадьбы молодая чета переезжает в г. Ардатов Симбирской губернии.

Везде, где бы ни трудился будущий святитель, он возвращал жизнь и здоровье многим простым людям, за что его называли "мужичким доктором". Оперировав больных в Переяславле-Залесском, куда он

прибыл с семьей в 1910 году, Валентин Феликсович работал над диссертацией "Религиозная анестезия", которую он защитил в 1916 году, получив за нее степень доктора медицины. Эта диссертация была признана лучшей работой года и удостоена Варшавской премии имени Хойнацкого. В Переяславле доктор проводил сложнейшие операции не только на почках, желудке, кишечнике, но и на сердце и мозге. Здесь же он стал часто ходить церковь, чем очень удивлял своих сослуживцев и радовал жителей Переяславля.

Вскоре заболела туберкулезом Анна Васильевна, и семья переезжает в Ташкент, где Валентину Феликсовичу была предложена должность главврача и хирурга городской больницы. В 1919 году умирает горячо любимая супруга, оставив мужу четырех детей. Доктор принимает активное участие в жизни Ташкентского прихода. Однажды он выступил с блестящей речью на епархиальном съезде. Когда все закончилось, к нему подошел епископ Ташкентский Иннокентий (Пустынский) и предложил принять священный сан. Слово Преосвященного он принял как призыв Божий и, ни минуты не раздумывая, отве-

тил: "Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!"

15 февраля 1921 года Валентин Феликсович был рукоположен во диакона, а 25 февраля во пресвитера. Его назначают священником Ташкентского собора, где он несет послушание проповедника. От патриарха Тихона он получил наказ не оставлять хирургической деятельности.

В то время часто проводились публичные диспуты о вере. Отец Валентин нередко участвовал в них. В течение двух лет он при большом стечении народа полемизировал с отступником веры, бывшим миссионером Ломакиным, причем диспуты всегда заканчивались полным посправлением отступника.

В 1923 году, когда в Ташкенте освободилась епископская кафедра, выбор духовенства и мирян остановился на о. Валентине, и он принимает монашеский постриг от епископа Андрея (Ухтомского) в честь святого Апостола и Евангелиста Луки. Получив рекомендательное письмо епископа Андрея, отец Лука отправляется в г. Педжикент, где 31 мая 1923 года епископ Болховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий совершают над ним архиерейскую хиротонию. В то тяжелое время, когда многие снимали с себя священный сан, уходили из Церкви, отец Лука принимает рукоположение, повинувшись воле Божией. На случай своего ареста он распространяет послание, в котором увещевает свою паству твердо стоять в Православии, не сообщаться с "живоцерковниками", не ходить в их храмы. "Против власти, — говорил свт. Лука, — поставленной Богом по грехам нашим, не восставать".

Вскоре после архиерейской хиротонии последовал первый арест и ссылка в Енисейск. Верующий народ так любил своего святителя, что многие ложились на рельсы, чтобы не отпустить Владыку. Власти инкриминировали ему связи с контрреволюционным Оренбургским казачеством и шпионаж в пользу англичан, осуществляемый через турусскую границу. Объяснение епископа Луки в том, что он просто не мог находиться одновременно на

Тропарь, глас 1:

Возвестителю пути спасительного, исповедниче и архипастырю Крымския земли, истинный хранителю отеческих преданий, столпе непоколебимый, Православия наставниче, врачу богомудрый святителю Луко, Христа Спаса моли непрестанно, веру непоколебимую православным даровати, и спасение, и велию милость.

Кондак, глас 1:

Якоже звезда всесветлая, дозродетельми сияюща, был еси святителю, душу же равноангельную сотвориши, сего ради святителства саном почитается, во изгнании же от безбожных много пострадал и непоколебим верою пресытив, врачевною мудростию многия исцелил еси. Темже ныне честное тело твое от земных недр обретше дивно Господь прослави, да вси вернии вопием ти: радуйся, отче святителю Луко, земли Крымстей похвало и утверждение.

Молитва святителю Луке, исповеднику, архиепископу Крымскому.

О всевлаженный исповедниче, святителю отче наш Луко, великий угодниче Христов! Во умиленном преклонше колена сердец наших, и припадая к раце честных и многоцелевных мощей твоих, якоже чада молим тя всеусердно: услыши нас грешных и принеси молитву нашу к милостивому и человеколюбивому Богу, Божже ты ныне в радости святых и с лики ангел предстоиши. Веруем бо, яко ты любиши ны тою же любовью, еюже вся ближняя возлюбил еси, пребывая на земли.

Испроси у Христа Бога нашего да утвердит во святей Своей Православней Церкви дух правды веры и благочестия: пастырям ея да даст святую ревность и попечение о спасении вверенных им людей: право верующия соблюдать, славы и немощныя в вере укрепляти, неведущия наставляти, противныя обличати. Всем нам подай дар коемуждо благопотребен, и вся яже к жизни временней и к вечному спасению полезная: градов наших утверждение, земли плодоносие, от глада и пагубы избавление. Вскорбящим утешение, недугующим исцеление, заблудшим на путь истины возвращение, родителям благословение, чадам в страхе Господнем воспитание и научение, сирым и убогим помощь и заступление.

Попадаждь нам всем твое архипастырское и святое благословение, да тобою осеняеми избавимся от козней лукаваго и избегнем всякия вражды и нестроений, ересей и расколов.

Даруй нам богоугодно преити поприще временной жизни, настави нас на путь, ведущий в селение праведных, избави нас от воздушных мытарств и моли о нас всемогущего Бога, да в вечной жизни с тобою непрестанно славим Отца и Сына и Святаго Духа, Божже подобает всякая слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Урале и на Кавказе в расчет не принимались. Кроме того, ему ставилось в вину создание вместе со священником Михаилом Андреевым контрреволюционной организации "Союз Ташкентских приходов". За это он был в 1923 году осужден Особым Совещанием на 2 года ссылки в Туруханский край.

Однажды в тюрьме, проходя мимо камеры, по щиколотку залитой водой, Владыка увидел полураздетого, дрожащего воришку. Сжалившись, он снял с себя полушубок и отдал его замерзающему. Этот поступок произвел потрясающее впечатление на уголовников. И каждый раз, когда Владыка проходил мимо их камеры, главарь

почтительно приветствовал его, называя "батьюшкой". Находясь в ссылке, святитель Лука продолжал оказывать всем нуждающимся врачебную помощь. Свой хирургический талант он считал даром Божиим, предназначенным для прославления имени Христова и помощи страждущим людям. Не отказывал он в помощи самым сирым и убогим, не брал ничего за лечение. "Это Бог вас исцелил моими руками. Молитесь Ему, — говорил епископ-профессор. В операционной у него, как и в Ташкенте, всегда стояла икона с теплившийся перед ней лампадой. Перед операцией он всегда творил молитву, ставил на теле больного йодом крест, и только

потом приступал к операции. В Туруханске был закрытый мужской монастырь, в котором службы, однако, совершались престарелым священником. Он подчинялся Красноярскому обновленческому архиерею. Святитель Лука своей проповедью о грехе церковного раскола вернул в лоно Православия и священника, и его паству. Активизация церковной жизни не понравилась местному начальству, и Владыка вскоре был сослан еще дальше, "на край света", на берег Ледовитого океана. Само по себе такое путешествие без теплых вещей было равносильно смертному приговору. "Я почти реально ощущал, — вспоминал сам святитель об этом скорбном пути в лютую стужу, — что со мною — Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня". Господь наградил Своего мученика-исповедника даром прозорливости. Здесь, в деревеньке Плахино, на краю необъятной снежной пустыни ему было открыто время его возвращения в Туруханск.

В 1926 году Владыка возвращается в Ташкент, подает прошение об увольнении на покой и продолжает прием больных. Бесплатно принимая пациентов, святитель посылал своих помощников обходить дворы и дома Ташкента, узнавая нет ли где лежачих больных, за которыми некому ухаживать. 6 мая 1930 года последовал второй арест.

В то время в Ташкенте жил видный профессор Михайловский. Он проводил опыты, связанные с переливанием крови. Утверждалось, что благодаря гематологическим опытам Михайловского человечество получит бессмертие. В русле антирелигиозной истерии, раздувавшейся в прессе, в смерти профессора обвинили "церковных мракобесов" — жену Михайловского и святителя Луку. "Основанием" обвинения послужила справка, выданная Войно-Ясенецким, которая указывала, что профессор Михайловский покончил с собой в состоянии несомненной душевной болезни, которой он страдал более двух лет. По обвинению в укрывательстве убийцы — жены Михайловского — Владыку выслали в северный край сроком на три года. В тюрьме во

время следствия его здоровье резко ухудшилось. Коллеги, профессора Слоним и Рагоза, свидетельствовали о болезни сердца — кардиосклерозе и склерозе аорты. Но святителя несмотря ни на что ссылают в Архангельск.

В 1934 году выходят в свет долгожданные "Очерки гнойной хирургии", которые получили высокую оценку специалистов. "Пожалуй, нет другой такой книги, которая была бы написана с таким литературным мастерством, с таким знанием хирургического дела, с такой любовью к страждущему человеку", — так отзывался о достоинствах книги кандидат медицинских наук В. А. Поляков.

В 1935-36 годах Владыка работает в главной операционной в Институте неотложной помощи в Ташкенте. Дома у него небольшой "монастырь", состоящий из двух монахинь Лукии и Валентины, которые приехали за ним еще из Енисейской ссылки, и бывший келейник Красноярского епископа Амфилохия монах Мелетий.

24 июля 1937 третий арест и изоляция в Ташкентской тюрьме. На епископа Луку заведено следственное дело. На первых страницах этого дела есть анкета, которую чекисты заполняли после первого обыска на квартире Владыки. В графе "личное имущество" — прочерк. Так святитель исполнял заповедь Божию о нестяжании. Из тех же материалов дела видно, что Владыка Лука постоянно оказывал материальную помощь ссыльным и священникам.

Однажды на допросе Владыку насмешливо спросили: "Вы же много раз делали операции на сердце. Видели ли вы там душу?" Святитель смиренно отвечал: "Я много раз вскрывал черепную коробку и ни разу не видел в ней ума."

Конечно же, обвинения в создании "контрреволюционной церковно-монашеской организации" и шпионаже в пользу иностранной разведки были абсурдными, но следователи выбивали нужные показания при помощи "конвейера". На протяжении нескольких дней, а то и недель, обвиняемый сидел на стуле, а следователи, сменяя один другого,

проводили допрос, который уже сам по себе был пыткой. Через этот "конвейер" дважды проходил святитель Лука. Обвиняемому не давали спать ни днем, ни ночью. "Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации. Мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. Допрос конвейером продолжался 13 суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, под которым обливали мне голову холодной водой."

Виновным святитель себя не признал, и Особое совещание при НКВД СССР постановило 13 февраля 1940 года сослать его в Красноярский край, считая срок со дня ареста. С марта 1940 года ссыльный Войно-Ясенецкий, епископ, хирург с мировым именем, живет и работает в райцентре Большая Мутра под Красноярском. Церковь там давно взорвали, и святитель ходил молиться в рощу, где в тиши и уединении совершал свое молитвенное правило. Как только началась Великая Отечественная война, Владыка назначается главным консультантом всех госпиталей Красноярского края. Самые сложные операции он проводил лично. Срок ссылки закончился в середине 1942, и осенью того же года Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием епископ Лука назначен на Красноярскую кафедру. Доблестное служение Отечеству, самоотверженное лечение раненых воинов было приравнено к церковным заслугам и святитель был возведен в сан архиепископа. На Поместном Соборе 1943 года, архиепископ Лука участвовал в избрании Патриарха. Здесь же он назначается постоянным членом Священного Синода. В конце 1943 года вышло второе издание "Очерков гнойной хирургии", переработанное и увеличенное почти вдвое, а в 1944 вышла книга "Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов". За эти труды ему была присуждена Сталинская премия первой степени. Из 200 тыс. рублей премии

130 Владыка перечислил в помощь детям, пострадавшим от войны. Вслед за победоносным наступлением наших войск эвакуогоспитали переезжают из Красноярска в Тамбов.

Вскоре Владыка получил назначение на Тамбовскую кафедру. Здесь он совершал свое архипастырское служение, продолжая оперировать. Огромные усилия прилагает святитель Лука для оживления церковной жизни. Если до революции в Тамбовской епархии было 110 приходов, то к 1945 году осталось два. Долгое время в Тамбовском соборе находилось рабочее общежитие, и Владыка восстанавливает поруганный и оскверненный храм. Как и везде, помогал всем, кто к нему обращался. Одной вдове с пятью детьми дал денег на постройку дома, много хлопотал, чтобы открыли большой двухэтажный собор. В Тамбове он особенно много проповедовал, его проповеди записывались и распространялись.

С 1945 по 1947 гг. святитель пишет книгу "Дух, душа и тело", в которой выразился взгляд учено-епископа на взаимоотношение науки и религии и была предпринята попытка разрушить сложившиеся стереотипы их несовместимости.

В мае 1946 года архиепископ Лука переводится на Симферопольскую кафедру. Поселился Владыка на верхнем этаже двухэтажного дома. Здесь же располагалась и его канцелярия. Много работы по упорядочению епархиальных дел легло на плечи семидесятилетнего старца. Церкви разрушены, народ в нищете, власти используют любые возможности, чтобы закрыть тот или иной храм. Но голос правящего архиерея звучит твердо и уверенно.

Сохранились его пламенные послания, в которых он увещевает священников со страхом Божиим проходить свое служение, не подавать повода для соблазна, так как народ чутко распознает фальш и безошибочно отличает добрых пастырей от наемников. Архиепископ Лука, сам истово совершавший богослужения, требовал того же от клириков. Он внушал им, что нельзя сокращать богослужения, крес-

лывать обливанием, забывать о проповеди в храме.

Всячески стараясь оградить свою паству от соблазнов, он произносит противосектантские проповеди, рассылая их по епархии. Когда Хрущев в 1954 году объявил очередной поход на Церковь, Владыка выступил с проповедью на слова Спасителя: "Не бойся, малое стадо", в которой утешал и ободрял верующих.

Хирургической и врачебной деятельности Владыка тоже не оставлял. Когда его пригласили читать лекции по гнойной хирургии, предварительно предложив снять рясу и панагию, то он отказался, потому что везде носил одежду, приличную его архиерейскому сану. На дверях его кабинета висело объявление о ежедневном (кроме праздничных дней) бесплатном приеме больных. Еще живы многочисленные свидетели, получавшие от Владыки исцеление недугов. И много таких случаев документально засвидетельствовано и осталось в памяти благодарных крымчан.

Однажды молодая женщина сильно заболела горлом. В течение нескольких месяцев она не могла принимать пищу. Врачи не смогли ей ничем помочь, хотя лечилась она в госпитале как жена офицера. В отчаянии она обратилась к святителю Луке, тот осмотрел ее, заставил снять все повязки с горла, сказал: "Ты здорова, полощи горло соленой водой и йодом, ешь и пей всего понемногу". На следующий день женщина полностью забыла о своей болезни.

Жена священника Леонида (Дунаева) лежала прикованная к постели, но Владыка запретил давать ей лекарства. Через несколько дней он приехал к больной и со словами "Во имя Отца и Сына и Святого Духа" — перекрестил ее. Больная поднялась с постели и начала поправляться.

Просфорнице кафедрального собора Владыка за 15 лет предсказал судьбу ее семьи: скоростижную смерть зятя, жизнь детей и внуков.

К 1956 году Владыка полностью ослеп, но продолжал исправно нести свое послушание и управлять епархией. Слепота не мешала ему

совершать богослужения в храмах Крымской епархии. Есть свидетели, которые говорят о том, что будучи слепым, Владыка читал Евангелие наизусть. Служившие ему священники свидетельствуют о строгом соблюдении им церковного устава и о постоянном молитвенном подвиге. К ослепшему святителю подходили читать монашеское правило священники Кафедрального собора. Подводя итоги своего сугубого служения — архиерейского и медицинского, — он писал в своих письмах: "Верно, конечно, то, что вы пишете о лечении больных. Но вы знаете, как необычайно ценят меня, как духовного врача. Очень многие говорят и пишут (даже отовсюду), что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю."

Святитель Лука преставился 11 июня 1961 года, в день памяти Всех Святых в земле Российской просиявших. Глубоко знаменательно, что именно в этот день душа Крымского архипастыря-исповедника переселилась в вечные обители. В некрологе, помещенном в "Журнале Московской Патриархии", мы читаем такие слова: "До конца дней своих он сохранял живую, отзывчивую, обаятельную душу, нежно любящую людей... Кончина Пресвященного Луки потрясла не только его паству, но и всех его знавших.. Теперь же, на небе, дерзаем надеяться, Господь уготовил ему венец правды, как возлюбившему явление Его."

И по своей смерти милосердный святитель-скоропослушник помогает всем, кто с верою и любовью прибегает к его помощи и заступлению. Так, одна женщина, получила помощь от епископа-хирурга и при жизни Владыки, и после его смерти. Еще когда был жив святитель Лука, у нее начала болеть и гноиться губа. Куда бы она ни обращалась, ни один врач не мог ей помочь. Тогда она обратилась к Владыке, и он вылечил ее. В 1989 году заболел муж этой женщины. Она пошла к могил-

ке святителя и слезно просила о выздоровлении мужа. Пришла домой и удивилась, что муж поднялся с постели, начал ходить по комнате и почувствовал себя значительно лучше.

Жительница Тбилиси перенесла онкологическую операцию. Вскоре предстояла еще одна — ноги перестали ходить, опухли из-за варикозного расширения вен. Приехав на могилку Владыки, отслужив панихиду, она сразу же почувствовала облегчение от сильных болей в ногах и внутреннее душевное успокоение. Опухоль сошла и теперь она имеет возможность стоять на службе и ходить.

Свидетельства о несомненной святости и помощи святителя Крымского Луки продолжают поступать от верующих и до сего дня.

Милостию Божией в ночь с 17 на 18 марта 1996 года состоялось обретение честных мощей святителя.

С 18 по 20 марта мощи святителя находились в храме Всех Святых, где к святым останкам Владыки приходило много верующих помолиться, а также получить исцеление.

Так, 18 марта была приведена женщина, страдавшая тяжким недугом беснования, которая при гробе святителя получила выздоровление от своей болезни и возблагодарила Бога. В тот же день родителями был приведен 12-летний мальчик, страдавший эпилепсией. После того как он приложился к гробу Владыки, ему стало намного легче. На следующий день он выглядел вполне здоровым и бодрым.

20 марта 1996 года честные мощи были торжественно перенесены с места захоронения — из храма Всех Святых в Свято-Троицкий кафедральный собор. Во время торжественного перенесения святых мощей многие люди чувствовали исходящие от них благоухание и теплоту. И здесь святитель Лука не забыл свою паству и чад. После крестного хода исцелилась от тяжелой болезни рук внучка святителя.

Святителю отче наш Луко,
моли Бога о нас!

Андрей Ельников, 3 класс МДС

Памяти Высокопреосвященного Иоанна, Митрополита
Санкт-Петербургского и Ладожского

Воспоминая О старце-архипастыре...

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие; и взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. (Евр.13,7-8)

Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение; но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны... (2 Кор. 6.3-8)

Второго ноября этого года исполнилась годовщина со дня кончины одного из выдающихся архипастырей Русской Церкви, митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева). И чем дальше время идет вперед, тем острее ощущает сердце тяжесть утраты такого светильника веры, как митрополит Иоанн.

Почему это так? Ответом на этот вопрос является сама жизнь владыки. В наше время упадка веры и окаменения сердец, когда примеры евангельской жизни становятся столь редким явлением, мы часто во многом неправильно понимаем цели и задачи служения архипастырского. Мы привыкли к тому, что архиерей — это некий администратор, хотя это далеко не так.

"На каждом епископе, — пишет византийский канонист Зонара в толковании на 58 Апостольское правило, — лежит непрменная обязанность поучать вверенный ему народ догматам благочестия и приводить его к истинной вере и честной жизни... Даже самое имя епископа побуждает его к бдительности, почему он и назван надзирателем, а таковой должен быть всег-

да бдительным и не предаваться беспечности. Для этого епископу и ставится в алтаре на возвышении кафедра, чтобы, с одной стороны, показать, каков он должен быть сам, с другой — чтобы с возвышения он мог обнимать взором весь вверенный ему народ, наблюдая за ним самым внимательным образом".¹

Ни одна служба, будь то всенощное бдение или литургия, совершаемая владыкой, не была лишена проповеди, которую произносил он сам. Удивительная простота, скромность и глубокая вера святителя притягивали к нему сердца многих, ищущих утешения в скорбях, сопутствующих жизненному пути каждого христианина.

В этой небольшой заметке мне хотелось бы указать на то самое главное и ценное для каждого пастыря и христианина, что довелось слышать автору из уст святителя как наказ в своей жизни. Владыку я впервые узнал четыре с лишним года назад, то есть почти через

¹ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911, Т.1. С.132.

год после вступления его на Санкт-Петербургскую кафедру.

Запомнилась встреча со святителем на платформе Ленинградского вокзала 19 июля 1991 года, когда он беседовал с простыми людьми. Здесь я стал свидетелем проявления той прозорливости, которой наделил его Господь. Подойдя к нему, и, испросив благословения, я внезапно получил от владыки ответ на вопрос, который постеснялся задать: "Я буду служить в Князь-Владимирском соборе всенощную и литургию", — сказал митрополит, выражая тем свое приглашение и нам

Через некоторое время Господь свел меня достаточно близко с Владыкой. Самую большую радость мне доставляло совместное служение с архипастырем. Потом он мне сам объяснял причину этой радости. "Я любил, — говорил Владыка, — служить со своим старцем митрополитом Мануилом. Служба с архиереем есть церковная полнота". Владыка совершал литургию с великим страхом Божиим, он весь уходил в молитву, беседу с Самим Богом.

Следовавшая за этим проповедь выражала глубокие сердечные переживания веры, которые незамедлительно отражались в сердцах людей, льнувших к архипастырю и ловивших каждое его слово, как капли драгоценной и живительной небесной росы. Однажды, во время литургии свт. Григория Двоеслова, владыка, повествуя об истории создания этого чина, великопостного богослужения, разъяснял суть слов великого входа: "Се бо Царь славы невидимо входит...", он говорил, что в этот момент великий трепет должен охватывать каждого из нас, ибо иерей Божий на своих руках несет Самого Спасителя мира, Его пречистое Тело и животворящую Кровь. Эти, казалось бы, простые слова, выразившие общеизвестную истину, были произнесены с таким трепетом и глубокой верой, что заставили невольно всех содрогнуться.

Но особенно важно для нас сегодня — это глубокая вера владыки Иоанна в то, что только лишь в Православной Церкви как единственной наследнице апостольского

предания совершается спасение. Именно поэтому незадолго до своей кончины святитель выступил с резкой критикой экуменизма как пагубного движения, разрушительно действующего на церковное православное сознание верующих. Статья под заглавием "Смотрите — не ужасайтесь", в которой экуменизм как проявление дьявольского искушения подвергается всесторонней и объективной критике, может рассматриваться нами как завещание свято хранить православную веру.

В одной из личных бесед митрополит Иоанн высказал свое неудовольствие по поводу симпатий некоторой части духовенства к католичество. Нужно сказать, что трезвая позиция владыки в отношении инославия как ереси является следствием его всесторонней образованности, знания канонов и определенных Вселенской Церкви.

Одной из главных причин упадка благочестия в наше время, как мне об этом говорил владыка, является то, что, читая жизнеописания подвижников веры, мы не стремимся подражать им, т.е. исполнять заповеди Христовы, которые суть истина и живот, вода, текущая в жизнь вечную (Ин.4,14). Владыка сокрушался о том, что честолюбие и славолубие стали в нашей жизни столь распространенными и привычными, что мы их и не замечаем, не считаем за грехи, в то самое время, как они разрушают веру, лишают нас ревности о чистоте веры, а это порождает опасную теплохладность.

Вспоминая владыку, не перестаешь удивляться его глубокой вере, благодаря которой, по словам одного из современных старцев, он сделался столпом Православия. Истоки такого духовного устройства владыки нужно искать в укладе его жизни, в течение которой он никогда не искал ни почестей, ни наград, следуя в этом примеру своего незабвенного старца и учителя митрополита Мануила (Лемешевского), и поучаясь мудрости и монашескому смирению у святителей Филарета (Дроздова) и Феофана Затворника. Владыка считал, что при любых обстоятельствах жизни, при любом служении необходимо прежде всего сохранять правильное духовное

устройство, быть всегда кем-то одним (в данном случае — монахом). Сам владыка, несмотря на свое высокое иерархическое положение в Церкви, сохранял удивительную простоту. Его резиденция на Каменном острове всегда была полна посетителей, а телефон никогда умолкал. При всей своей занятости он находил время для каждого.

В отношении внутренней жизни владыка советовал непрестанно совершать Иисусову молитву, повергая себя при этом в сердечное сокрушение и самоукорение, чтобы тем самым не давать в свое сердце входить помыслам осуждения. Владыка, будучи непреклонным врагом честолюбия, в одной из бесед говорил, имея в виду стремление к почестям и наградам, что нужно ни к чему не стремиться и ничего не желать, но предавать себя воле Божией.

Относительно наших дней, владыка однажды сказал словами Откровения, что дано было ему (дьяволу—и.С.) вести войну со святыми и победить их (Откр. 13,7). Слова страшные, но страшнее то, что многие из нас становятся проводниками зла, дорожа больше своим положением, нежели истиной.

Когда владыка Иоанн переселился в чертоги небесные, многих из тех, кто близко знал его, читал его труды и внимал его проповедям, охватило чувство сиротства, холода и тоски.

Открытая правда, свидетелем которой был митрополит Иоанн, давала возможность людям осознать существенные стороны нашей жизни и заставляла любить Отечество не просто на словах, а на деле.

Для нас имеют особое значение слова старца-архипастыря о России, когда он говорил, что "её можно только вымолить", а значит каждый из нас, находясь на любом церковном послушании, несет ответственность перед Богом не только за свою жизнь, но и за судьбу своего отечества, об истинном возрождении которого так радел владыка Иоанн.

преподаватель МДС,
иеродиакон Симеон (Гаврильчик)

В стране восходящего солнца

Как многим известно, начало Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви на Японских островах было положено в XIX веке, когда молодой иеромонах Николай (Касаткин), впоследствии святитель, крестил первых трех японцев. Слава Богу, что и по сей день свет истинной Христовой веры не меркнет в этой стране, несмотря на то что в обществе этой мощной экономической державы господствует самый грубый материализм и религиозное безразличие.

В настоящее время Японская Православная Церковь насчитывает около 25 тысяч человек, которые духовно окормляются одним митрополитом, двадцатью священниками и несколькими диаконами. В Японии приблизительно 50 храмов, поэтому священникам приходится служить на 2-3 приходах по-очереди. Число прихожан на приходах неодинаково: от примерно 15 семей (храм Рождества Христова в Гамаоцу) до 2500 верующих Токийского кафедрального собора, который известен всем японцам под названием "Николай-до" (храм Николая). Существует три епархии с кафедрами в Токио, Сендай и Киото.

Духовенство Японской Церкви получает богословско-пастырское образование в Токийской Семинарии, а преуспевающие семинаристы могут продолжить свое обучение за рубежом, чаще всего выбор останавливается на Свято-Владимирской Семинарии в Нью-Йорке. Все священнослужители Японской Церкви по национальности японцы, исключение составляет один диакон-американец из Токийского кафедрального собора. Как и в любой стране, православие в Японии имеет свои особенности. Богослужение совершается на старояпонском языке, который был в употреблении до реформ, проведенных после Второй Мировой Войны. С тех пор японский язык стал проще, количество иероглифов было значительно уменьшено. Старый японский язык, на который делал свои переводы свт. Николай (Касаткин), отличается точностью выражения богословских терми-

нов, красотой и возвышенностью, как и церковнославянский язык. Однако, как и в России, у японцев возникают определенные трудности в понимании богослужебного языка. Впрочем, Японская Церковь старается помочь своим чадам, повышая уровень их образования и духовности.

Согласно народным традициям, на некоторых приходах верующие в храме снимают обувь и надевают тапочки. Также продолжает жить обычай, берущий свое начало еще со свт. Николая (Касаткина), когда во время проповеди люди сидят на полу в положении "сей-за", то есть на коленях.

В японских храмах на каждой Литургии поется тропарь свт. Николаю Японскому, а при возглашении многолетия верующие просят, чтобы милость Божия почил и на Японском императоре.

Относительно пения за богослужением следует сказать, что оно совершается обычно "в один голос" (то есть поет один человек), большие же приходы способны содержать свои хора, которые исполняют преимущественно русский обиход и произведения XIX века. Интересно, что в кафедральном соборе в Токио на Литургии духовенство поет "Взбранной Воеводе...", "Приидите поклонимся..." и "Святыи Боже..." на церковнославянском языке, тем самым воздавая честь своей Матери — Русской Церкви.

В настоящее время Японская Церковь имеет значительно меньше миссионеров, чем их было при свт. Николае, но миссионерство все же продолжается в этой буддийско-языческой стране. Роль катехизатора выполняет священник, оглашенные же получают наставления обычно в течение одного года перед принятием Крещения. Каждую среду при кафедральном соборе проводятся лекции для оглашенных. Только в одном Токийском соборе в этом году около 50 человек готовятся к просвещению, которое совершается по древней христианской традиции непосредственно перед Пасхой.

Благодаря усилиям духовенства количество причастников и молящихся в Токио за последнее время резко повысилось. В среде духовенства регулярно проводятся богословские собеседования, которые помогают священнослужителям повысить свое образование.

Помимо этого, почти на каждом большом приходе существуют различные объединения мирян. Иногда это просто группа женщин, которые после Литургии готовят еду для всех прихожан. Существуют и молодежные кружки, в которых занимаются изучением Св. Писания. Интересно, что почти все члены кружка молодежи из Токийского собора являются единственными православными в семье, самостоятельно принявшими веру.

Японцы приходят в Православие разными путями: некоторые переходят из католичества, другие же знакомятся с ним через изучение православных икон. Нужно сказать, что японский образ жизни часто бывает связан с постоянной утомительной работой, когда человек иной раз жертвует собой, своим здоровьем ради фирмы, поэтому нередки случаи, когда люди умирают от переутомления. Поэтому, видимо, неслучайно, что некоторые люди, познав суету и ужас такого образа жизни, посвящают себя Богу и становятся священнослужителями.

Помимо проповеди духовенства японские православные окормляются и посредством чтения духовной литературы. Ее количество по русским стандартам невелико, однако уже вышли в свет первые 5 томов сокращенных житий святых, Катехизис, Псалтирь и Новый Завет (переводы свт. Николая), объяснение Литургии и другая литература. Ежемесячно издается "Сей Кио Джихо" — вестник Японской Церкви, который содержит проповеди, жития святых, новости о жизни других Православных Церквей, переводы святоотеческих и богословских творений и другие статьи. Кроме того, во многих книжных магазинах Японии продаются книги протоиерея Токийского собора Иоанна Такахаша, которые издаются большим тиражом крупными издательскими фирмами Японии. Уже вышли книги, посвященные иконе, историческим путям Православия и Византийской империи и ряд других книг православной тематики. Они существенно помогают развитию миссионерства в Японии.

В заключение хочется сказать, что быть православным христианином в языческой стране, где верующие составляют очень малое число, большой подвиг. Православная Церковь в Японии не есть какой-то русский культурный заповедник, а именно то откровение, которое Бог изволил дать человечеству для познания Себя и спасения душ всех людей.

Особый подвиг быть православным христианином в языческой стране, где верующих так мало. Но тем не менее Православная Церковь Японии — свидетельство тому, что Евангелие, проповедуемое "во всех языцах", вопреки всем внешним обстоятельствам находит отклик в сердцах людей и приводит их ко спасению.

Василий (Вильям) БУШ, 3 класс МДС

ХРИСТИАНСКИЙ ДЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ НА КИПРЕ

С 13 июля по 6 августа на Кипре находилась группа православной молодежи из Беларуси и Польши. В составе делегации остров посетил и студент II курса Московской Духовной Академии Александр Болонников. Предлагаем вниманию читателя его рассказ об одном из детских лагерей, в которых обычно проводит летние каникулы юное поколение киприотов.

Очень часто в различной церковной литературе можно встретить наименование Кипрской земли "Островом Святых". Безусловно, такое название этот небольшой остров в Средиземном море получил прежде всего за то, что кипрский народ, одним из первых приняв христианство, сохранил живую веру во Христа и

Беларусо-польская группа православных студентов на Кипре

произвел великий сонм святых. В справедливости такого названия мы убедились, не только посетив множество кипрских монастырей и храмов, но, может быть, даже в большей мере, общаясь с самими киприотами (здесь вспоминается, как св. апостол Павел в своих посланиях к первым христианским общинам называет искренно верующих "святыми братьями").

Цель нашего визита в Кипрскую Церковь состояла прежде всего в знакомстве с опытом христианского воспитания детей, то есть с тем опытом, в котором сейчас так нуждается наша Русская Православная Церковь. Конечно, мы имеем почти при каждом приходе воскресные школы, появились даже православные детские сады и гимназии. Но часто за всем этим забывается другая сторона жизни детей, та, которая для них самих кажется наиболее важной. Это то, что происходит с ними за порогом этих школ и садов.

Пребывая на Кипре, первые две недели мы жили в христианском детском лагере, который расположился в

горах на высоте около 1.100 метров над уровнем моря. Этот горный участок был куплен приходом района Полжориотисса столицы Кипра Никосии. Некогда выжженный солнцем каменистый участок горы предстал перед нами райским уголком — настолько все было ухожено. Всего лишь несколько построек — трапезная, дом священника, жившего всегда в лагере вместе с детьми, гостиная для обслуживающего персонала и бытовые помещения. Мы вместе с детьми и их вожатыми разместились в палатках. Здесь же, в лагере, есть и свой храм под открытым небом — лишь алтарная часть выложена природным камнем, а иконостас состоял из двух икон — Спасителя и Божией Матери. В самом центре лагеря разбиты великолепные клумбы вокруг удивительного фонтана. А в нескольких местах горы сделаны срезы под спортплощадки.

Отец Георгий, настоятель прихода в Полжориотиссе, занимающийся этим лагерем уже около 20 лет, рассказал, что все увиденное нами сделано на средства и руками прихожан. Этим пламенеющим любовью к детям людей мы увидели здесь же. На период работы лагеря они все взяли неоплачиваемый отпуск на своих работах. Один из них — г-н Костакис, сотрудник мэрии столицы, рассказал нам, как он соорудил на этой высоте фонтан и прочее. Другим очень активным прихожанином, проявляющим особую любовь к детям и заботу об этом лагере, оказался управляющий Народным Банком Кипра г-н Андрей Папавасилиу. Он не мог постоянно находиться в лагере, но всякую возможность использовал, чтобы приехать к детям, с которыми он беседовал, читал и объяснял Евангелие, проводил "часы искренности". Здесь же трудилась его дочь Тулия вместе со своим супругом, и многие другие прихожане, объединенные одной верой и одной целью — воспитать здоровое поколение людей.

Совершенно особое впечатление произвел на нас распорядок, по которому строился каждый день жизни этого лагеря. Точнее сказать, не распорядок, а содержание каждого дня. В 6.30 подъем и сразу зарядка, после которой около двадцати минут отводится на умывание, и все собираются в храме на утреннюю молитву, которая оканчивается семиминутной проповедью лидера по прочитанному стиху из Евангелия. Далее дежурный отряд готовит трапезную к завтраку, а после него все трудятся по благоустройству лагеря. Примерно в 10 часов с детьми по отрядам вожатые проводят беседы, которые тоже длятся не более десяти минут. После беседы дети обычно играли в интеллектуальные игры (шахматы и т.п.) до 11 часов, когда всех угощали сладостями. Немного подкрепившись, кто-то торопился на стройплощадки, кто-то продолжал игры, кто-то находил себе собеседника. По зову била дети собираются на обед около 14 часов. За обедом бывают некоторые объявления, а заканчивается он обязательно христианскими молодежными песнями. В это время дня находиться под палящим солнцем просто невозможно, поэтому из трапезной все расходится по своим палаткам на двухчасовой отдых. А просыпаются под музыку, снова спешат за

Храм под открытым небом

напитками и сладостями и собираются все вместе, чтобы услышать небольшой назидательный рассказ из истории Кипра. Часто этот рассказ повествует о недавних трагических событиях — оккупации части острова турками, когда многие православные киприоты мученически погибли от рук турок-мусульман, требовавших от них отречения от Христа. Далее до ужина дети по желанию выбирают себе занятие, а после ужина собираются на небольшой концерт, который по очереди готовит каждый отряд. Завершается день молитвой в храме.

Весь этот лагерь имеет одну цель — помочь детям узнать и полюбить Бога. И все мы были свидетелями того, насколько плодотворной является такая работа с детьми.

Основой жизни лагеря является живое богообщение — молитва. Естественно, что детям разного возраста иногда трудно воспринимать известное нам вечернее молитвенное правило (в Греции и на Кипре обычно вместо вечерних молитв совершают малое повечерие). Поэтому, собираясь в храм утром и вечером, дети все вместе хором произносят начальные молитвы (от Трисвятого по Отче наш), потом все поют небольшое песнопение (тропарь или "Тебе поем"). И далее наступает очень важный момент: вожатый произносит на новогреческом языке молитву, составленную вместе со священником, которая посвящена событиям наступающего или соответственно уже уходящего дня. После этой молитвы и отпуска каждый продолжает свою молитву, не нарушая общей тишины. А тот, кто оканчил молитву, бесшумно уходит из храма, не мешая другим.

Все мероприятия: игры, походы, поездки на экскурсии были спланированы примерно за полгода до начала лагеря, поэтому молитвы составляются в соответствии с общим планом жизни лагеря. Приведем такой пример. В один из дней каждый из отрядов совершал восхождение на вершину выбранной горы. Выходили рано утром и, забравшись на вершину, совершали утреннюю молитву. К обычному началу добавлялась молитва, составленная

организаторами лагеря, приблизительно такого содержания: "Благодарим Тебя, Господи, за Твою помощь нам в достижении этой цели. Путь на эту вершину был трудным и опасным, но Ты сохранил нас и помог нам. Вся наша жизнь — это полное трудностей и опасностей восхождение, цель которого — прийти к Тебе. Помогите нам, Боже, на этом пути нашей жизни. Не дай поскользнуться нам, не дай сорваться нам в пропасть..."

Кроме этого по воскресеньям в лагере совершается Литургия, участвуя в которой все дети и взрослые причащаются Святых Христовых Тайн. А накануне воскресного дня в отрядах бывают "часы искренности", когда дети признаются в своих плохих поступках и просят друг у друга прощения за причиненные обиды. После такого примирения все бывают на исповеди у отца Георгия.

Интересно проходят в лагере и дискуссии, беседы с детьми, которые проводятся ежедневно до обеда. Они состоят из двух увлекательных историй — одна в начале и одна в конце. Рассказав первую историю, вожатый методом наводящих вопросов вовлекает всех детей в разговор, который превращается в самую оживленную дискуссию. При этом вожатому очень важно уметь контролировать эту беседу, чтобы она не затянулась и не уклонилась от заданной темы. Заканчивается беседа второй историей на ту же тему. Но, если первая история была разобрана всеми вместе, как говорится, "по косточкам", то вторая оставляется без разбора и объяснений, чтобы ее нерешенность вызывала в течение дня работу детского мышления над доведением ее до правильного вывода. И действительно, можно было заметить, как дети даже после дневного сна во время игр и личных занятий делились друг с другом собственными мнениями и теми выводами, к которым они приходили.

Среди других мероприятий лагеря были также просмотры слайд-фильмов, экскурсии в наиболее древние храмы Кипра. Мы же по окончании пребывания в лагере посетили множество Кипрских святынь — монастырей и храмов, а также встретились с Предстоятелем Кипрской Церкви Блаженнейшим Архиепископом Хризостомом.

Хотелось бы передать читателям журнала просьбу Блаженнейшего Архиепископа Хризостома и всех киприотов, с которыми мы общались и которые принимали нас как своих единовверных братьев, молиться об их многострадальном народе, который уже более 20 лет несет тяжелый крест турецкой оккупации. На той области, которая захвачена турками-мусульманами, а это почти половина всей территории Кипра, уже не осталось почти ни одного грека-киприота и ни одного православного действующего храма, хотя их там были сотни. Сейчас часть православных храмов взорвана, часть превращена в мечети, а часть — в сараи для скота. Наиболее древние и ценные мозаики сбиты и проданы за границу, другие иконы и утварь просто уничтожены. Помня и свою недавнюю историю, будем молиться за наших православных братьев на Острове Святых.

Александр Болонников, 2 курс МДА

Обзор прессы

По мнению самих журналистов, если бы пришлось выбирать "тему десятилетия", то первое место, несомненно, осталось бы за тоталитарными сектами. Чем же живут сегодняшние сектанты? Что от них еще можно ожидать?

В "Известиях" от 12.09.96 опубликована статья "Продавцы неба", затрагивающая довольно серьезную проблему распространения в нашей стране дианетики. Основательный и беспристрастный подход авторов к данному вопросу практически делает ненужными какие-либо комментарии.

У истоков сайентологии (дианетика и сайентология — две ветви одного и того же учения) стоит американский писатель-фантаст Рон Хаббард (известна близость Хаббарда к самому знаменитому сатанисту XX-го века Алестеру Кроули), заявивший своим коллегам на съезде в Нью-Джерси, что лучший способ заработать миллион — это основать собственную религию. Сказано — сделано. Бизнес удался, и его плоды мы видим в России в лице Московского Центра Дианетики. Людям, приходящим в Центр, обещают полный успех в жизни, достигаемый с помощью очищения от негативных наслоений посредством одитинга. Вот рассказ человека, прошедшего через эту процедуру: "Меня заставляли вспоминать ключевые фразы в момент несчастий, яко бы запрограммировавшие меня на ошибки и неудачи всей последующей жизни... По их плану я должна была рассмеяться, и я рассмеялась. Но это был смех над дианетикой. Я решила, что это чисто коммерческая организация. Самый короткий и дешевый курс стоит 100\$, а вообще цены доходят до 1500\$". А вот свидетельство одного из бывших сотрудников центра: "Во время одитингов люди рычат, как львы, кричат, говорят на непонятных языках, плачут. Один мужчина лет сорока на моих глазах рыдал больше часа. Иногда возникает желание самоубийства".

Верующего человека вышеприведенные факты настораживают. А церковным людям эти симптомы напоминают обычное поведение одержимых нечистым духом. Авторы статьи замечают, что во все эти странные и явно небезопасные для психического здоровья состояния человека вводят не специалисты-психологи, а такие же, чуть попрактиковавшиеся "люди с улицы", как и сами испытуемые. И это не проходит даром для обеих сторон. В ноябре 1994 года в Центральном доме художника на Крымском валу награждали Н.Р., лучшего "одитора" Москвы, а через некоторое время руководство Центра сообщило нескольким ученикам, что Н.Р. лечится в психиатрической больнице им. Кашенко...

В статье есть список претензий, выдвигаемых против дианетики пострадавшими и борцами с этой сектой:

1. Резкое ущемление Центром юридических и экономических прав граждан, так как приходящие дают письменное обязательство с добровольным отказом от права разрешать разногласия и конфликты в граждан-

ском судопроизводстве, отказ от помощи адвокатов и т.д. Налицо лишение конституционных прав подписавших этот договор.

2. Более или менее серьезное повреждение психики человека во время одитингов.

3. Ломка судьбы человека. Неоднократны случаи разрушения семьи, ухода из учебных заведений и т.п.

4. Культивация странной морали, не соответствующей ни с заповедями христианства, ни с обычными гуманными установками атеиста.

Наличие мистических настроений у последователей этого учения становится очевидным после их рассказов о путешествиях во время одитинга в "прошлые жизни", с помощью которых они "добиваются душевного и физического исцеления". Одному из пришедших к одитору поставили с ходу диагноз: "Вы голову необычно поворачиваете, Вас в прошлой жизни... повесили". После этого авторы статьи честно признались, что центр кажется им "машиной по производству сумасшедших".

Хочется верить, что появления подобных сект — лишь недоразумения, допущенные только ввиду общего нестроения — и духовного, и нравственного, и социального — на пути формирования одновременно и духовности, и государственности. Однако факты раскрывают некую закономерность в появлении и распространении всевозможных религиозных учений, многочисленность и разнообразие которых заставляет акцентировать на них внимание. Пресса буквально переполнена сообщениями о возникновении и деяниях всевозможных сект и учений, каждая из которых заявляет о себе как о всепобеждающем, универсальном, верном.

Заслуживает внимание очень здравая статья Александра Дворкина, доктора философии, кандидата богословия, опубликованная в № 36 "Литературной газеты" под названием "Вперед к победе оккультизма? "Новая эра" и старые проповедники". Основная мысль автора та, что на смену марксистско-ленинской идеологии пришла новая духовность, новая ментальность, новая религия. Это — единое религиозно-оккультное движение. Автор характеризует марксизм-ленинизм как "религию со своим верованием, догматами, катехизисом, нравственностью, обрядами и церемониями... Мы вполне можем классифицировать его как апокалиптическую тоталитарную секту..." Те, кто пришел на смену марксистам, поняли, что для достижения успеха не нужно подгонять всех под одну систему — лучше действовать через популярные сегодня многообразие, плюрализм, терпимость. "Все новые религиозные движения и секты, с которыми мы сталкиваемся сегодня в нашей стране и мире, являются ветвями единого оккультного дерева, органическими частями единой антихристианской оккультной религии "Новой эры".

Если внимательно присмотреться к тому, что происходит, можно ужаснуться от обилия информации оккультного характера. Через средства массовой информации на людей обрушивается грандиозный по

размерам поток размышлений о реинкарнации, экстрасенсорике, космическом разуме, энергетике, третьем глазе. Сегодня наш народ мыслит уже другими категориями. По мнению автора статьи, "эта мутно-оккультная атмосфера и стала питательной средой для появления, роста и размножения всяческих чудовищных суеверий, сект и учений. Они говорят на понятном и приемлемом для всех языке, в отличие от Православной Церкви, говорящей и мыслящей в категориях, которые большая часть нашего народа так и не успела вспомнить: грех, ересь, догмат, ответственность, покаяние, благодать, таинство, спасение, святость".

В наше время налицо всемирный процесс возрождения язычества, и в нашей стране он набирает темп гораздо быстрее, чем идет возрождение Православия. Кроме того, в отличие от Церкви, неоязычество пользуется поддержкой всех ветвей власти на всех уровнях и во всех партиях. Известна недавно появившаяся Общественная Партия "Российский союз". "Они всячески подчеркивают свою русскость, преданность Православию и даже "неприятие иностранной духовной агрессии". Однако в их программе, присланной в Отдел катехизации и религиозного образования мы вновь столкнулись со сменой парадигм: это был чистый оккультизм, построенный на националистических сентиментах, заявляющий о преодолении христианства и о замене его новой, строго научной идеологией".

Еще одна интересная организация — это "Всемирный Русский Собор" (не путать со Всемирным Русским Народным собором, в работе которого принимает участие Московская Патриархия). Среди его учредителей — самые различные секты и движения, причем он является очередным преемником "неудавшегося объединения интернационалистов всех стран". В доказательство автор статьи приводит тот факт, что возле бывшего музея Ленина идет "совместная коммунистическая, неонацистская и неоязыческая тусовка, а на ее книжных развалах мирно уживаются труды Ленина и Рериха, Гитлера и Блаватской, Алис Бейли и Алистера Кроули, Бхагвана Раджниша и Рона Хаббарда".

И очень тревожно звучат слова Александра Дворкина, как бы подводящие итог всему вышесказанному: "Похоже, это объединение будет куда прочнее первого, и новая грозная сила, наступающая на христианство, может добиться гораздо больших успехов. Христианство теперь подвергается критике со стороны мягких, культурных, терпимых людей, обвиняющих его в нетерпимости и догматизме... Думается, большая часть из них даже не отдает себе отчета в том, что на завоеванные ими плацдармы общественного мнения вступают уже другие люди и организации, эффективности тоталитарного контроля которых могли бы позавидовать Сталин и Гитлер..."

Как бы в подтверждение этому публикация "Независимой газеты" от 5.09.96 г. «Миссия "Дома собраний"» рассказывает о еще одном учении, появившемся в России. Это "Церковь дома собраний"

(ЦДС), зарегистрированная на Тайване как некоммерческая организация. Основы секты были заложены в Китае в 1920-е годы. В настоящее время секта располагает значительными финансовыми средствами и недвижимостью, а ее лидера Уитнесса Ли (Ли Чаншоу) неоднократно обвиняли в злоупотреблениях в операциях с недвижимостью.

В России проповедники секты появились в 1984 году в качестве слушателей курсов русского языка в Ленинграде. Ими были переведены на русский язык брошюры Уитнесса Ли, издававшиеся в ФРГ и распространявшиеся в СССР. После распада Советского Союза ЦДС ведет широкую работу в России и бывших республиках. Около 300 американских и 100 тайваньских проповедников постоянно находятся в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. Широко раздается гуманитарная помощь.

Секта заявляет, что готова поддерживать братские связи со всеми конфессиями, предлагает им участвовать в евхаристии, чтобы в дальнейшем им вступить на путь отречения от "зablуждений". Сектанты считают неточным Никео-Цареградский Символ веры и поэтому составили свой, утверждающий, что Библия есть Слово Божие в том смысле, что во время ее чтения Сам Христос вселяется в читающего. Из этого развивается практика "молитво-чтения" — механическое чтение Священного Писания, перемежающееся причитаниями. Достигаемое в результате экстатическое состояние сектанты рассматривают как сошествие Святого Духа. Постоянно повторяемая фраза "О Господь Иисус" должна вводить человека в состояние "святости". Христос, по мнению Ли Чаншоу, является "преобладающей" ипостасью, вмещающей в Себя после Своего воплощения, Бога Отца и Святого Духа. Иногда же он трактует Святую Троицу в модалистском духе. Истинная цель Бога, по его словам, состоит в полном слиянии с человеком, то есть с тварью.

Несмотря на проповедуемое сектантами полное равенство всех верующих, у них существует четко определенная группа руководителей во главе с Уитнессом Ли. Интересно, что ЦДС издала собственную версию Нового Завета, исправленную в соответствии с основными положениями своего вероучения. "Возрожденный Новый Завет" издан на английском языке. По воскресеньям сектанты совершают свою "евхаристию". На середину комнаты ставят стол. Наливают вино и кладут большой опреснок, который преломляется рядовым "святым". Вместо исповеди — десятиминутная молитва о прощении грехов. Хлеб символизирует откровение и победу над сатаной. Вино символизирует жертву искупления, открывающую человеку путь к возрождению в Боге. Участвуя в трапезе, — по замечанию Уитнесса Ли, — верующие "удовлетворяют Господа воспоминанием о Нем".

Если приведенное здесь ранее может хоть как-то втиснуться в рамки общественных и социальных приличий, то статья Евгения Ростикова "Сатана идет в атаку" ("Рабочая трибуна", 6.09.96) указывает на явные аномалии, раскрывающие мир тайных побуждений, заслуживающих, пожалуй, названия скверны человеческого сердца.

Сообщения о сатанистах регулярно начали появляться со времени памятного убийства трех монахов Оптиной пустыни. По словам убийцы, для него это было ритуальным действием, "духовным подвигом". Автор статьи указывает, что сообщения о "раскуроченных надгробиях, оскверненных памятниках, вырванных из могил и всаженных обратной стороной крестов" все чаще стали приходиться из разных концов Белоруссии. А последний акт вандализма не имеет прецедентов: "белоснежные стены Свято-Духова кафедрального собора, находящегося в центре Минска, были размазаны зловещими надписями: "Я есть сатана, я есть истина. И я бессмертный", "Час настал, волче логово восстало из пепла, которое несет смерть христианским собакам..." Черной краской были замазаны двери собора и лики святых, нарисованы перевернутые кресты, колдовские знаки, средневековые сатанинские символы". Один семнадцатилетний участник этого преступления вскоре был пойман, но интерес общественности скоро угас: "Ну, подурачились мальчишки, что же тут страшного?"

Однако автор статьи приводит несколько подобных страшных примеров и делает предположение: "индуцированные психозы учащаются в переходные, нестабильные периоды, когда особенно нарастает эмоциональное напряжение в обществе. Именно поэтому в социальном плане опасны как сбитые с толку одиночки, так и те, под чьим влиянием они оказались. В этом ряду стоят многочисленные "мессии", самозванные "чудотворцы" и лидеры тоталитарных сект вроде "Белого братства" или "Аум синрикэ"...

Специалисты давно бьют тревогу: поток низкопробной ахинеи, захлестнувший книжный рынок, кино- и телеэкраны, благоприятствует распространению психических эпидемий. Вот почему так часты стали преступления на мистической почве. Сатанисты убивают священников, поджигают храмы, стреляют в иконы... Некоторые валяжные теоретики утверждают, что кровь и секс на экране в общем-то полезны для человека, так как "нейтрализуют дурную энергию". Серьезные же психиатры неопровержимыми фактами доказывают, что насилие и дьявольщина, заполняя информационное поле, иницируют слабодушных, по существу посвящая их в сатанизм. Смакование историй про маньяков и каннибалов порождает новых преступников. Инициация — это своего рода шок, после которого человек обретает способность переступить через общепринятые нравственные и правовые нормы".

На этом мрачном фоне отрадно звучит сообщение ИТАР-ТАСС ("Смена", 31.08.96) о распоряжении губернатора Санкт-Петербурга Владимира Яковлева (в ответ на обращение православной общественности о необходимости ограничить агрессию тоталитарных сект) соответствующим подразделениям городской администрации подготовить проект местного закона, регулирующего деятельность религиозных объединений.

Подготовил Сергей Зрянин, II курс МДА.

Секта "чайников"

(по материалам бразильского журнала "Вежа")

В далёкой Бразилии существует своеобразная секта под названием "Санту Дайме", которую у нас назвали бы тоталитарной. Она была основана в 20-х годах нашего века в бедном северо-восточном штате Акри полуграмотным крестьянином. Ее учение представляет собой причудливую смесь христианства и спиритизма. Но главное своеобразие секты заключается в её ритуалах, где гвоздём программы является заимствованный у амазонских индейцев галлюциногенный чай "айауаска". Под воздействием этого снадобья и бешеного ритма церемоний, длящихся 12 часов, даймисты (так бразильцы называют этих сектантов) впадают в транс, начинают созерцать некие "божественные" видения, получают откровения и т.д. "Айауаска" варится из растений, встречающихся только в амазонских лесах, она издревле использовалась местными индейцами для подобных религиозных целей. Поэтому бразильские власти и не преследуют её употребление, считая этот чай не наркотиком, а одним из элементов культуры аборигенов. Но бледнолицые поселенцы, переняв этот элемент у краснокожих братьев, поставили это дело на широкую ногу. Секта "Дайме" давно уже вышла за пределы захолустного штата Акри. Сегодня её центры действуют во Франции, Испании, Голландии и Финляндии. Туда всю экспортруется наркотический чай, производимый даймистами в количестве 8000 литров в год. На чёрном европейском рынке цена одного литра чая достигает 30 долларов.

Особенно пышным цветом секта расцвела в конце 80-х годов, когда к ней присоединились известные

Наркотический чай дают пить даже детям

бразильские артисты, в том числе Луселия Сантос, сыгравшая главную роль в фильме "Рабья Изаура". Потом, правда, почти все они из секты ушли. Но несмотря на это, она продолжает оставаться довольно распространенной. У неё около 5 тыс. последователей и 30 центров по всей Бразилии. Поселение даймистов в гуще амазонских джунглей, до которого можно добраться только по реке на каноэ, является излюбленным местом паломничества бразильских и иностранных туристов, жаждущих какой-нибудь новой необычной духовности. Сектанты впечатляют и внешне: на церемонии в свой "храм" они обязаны являться в особых костюмах, которые называются "формой" (см. фото). Лидеры секты носят длинные бороды. Кстати, верховный глава этого сообщества наркоманов Алекс Полари в 70-е годы был террористом подпольной коммунистической организации, за что позже отбывал срок.

И, естественно, у "Санту Дайме" есть свои жертвы. Помимо явной наркомании люди, пришедшие в секту, часто приобретают психические заболевания, есть случаи самоубийств. Сектанты привлекают много молодежи, которая с головой уходит в жизнь общины, покидая дома, бросая своих родителей, которые, видя это, начинают пытаться спасти своих детей, выгнать их из секты. Интересно, что на своих "радениях" даймисты дают наркотическое пойло даже маленьким детям (см. фото), включая и грудных. То есть общественная опасность секты очевидна. Все это во многом напоминает историю с "Богородичным центром", "Белым братством", "Аум Синрикё" и им подобными. И самое страшное — что она может повториться. Мы не застрахованы от того, что однажды загадочная секта "Санту Дайме" из страны, где "много диких обезьян", не появится на бескрайних просторах России. В Финляндии она уже есть — то есть совсем и у нас под боком. Может быть, скоро и у нас будут рекламировать галлюциногенный чай амазонских индейцев, как какое-нибудь новое целебное средство, которое "решит все ваши проблемы".

Вину за появление подобных сект можно свалить на государственную власть: кого мол они пускают в страну. И отчасти это будет верно: налицо неправильно понятая свобода совести. Но ведь "Белое братство" и "Богородичный центр" зародились здесь, на нашей почве. Поэтому внимание-то нам нужно обратить на самих себя, ибо жатвы много, а подлинных делателей, увы, мало.

Выжанов Игорь, 2 курс МДА.

Наследники Ассирии в XX веке

В наше время мало кто знает, что существовавшее в древности могущественное государство Ассирия после своей гибели оставило немалый след в истории в лице собственного народа.

Кто же они — ассирийцы? В энциклопедии "Народы России" за 1994 год мы находим статью, которая так и называется "Ассирийцы". Другое наименование этого народа — айсоры, халдеи.¹ В настоящее время в мире проживает всего около 350 тысяч ассирийцев. Наибольшее их число сосредоточено в Ираке, где их насчитывается 120 тысяч человек. Основная масса халдеев, как еще себя называют иракские ассирийцы, обитает в северных районах страны. Их много в губернаторстве Дахук на границе с Турцией, а также в сельской местности вокруг Мосула. Интересный факт — в правительстве Саддама Хусейна также есть один ассириец, который занимает один из ведущих постов в руководстве Иракской Республики. Около 100 тысяч ассирийцев проживает в соседнем с Ираком Иране. Священное для ассирийцев озеро Урмия в свое время укрывало их от набегов диких горцев-курдов. На равнине между городами Урмией и Шахнуром находятся многочисленные селения айсоров.

Следует немного остановиться на истории той части ассирийцев, которая имела в свое время очень тесное соприкосновение с Россией. В 1898 году 9 тысяч ассирийцев-несториан во главе со своим епископом Мар Ионией присоединилось к Православной Церкви.² В Санкт-Петербурге в Александро-Невской Лавре состоялся чин присоединения Мар Ионии с его персидской паствой.³ Конечно, Супурганская епархия, которую возглавлял претерпевший многие беды епископ Мар Иона (за свои симпатии к России он несколько лет провел в иранской тюрьме), была небольшой, но теперь Русская Православная Церковь получила в наследство народ с богатейшей культурой и древнейшими христианскими традициями, несмотря на их явное отклонение от православной истины. К тому же была ослаблена пропаганда протестантских и римо-католических миссионеров в этом регионе. В начале XX века благодаря усилиям созданной Урмийской миссии удалось осуществить целый ряд мероприятий по просвещению иранских ассирийцев. Организовывались народные школы, делались смелые попытки переводов с древне-сирийского на современные языки, с 1905 года был налажен выпуск периодического издания, получившего название "Православная Урмия".⁴ Издание этого миссионерского вестника осуществлялось в пограничном с Ираном российском городе Джульфа в Эриванской губернии (совр. Нахичеванская автономная республика в составе Азербайджана). В 1907 году попечение над ассирийцами, перешедшими в Православие, было вверено епископу Кириллу (Смирнову), викарию Санкт-Петербургской епархии.⁵ В 1914 году ему на смену в Урмию приехал епископ Сергей (Лавров-Петров).

В соседней с Ираном Турции в начале XX века также проживали ассирийцы. Мало того, в санджаке Хакяри близ Челемерика (Ванский вилайет) находилась резиденция патриарха всех несториан. Это было небольшое селение Кудчанис на берегу Большого Заба. В конце XIX — начале XX века несторианская церковь включала в себя 12 епархий, располагавшихся в Османской империи и Персидском шахстве.⁶

Плачевные времена наступили для турецких и иранских ассирийцев во время первой мировой войны, когда от рук турецких и курдских экстремистов погибло по крайней мере около 500 тысяч ассирийцев. Пик гонений приходится на трагический для всех восточных христиан 1915 год.⁷ поголовному уничтожению были преданы армяне, ассирийцы и прочие христиане. В 1917 году от рук курдов погиб сам патриарх Мар Шимон XVII Вениамин. Несторианские первоиерархи вынуждены были поселиться в ненамного более спокойном Иране. Но и отсюда в скором времени они были удалены. 18 августа 1935 года патриарх Мар Шимон Ешан был выслан из Ирана.⁸ Его новым пристанищем сначала стал о.Кипр, а затем с 1940 года — США.⁹

В настоящее время в Иране большая часть ассирийцев проживает в городе Тегеране и других крупных центрах. Турецкие ассирийцы (а их 70 тысяч) сосредоточены в районе между Гезиантепом и Иранской границей, между озером Ван и Иракской границей. Как и иранские соплеменники они сейчас предпочитают жить в городах. Это города на юго-востоке Турции — Диярбакир, Мардин, Нусайбин и Урфа (древняя Эдесса).¹⁰

Ассирийцы живут также в Сирии, где их насчитывается около 30 тысяч человек. Несколько тысяч потомков древней Ассирии сейчас находятся в рассеянии в Ливане, Иордании, Германии, Швеции, Великобритании, США.¹¹

На территорию Российской Империи ассирийцы впервые попадают после победного завершения русско-турецкой войны 1826-28 гг. Селились они в основном в близком по климату Закавказье. Но и в коренных российских губерниях часто можно было увидеть сидящих у дороги и просящих милостыню ассирийцев. Зачастую это были даже несторианские священники, которые не имея пропитания у себя на родине, искали его в чужой стране. Переезжавшие в русские города иранские ассирийцы занимались мелкой торговлей, а турецкие ассирийцы тем отличались, что они были искусными мастерами в сапожном деле, которое не требовало особого знания чужого языка.

Среди ассирийцев, проживавших в пределах Российского государства, постепенно еще в XIX веке распространяется Православие. Епископ Кирилл в 1907 году в Армении застал 7 православных ассирийских приходов.¹² Много ассирийцев-беженцев приютила русская земля во время первой мировой войны. С установлением Советской власти в Закавказье в 1920-21 гг.

многие ассирийцы были кооперированы в трудовые коммуны, а с начавшейся в 1929-30 гг. кампанией по принудительной коллективизации, объединены в колхозы и совхозы.

В настоящее время на территории бывшего СССР больше всего ассирийцев (кроме России) проживает в Грузии (6,2 тыс.), далее следуют Армения (6 тыс.), Украина (2,8 тыс.) и Азербайджан (0,6 тыс.). В Российской Федерации по данным на 1989 год проживало 9622 ассирийца. 90,5% их обитали в городах, отсюда — только 49,4% айсоров считает родным языком ассирийский, 95,5% свободно владеет русским. Крупные группы ассирийцев сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове. Значительная их часть находится в Краснодарском крае (1738 чел.), где существуют ассирийские поселения в сельской местности.¹³

Советская безрелигиозность сказалась и на ассирийцах, проживающих в СССР, но по свидетельству церковной печати (в частности, ЖМП), когда в 1982 г. в Москву прибыл патриарх ассирийской церкви Мар Динха IV, его радушно встречали единоверцы. Это была эпоха бурных экуменических контактов, и Мар Динхе IV предоставили возможность служить в московском православном храме во имя иконы Божией Матери Знамение. Правда, служил патриарх не в алтаре, а в трапезной части храма, где вместо престола стоял заменяющий его обычный стол. Подобное служение патриарх несториан осуществил и в Киеве для киевских ассирийцев. Официальный орган Московской Патриархии сообщал, что во время богослужения, возглавляемого Мар Динхой IV, присутствовало много ассирийцев, и многие из них причащались из рук самого католикоса ассирийской церкви.¹⁴

Что же касается православной миссии среди ассирийцев после известных событий 1917 г., то нужно сказать, что в 20-ые годы она перешла в ведение Русской Зарубежной Церкви. В 1945 г., когда Патриарх Алексий I посетил Багдад, к нему обратился епископ Урмийский и Саламасский Иоанн с просьбой о переходе под юрисдикцию Московского Патриархата.¹⁵ В это время Иранский Азербайджан был оккупирован советскими войсками.

В Ираке с XVI века существует Халдейская Церковь, отколовшаяся от несторианской и вошедшая в унию с Римом. Ее предстоятель носит титул "патриарха Вавилонского" с резиденцией в Багдаде.¹⁶

Резиденция же несторианского патриарха в XX веке неоднократно меняла место расположения, пока в середине столетия не оказалась за океаном в небольшом калифорнийском городке Медесто. В 1958 г. кроме патриарха в США находилось 3 несторианских епископа в штатах Калифорнии, Коннектинуте и Иллинойсе. Кроме этого существовало 5 ассирийских общин в других штатах.¹⁷ В 80-х годах нынешнего века несторианская церковь насчитывала более 80 общин, рассеянных по всему миру, и 7 епископов. Резиденция патриарха-католикоса в настоящее время находится в Чикаго, где в районе Великих Озер в настоящее время находится культурный и религиозный центр американских ассирийцев.¹⁸

Заключение

К сожалению, в современной исторической науке вопрос, касающийся судьбы несториан и вообще всех ассирийцев в XX веке, является неразработанным и малоизученным. Эта проблема была как-то забыта и к ней не обращались в советскую эпоху. Естественно, в какой-то мере это связано с идеологическим уклоном от религиозных вопросов. Поэтому, если кто-то и вспоминал о существовании ассирийцев, то основное внимание уделяли фольклору этого богатого культурой и традициями народа.

Зарубежные исследования, также немногословные, остаются вне поля зрения российских читателей, любителей церковной истории. Остается надеяться, что первые попытки систематизации исторических сведений о несторианах в XX веке приведут в дальнейшем к более углубленным исследованиям в данной области.

Владимир Голубцов, I курс МДА

Примечания

1. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.97.
2. *Муравьев Н.* Сиро-халдейская церковь. // ЖМП, 1956, №4. С. 70.
3. Новое торжество Православия: обращение сиро-халдейских несториан в лоно Православной Церкви. СПб., 1898. С.23.
4. Православная Урмия. 1914. №21. С.1-12.
5. *Филиппов Н., свящ.* Сиро-халдейская церковь. Загорск, 1968. С.71.
6. Католикос Востока и его народ: Очерки церковно-религиозной и бытовой жизни сиро-халдейцев. СПб., 1898. С. 6-26.
7. Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С.97.
8. *Муравьев Н.* Сиро-халдейская церковь. // ЖМП, 1956, №4. С. 70.
9. *Филиппов Н., свящ.* Сиро-халдейская церковь. Загорск, 1968. С.64.
10. *Брук С.И.* Население мира. Этнографический сборник. М., 1986.
11. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1994. С.73.
12. *Филиппов Н., свящ.* Сиро-халдейская церковь. Загорск, 1968. С.71.
13. *Кузьминов Л., свящ.* Визит патриарха-католикоса Ассирийской церкви. // ЖМП, 1982, №12
14. *Кузьминов Л., свящ.* Визит патриарха-католикоса Ассирийской церкви. // ЖМП, 1982, №12. С.121-122. ЖМП, 1982, №10. С.3-4.
15. *Бувский А.* Русская православная Церковь за границей // ЖМП, 1982, №10. С. 33.
16. Histoire des Religions. P. II / Editions Gallimard, 1972. P. 879.
17. Parishes and Clergy of the orthodox, and other eastern church in North America. N.-Y., 1958. P. 5, 111.
18. *Кузьминов Л., свящ.* Визит патриарха-католикоса Ассирийской церкви. // ЖМП, 1962, №10. С.3-4.

Если в нескольких словах попытаться определить, кем для нас является святитель Григорий Палама, то можно сказать следующим образом: это богослов опыта богообщения.

Как человек может быть причастен Богу, тварный Нетварному, грешный Святому? Это жизненный вопрос каждого христианина, желающего ответить любовью на Любовь, изливающуюся "во-вне" своими нетварными энергиями. Путь к Свету лежит, по Святителю, не через логическое и абстрактное мышление падшего человека, а через кропотливый и терпеливый труд аскезы, исполненный многочисленных скорбей и опасностей, доколе не совлечется богоискатель "ветхого человека" облакаясь в богосиянное смирение.

Святитель Григорий Палама традиционно причисляется к сонму высочайших созерцательных Отцов - богословов, публикуемый же нами канон приближает нас к Святителю - подвижнику, борцу со страстями, строгому аскету, кроткому пастырю и милостивому духовнику. Стяжав великое дерзновение перед Богом своим правильным и богоугодным монашеским подвигом, он ныне своей молитвой пред престолом Господним руководит искренние души ко Христу, поучая их очищению сердца и ума любовью, воздержанием и непрестанной молитвой.

Молебный канон святителю Григорию Паламе, архиепископу Солунскому

(творение монаха Герасима Микранниата).

Тропарь, глас 6-й

Якоже нерарх Христов богоносный, и чтущих тя теплый заступник, чудотворче Григорие отче наш, избави молитвами от искушений нежданных, и страстей и скорбей, и всяких опасностей, притекающих верою неуклонною чудному предстательству твоему, святой.

Канон, глас 8-й

Песнь 1

Прпев: Святителю отче наш Григорие, моли Бога о нас.

Богатым сняя просвещением, страстей мглу прогони от нас, твоими светоносными мольбами, чудотворче нерарше Григорие.

Нужды многообразные и беды наидоша на мя, отче, по множеству грехов, ты же своим предстательством обдержаша мя скорби свободи.

Слава: Чудес источая дары, исцели, отче, немоществующа мя люте, и испроси согрешений мне разрешение у Господа, всевлаженне Григорие.

И ныне: Якоже рождшая, Отроковице, с плотию бесплотное Слово, плоти моя лютыя уврачуй страсти, Богородице, и покаяния светом мя озари.

Песнь 3

Недугов пламень росю твоя благодати угаси, и пролей всем здравие свыше души же и тела, притекающим верою ко святым мощем твоим, отче Григорие.

Возделати Божественным страхом благия семена подаждь нам разумение, отче, и божественную силу, яко да пожнем добродетелей, нерарше, клас спасительный тя чтуще.

Слава: Крепость подаждь и благодать и просвещение свыше всесвятей твоей главе верою прибегающим и отгони отчаяния бурю от нас, Григорие, якоже изрядно сострадальчествующий.

И ныне: Рождшая неизреченно всех Господа, спасающего от древния клятвы, Отроковице, человека, спаси мя молюся от вражия напасти и вечныя мя жизни сподоби.

Седален:

Сохрани архирарше Григорие богоглаголиве, от всякия напасти и беды притекающих божественному твоему предстательству.

Песнь 4

Бдети укрепи Христовым законом нас, Григорие, яко да причастницы будем Утешителя осияния.

Могий избавити от противодушевных и телесных, Григорие, верою прибегающих ко святым мощем Твоим, блаженне.

Слава: Течение страстей осуши потоками, отче, яже в тебе благодати, и возведи, Григорие, течение нам божественныя благодсти.

И ныне: Умилостивление нам испроси, и сокрушений, Отроковице, исцеление и мир и свет свыше, омраченным, Мати Дево.

Песнь 5

Воззри на нас сострастия, Отче, оком, приходящих во святыи твой храм и подаждь радость душам нашим.

Укрепивыйся, мудре, противу ересей ярости и ныне утверди в догматах правых, сердца наша, святыи Григорие.

Слава: Великий помощник твоему стаду буди, Святыи, и согрешений нам проси отпущение, и лучшую радость, отче Григорие.

И ныне: Услыши наше моление, Всенепорочная, и разори советы злыя ищущих наша, Отроковице, погнбелн.

Песнь 6

Мудростию божественною сияя, вражия на нас мудрования, и тяжкие и коварные козни, твоим ходатайством в конец разори, Григорие чудотворче, нам божественный мир прося.

Избавитися многообразных приключений, и тяжких искушений и болезней, подаждь нам крепость, нерарше, якоже наш великий ходатай ко Господу, Солунский пастырь, богоглаголиве Григорие всеумдре.

Слава: Будучи света исполнен Божественнаго, якоже Света трисолнечнаго сиятель, ко свету заповедей Господних нас настави, яко таинник благодати, Григорие чудотворче, предстателя тя великого стяжавших.

И ныне: Спасителя и благодетеля всех, превыше слова, Богородице, рождаша, от безсловесия страстей нечистых смиренное мое сердце избави, и спаси мя, яко Благая, от горького владычества лукавейшего.

Кондак, глас 4-й:

Яко Спасителя слуга теплейший и православных предстатель и защита, неустанно моли, Григорие, нам даровати согрешений прощение, и всякия нужды избавление.

Песнь 7

Немоществующим крепость и страждущим, отче, избавление и разрешение печали и всякия тяготы проси всегда, Святыи, поклоняющимся верно гробу твоему святому.

Исцели боль страждущего сердца моего, Отче, Григорие и избави обдержания мя страстей нечистых и вразуми поюща: отцев наших Боже благодатен еси.

Слава: Язык богодохновенный имея, яко мудрец богоглаголивый, отче Григорие, изложи и ныне в

нашем сердце умно учения, ведущия присно к стези спасения.

И ныне: Из чрева Твоего святого во образе смертнем в мире възде и просия всем Солнце славы спасение вечное, поклоняющимся, Чистая, неизреченному Твоему Рождеству.

Песнь 8

Жезлом твоим божественным на места злочна спасения, отче преподобне, приведи твое стадо песнословствующее тя добраго пастыря.

Свыше воззри на благочестиво предстоящих святых твоей иконе, нерарше, и всем подаждь благодатное благословение.

Слава: Тело твое, отче, священное стяжавший яко святыню град Солунь от него приемлет отеческую твою благодать.

И ныне: Исцели, Отроковице, немоществующую душу мою, и подаждь ми покаяние пренскреннее, яко да по конце узрю Твою славу.

Песнь 9

Превеликих дарований сподобившийся, великих болезней и скорбей избави нас, яко великий предстатель наш, Григорие.

Верю притекающие, Отче, ко храму твоему, отческаго предстательства твоего да достигнем, яко да исполнимся божественныя благодати.

Слава: Вышняго сый слуга и Его Престолу предстоящий со славою, Григорие, присно поминай, Отче, воспевающих тя.

И ныне: Пречистая Марие, Благодатная, благодати божественныя мя исполни и спаси мя яко на Тя надежды моя имею, Владычице.

Молитва святителю Григорию Паламе, архиепископу Солунскому.

Всех православных наставниче и Церкви сияние, отче Григорие, всякаго обстояния нас избави, божественной иконе твоей предающе верую, свободя от навождения на нас вражия, ты во помощник наш являешия и исполняешия и исполняеши присно прошения светло увлажяющих тя, на всяко время моляся Трисиянной Тронце, Ейже подавает велня слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.